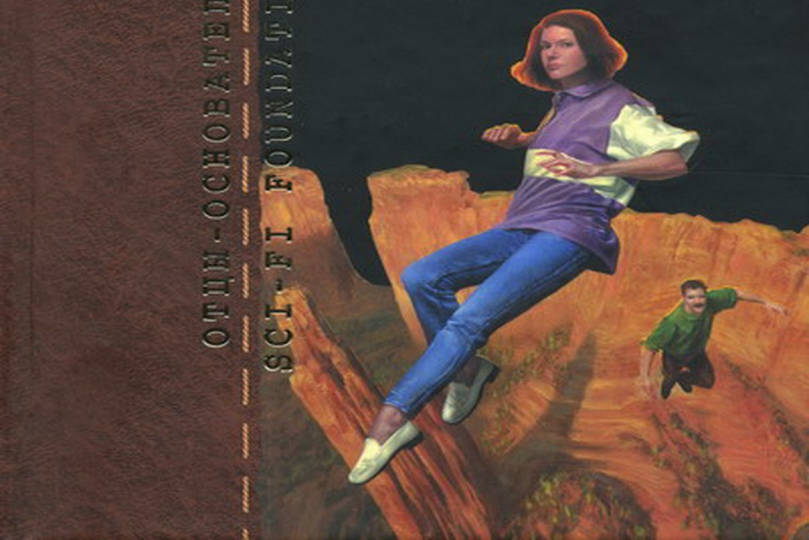
Весь ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ



ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Дети Мафусаила
Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. «Дети Мафусаила»
Часть I
1
2
3
4
5
6
7
8
Часть II
1
2
3
4
5
6
7
8

Аннотация

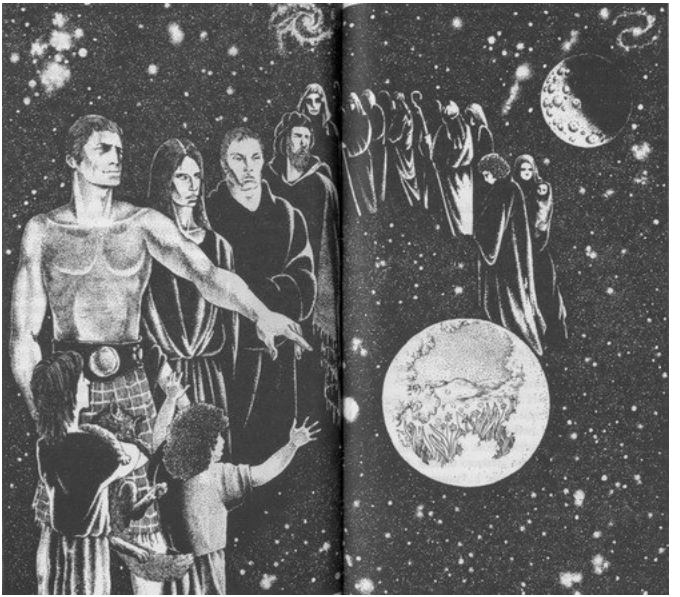
Фонд Говарда, поставивший своей целью стимулировать долголетие людей с помощью создания и поддержки семей, в которых оба родителя предположительно несли в себе гены долголетия, добился-таки своей цели: столетие спустя в человечестве скрытно образовалась новая каста долгожителей, чьи дети жили всё дольше и дольше… Только вот случайная утечка информации поставила всех «детей Мафусаила» на грань гибели — перед завистью и ненавистью простых людей они были бессильны… И единственным выходом для них стал захват первого из строившихся на орбите межзвездных исследовательских кораблей — и бегство на нём за пределы Солнечной системы — приключениям навстречу…

Роберт Хайнлайн «Дети Мафусаила»[1]

Посвящается Эдварду «Доку» Смиту

[1] Примечания: 1

Роман «Methuselah's Children» написан в 1941 году, то есть относится к самому раннему периоду творчества Хайнлайна. В 1958 г. вышла в свет переработанная версия романа, перевод которой и приведен в настоящем томе (помимо данного существуют также переводы П.Каракозова, Я.Войтко, А.Петрова). Поскольку изложенные в романе идеи очень много значили для автора, в своих поздних произведениях 70-80-х годов Хайнлайн вернулся к описанию истории «семей Говарда», особенно мощно эта тема прозвучала у него в самом последнем романе («Уплыть за закат», 1987), обретя психологическую достоверность и философскую глубину. Следует еще сказать, что в романе «Кот, проходящий сквозь стены» (1985) соединились продолжения сюжетных линий романов «Дети Мафусаила» и «Луна — суровая хозяйка».



Часть I

1

— Послушай, Мэри Стерлинг: если ты не женишь его на себе — будешь просто дурой!

Мэри Сперлинг подсчитала проигрыш и, прежде чем ответить, выписала чек.

— Разница в возрасте у нас слишком велика. — С этими словами она отдала чек собеседнице. — Не надо было с тобой играть. Иногда мне кажется, что ты — ясновидящая.

— Чепуха. А вот ты просто увиливаешь от ответа. Тебе сейчас уже, должно быть, под тридцать… а с годами не хорошеют.

— Можно подумать, я сама об этом не знаю, — усмехнулась Мэри.

— Борку Вэннингу никак не больше сорока; он — почтенный, уважаемый человек. Не упускай такой шанс!

— Забери его себе. А мне пора. Счастливо, Вэн!

— Пока, — ответила Вэн, мрачно провожая Мэри взглядом. Ей было жутко любопытно, с чего это Мэри отказывается от такой, можно сказать, выгодной партии, как достопочтенный Борк

Вэннинг,[2] а заодно — куда и зачем Мэри торопится, но нельзя ведь лезть с вопросами в чужую личную жизнь…

Сама Мэри никого не собиралась ставить в известность, куда направляется. Покинув квартиру подруги, она спустилась в подвал, вызвала из робопарка свою машину, села в нее и набрала код Северного побережья. Дождавшись свободного места в потоке машин, автомобиль вырулил на скоростную полосу и устремился к северу. Мэри поудобнее устроилась в кресле.

Достигнув заданного пункта, автомобиль притормозил и запросил дальнейших распоряжений. Мэри очнулась от дремоты и выглянула наружу. Справа сквозь сгущающиеся сумерки темнело озеро Мичиган. Вызвав дорожный контроль, Мэри попросила помочь ей перебраться на местную трассу. Ее машину немедленно вывели туда, а затем позволили владелице вернуться к ручному управлению. Она открыла отделение для перчаток.

Регистрационный номер ее машины, зафиксированный автоматикой при переходе на местную

---

[2] Примечания: 2

Этот титул в США используется при обращении к консулам, начальникам управлений министерств, членам Конгресса и мэрам крупных городов.

трассу, был, конечно же, не настоящий.

Мэри свернула на боковую дорогу, без надзора контрольной службы проехала несколько миль, затем вырулила на узкую грунтовую дорогу, ведущую к берегу, и остановилась. Выключив фары, она несколько минут вслушивалась в тишину. К югу морем огней светился Чикаго, в нескольких сотнях ярдов от берега по шоссе проносились машины, но поблизости не было никого. Лишь иногда тишину нарушали какие-то ночные звуки. Сунув руку в отделение для перчаток, Мэри нажала кнопку: внешне непримечательная приборная панель отошла, открыв спрятанные под ней подсвеченные шкалы приборов. Считав их показания, Мэри убедилась, что радарной слежки нет. Движения поблизости тоже не наблюдалось. Мэри выключила приборы, подняла стекла и снова тронула с места.

Автомобиль — с виду обычный скоростной «Кэмден» — бесшумно поднялся над землей и двинулся к озеру. Скользнув над водой, он погрузился, продолжая движение. Пройдя четверть мили от берега и опустившись футов на пятьдесят в глубину, Мэри вызвала центральный пост.

— Пароль! — раздался голос из динамика.

— Жизнь коротка…

— …хоть годы длинны…

— …пока не наступят тяжелые дни, — закончила Мэри.

— Иногда я в этом начинаю сомневаться. — Теперь голос звучал легко и непринужденно. — Отлично, Мэри. С проверкой покончено.

— Томми, ты?

— Нет, это Сесил Хендрик. Каналы для внешнего управления у тебя свободны?

— Да, бери управление.

Через семнадцать минут автомобиль всплыл под сводом искусственной пещеры, большую часть которой занимал бассейн. Едва он причалил к берегу, Мэри выбралась наружу, и, бросив охранникам «привет», прошла в просторный подземный зал, где уже собрались пять-шесть десятков мужчин и женщин. С некоторыми Мэри останавливалась поболтать, с другими обменивалась приветливыми словами. Когда пробило полночь, она поднялась на кафедру.

— Мне, — объявила она, — сто восемьдесят три года. Есть здесь кто-нибудь старше?

Таких не оказалось. Немного подождав, Мэри продолжила:

— Тогда, согласно нашим обычаям, я открываю собрание. Хотите выбрать председателя?

— Давай дальше, Мэри! — крикнули с места. Других предложений не поступило.

— Хорошо, — сказала Мэри. Внешне она была совершенно равнодушна к оказанному ей почету, да и царящая в зале атмосфера безмятежности и раскованности резко отличалась от напряженности обыденной жизни.

— Как всегда, — мягко начала Мэри, — мы собрались здесь для того, чтобы обсудить проблемы нашего собственного благополучия, а также благополучия наших братьев и сестер. Есть ли у кого-нибудь из представителей Семей заявления от имени своих кланов? Не хочет ли кто-либо выступить от своего имени?

Один из мужчин поднялся.

— Айра Уэзерэл, от имени Семьи Джонсон. Последнее собрание было всего два месяца назад. Вероятно, у организаторов сегодняшней встречи есть причины созывать нас опять? Хотелось бы послушать.

Кивнув, Мэри обратилась к невысокому, чопорному человеку, сидящему в первом ряду:

— Пожалуйста, Джастин.

Чопорный коротыш встал и церемонно поклонился. Из-под дурно скроенного килта виднелись его тонкие ножки: с виду и по повадкам — ти-

пичный старый буквоед, однако черные волосы и энергичный тон выказывали молодость их обладателя.

— Джастин Фут, — четко представился он. — От имени организаторов собрания. Одиннадцать лет прошло с тех пор, как Семьи решились на эксперимент, то есть обнародовали тот факт, что среди прочих людей есть такие, продолжительность жизни которых гораздо больше, чем у обычного человека. Подтверждалось это тем, что среди нас были люди, прожившие вдвое больше, чем предполагает средний срок человеческой жизни.

Говорил он без шпаргалки, однако речь его звучала так, будто он читал заранее подготовленный доклад. Сказанное им ни для кого не было новостью, но никто не торопил оратора: в отличие от обычных людей, его слушателям некуда было спешить. Докладчик продолжал:

— К мысли о том, чтобы отказаться от сохранения нашего существования в тайне, Семьи пришли по ряду причин. Позвольте напомнить вам, из каких соображений существование Семей скрывалось от широкой публики. Первые дети, родившиеся в результате браков, заключенных по рекомендации фонда Говарда, появились на свет в 1875 году. Они ничем не отличались от

прочих младенцев, и рождение их никем отмечено не было. Фонд же являлся в то время открыто зарегистрированной некоммерческой организацией…

17 марта 1874 года студент-медик по имени Айра Джонсон сидел в приемной адвокатской конторы «Димс, Уингейт, Олден и Димс», выслушивая предложение совершенно фантастического толка. В конце концов он прервал главу фирмы:

— Минуточку! Если я вас правильно понял, вы предлагаете мне деньги за то, чтобы я женился на одной из этих женщин?!

— Как вы сказали? — Адвокат опешил. — Ну конечно же нет, мистер Джонсон!

— Во всяком случае, ваши слова звучали именно так!

— Нет, нет. Такая сделка считалась бы незаконной и противоречила бы общепринятым нормам морали. Мы, как представители фонда, просто информируем вас о том, что в случае вашего брака с одной из молодых особ, чьи имена здесь перечислены, на нас возлагается приятная обязанность открыть счет на имя каждого ребенка, родившегося от вашего брака. Вот здесь проставлена сумма. Однако мы вовсе не предполагаем заключать с вами какое-либо письменное согла-

шение, равно как и принуждать вас к женитьбе. Мы просто информируем вас об этом.

Нахмурившись, Айра Джонсон заерзал на стуле.

— Да что все это значит? И почему — именно мне?

— А это уже — дело фонда. Можно сказать: потому, что им нравятся ваши дедушка и бабушка.

— Небось вместе с ними мои косточки перемывали, — буркнул Джонсон. Он вовсе не был в восторге от своих стариков. Четверо неисправимых жмотов — хоть бы один умер в подобающем возрасте! Не пришлось бы тогда беспокоиться о деньгах на продолжение образования…

— Конечно, мы беседовали с ними. Но не о вас.

На этом месте адвокат вручил Джонсону список девушек и распрощался с ним. Имена в списке были сплошь незнакомые. Вначале Джонсон решил порвать и выбросить его, как только выйдет из приемной, но вместо этого всю ночь составлял письмо своей девушке, оставшейся в родном городке. Он счел удачным лишь седьмой вариант, в котором ему удалось объяснить ей, что между ними все кончено. Слава богу, ничего серьезного у них не было — иначе вышло бы действительно скверно.

Женившись на одной из девушек списка, он обнаружил любопытное, хоть и ничем особо не замечательное обстоятельство: жена его тоже имела полный комплект бабушек и дедушек — живых, здоровых, словом, еще хоть куда.

— …на благотворительных началах, — продолжал Фут. — Его официальной целью было объявлено способствование повышению уровня рождаемости среди здоровых, полноценных американских граждан — это было вполне в духе времени. Для сохранения в тайне истинных целей фонда еще не требовалось исключительных мер — достаточно было просто о них не болтать. Так продолжалось до тех пор, пока не наступили «смутные времена» — промежуток меж Мировыми войнами…

Некоторые газетные заголовки за апрель-июнь 1969-го:

КРОШКА БИЛЛ БЕРЕТ БАНК!

Двухлетний малыш выиграл телеприз в 1 000 000 долларов! Телефонное поздравление из Белого Дома.

ПО РЕШЕНИЮ СУДА МЕСТНЫЙ КАПИТОЛИЙ ПОЙДЕТ С МОЛОТКА!

Верховный суд штата Колорадо признал первоочередное право на всю собственность штата за пенсионным фондом!

МОЛОДЕЖЬ НЬЮ-ЙОРКА ТРЕБУЕТ ВВЕДЕНИЯ ВЕРХНЕГО ВОЗРАСТНОГО ПРЕДЕЛА ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ! ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ — ВОЕННАЯ ТАЙНА!

КОНГРЕССМЕНША ИЗ КАРОЛИНЫ — КОРОЛЕВА КОНКУРСА КРАСОТЫ!

«Теперь можно и в президенты баллотироваться», — заявила она перед началом «королевского турне» по стране.

АЙОВА ПОВЫШАЕТ МИНИМАЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ДО 41 ГОДА!

Беспорядки в студгородке Де-Мойна.

ЗЕМЛЕЕДСТВО НА ЗАПАДЕ: ЧИКАГСКИЙ СВЯЩЕННИК ВО ВРЕМЯ ПРОПОВЕДИ ПОДКРЕПЛЯЕТСЯ ГЛИНЯНЫМ СЭНДВИЧЕМ!

«Назад к простоте!» — призывает он.

УЧАЩИЕСЯ ЛОС-АНДЖЕЛЕССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ВЫПОЛНЯТЬ РАСПОРЯЖЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ!

«Требуем повышения стипендий, уменьшения нагрузок и отмены домашних заданий! Требуем права выбирать учителей и тренеров!»

ДЕВЯТЫЙ ГОД РАСТЕТ ЧИСЛО САМОУБИЙСТВ!

Комиссия по ядерной энергетике заявляет: «Никакой связи с радиоактивными осадками!»

* * *

— …Смутные времена. Тогдашние Поверенные сочли — и, как мы теперь можем видеть, вполне справедливо — что в этот период семантической дезориентации и массовой истерии ни одно меньшинство не застраховано от возможности стать объектом преследований, дискриминации и даже насилия. К тому же, ухудшение финансового положения в стране — например,

принудительный обмен ценных бумаг фонда на государственные облигации — поставило благосостояние фонда под угрозу. По обоим пунктам были приняты меры.

Во-первых, все достояние фонда было обращено в материальные ценности и распределено между членами Семей в качестве их собственности. Во-вторых, в качестве постоянной политики была запущена так называемая программа «Маскарад». Были разработаны приемы и правила имитации смерти членов Семей, доживших, по понятиям окружающих, до положенного возраста, а после этого они, под другими именами, жили в других районах страны.

Всю мудрость такой политики, кое-кому казавшейся излишними предосторожностями, Семьи оценили во Времена Пророков. Во время правления первого Пророка девяносто семь процентов членов Семей формально пребывали в возрасте менее пятидесяти лет. Тщательная насильственная регистрация населения, проведенная тайной полицией Пророков, сделала изменение личности акцией весьма затруднительной, но нам удалось провести несколько таковых с помощью конспиративной революционной организации — так называемой Каббалы.

Таким образом, благодаря удаче и дальновидности, нам удалось сохранить существование Семей в тайне. Несомненно, это было к лучшему — в те времена любое сообщество людей, обладавших чем-либо недоступным для Пророков, чувствовало себя крайне неуютно. В событиях, приведших ко Второй американской революции, Семьи участия не принимали, хотя многие члены Семей вступали в Каббалу, пользовались там полным доверием и даже сражались в битве, предопределившей падение Нового Иерусалима.

Последовавший период общественной дезорганизации предоставил нам возможность изменить личности тех, кто прожил «слишком долго». Тут нам очень помогли наши братья, которые, будучи членами Каббалы, заняли в период Реконструкции ключевые правительственные посты.

На Семейном Совете 2075, то есть в год принятия Ковенанта, многие предлагали не скрывать более нашего существования: ведь гражданские свободы были полностью восстановлены. Однако большинство эту точку зрения не поддержало — возможно, потому, что за прошедшие десятилетия соблюдение тайны вошло в привычку.

Пятьдесят лет культурного возрождения, пять-

десят лет доброжелательности, соблюдения правил общежития, семантически разумная ориентация образования, возрастающее уважение к личной жизни и достоинству человека — все это вселило в нас надежду на то, что настало наконец время объявить человечеству о своем существовании и занять место хоть и необычного, но тем не менее уважаемого меньшинства. Для такого шага имелись веские причины. Все больше членов Семей находило, что «Маскарад» совершенно неприемлем в новом, улучшенном обществе. И не только потому, что человеку приходилось внезапно порывать с привычным укладом и искать новое место для жительства, но и потому, что нестерпимо больно держать что-то в тайне от общества, превыше всего ценящего честность. Более того, в результате биологических исследований, проводившихся Семьями, были получены знания, которые могли бы принести огромную пользу нашим бедным, недолговечным братьям. Мы хотели помочь им.

Конечно, с этими и другими доводами того же рода можно было поспорить. Но точная физическая идентификация личности, вновь введенная в обиход, сделала «Маскарад» почти неосуществимым. В сложившихся условиях мирный,

добропорядочный гражданин мог только приветствовать идентификацию личности, хотя горой встал бы за невмешательство в свою частную жизнь, а потому мы решили не противиться — это вызвало бы подозрения, привлекло бы к нам внимание и лишило смысла всю идею «Маскарада». Мы были вынуждены подчиниться идентификации личности.

Ко времени Совета 2125 года, то есть одиннадцать лет назад, осуществлять изменение личности для все увеличивающегося числа наших собратьев, чья внешность не соответствовала официальному возрасту, стало почти невозможно. Тогда мы решили, ради эксперимента, позволить добровольцам, число которых не превышало одной десятой от общей численности Семей, раскрыться, чтобы выяснить реакцию общества прежде, чем сообщать людям о существовании Семей. К сожалению, результаты оказались далеки от ожидаемых.

Джастин Фут умолк. Несколько мгновений в зале стояла мертвая тишина, затем ее нарушил коренастый человек, сидевший в середине зала. На висках его проступала легкая седина, что для присутствующих было делом необычным, а лицо покрывал загар, характерный для тех, кто

работает в космосе. Мэри Сперлинг еще раньше заметила этого человека и гадала, кем бы он мог быть: ее заинтересовало это открытое, живое лицо и громкий смех, впрочем, любой член Семей имел право присутствовать на Совете, и потому Мэри не слишком утруждала себя размышлениями.

— Выкладывай, братец. Что там у тебя дальше?

— Итоги подведет наш главный психометрист, — ответил Фут. — Я же — лишь ввел присутствующих в курс дела.

— Бож-же пра… — изумленно воскликнул седой незнакомец, — так ты, браток, стало быть, хочешь сказать, что у тебя для нас ничего, кроме всем известных вещей, нет?!

— Мое выступление было лишь базовым. И зовут меня Джастин Фут, а вовсе не «браток».

Тут вмешалась Мэри Сперлинг:

— Брат, — сказала она незнакомцу, — раз уж ты обращаешься к Семьям, может быть, ты представишься? Я тебя, к сожалению, не знаю.

— Извини, сестра. Лазарь Лонг, говорю от своего имени.

Мэри покачала головой.

— И все же я никак не могу припомнить…

— Еще раз извиняюсь, это мое имя для «Мас-

карада», я принял его во времена первого из Пророков. Очень уж оно забавное. Я из семьи Смитов, а зовут меня Вудро Вильсон. Вудро Вильсон Смит.[3]

— Вудро Вильсон… *Да сколько же тебе лет?!*

— Э-э… Я уж давно со счета сбился. Сто… Нет, двести… Да, верно. Двести тринадцать.

Воцарилась тишина. Мэри тихо спросила:

— Ты слышал, как я спрашивала, есть ли в зале кто-нибудь старше меня?

— Слышал, как же. Да черт с ним, сестренка, ты и сама неплохо управляешься. К тому же я уже лет сто, как на Совете не был, ну и подумал: а вдруг, к примеру, процедура поменялась.

— Прошу, займи свое место.

Мэри покинула кафедру.

— Да не надо! — запротестовал он, однако Мэри, не обращая на протесты внимания, прошла в зал и села. Лазарь, оглядев зал, пожал плечами и

---

[3] Примечания: 3

Два первых имени герой романа получил в честь Вудро Томаса Вильсона (1856–1924), 28-го президента США, талантливого законодателя, инициатора вступления США в Первую мировую войну. Его новое имя — Лазарь восходит к Библии. Впрочем, только в этом переводе Лонга зовут Лазарем. Остальные переводчики предпочли латинизированную форму «Лазарус». Лазарус Лонг — это один из любимых персонажей Хайнлайна. Он встречается в таких произведениях, как «Достаточно времени для любви», «Число Зверя», «Кот, который проходил сквозь стены», «Уплыть за закат» (последний роман посвящен описанию истории жизни матери Лазаруса Лонга).

поднялся на помост. Усевшись на уголок председательского стола, он сказал:

— Ну что ж, давайте продолжать. Кто там следующий?

Ральф Шульц из Семьи Шульцев больше походил на банкира, нежели на психометриста. Он не был ни застенчивым, ни робким и говорил ровным, уверенным голосом, что придавало его словам дополнительный вес.

— Я был одним из тех, кто предлагал покончить с «Маскарадом». И был неправ. Я верил: большинство наших сограждан, воспитанных современными методами, смогут все что угодно воспринять спокойно. Без лишних эмоций. Я предполагал: кучка не совсем здоровых в психическом отношении людей будет негодовать, а возможно, и возненавидит нас. Я даже предсказывал, что многие станут завидовать нам: всякий, кто радуется жизни, хочет, чтоб она продолжалась как можно дольше. Однако я не предполагал, что неприятности могут достигнуть таких масштабов! Я считал, что современное общество покончило с расовыми предрассудками, а те, кто еще придерживается их, постесняются заявить об этом вслух. Я верил, общество стало достаточно терпимым, чтоб можно было открыться недолго-

вечным и жить с ними в мире. И я ошибался.

Негры ненавидели белых и завидовали им, пока те имели перед ними преимущество цвета кожи. Здоровая, нормальная реакция! Когда же дискриминации не стало, проблема себя изжила и произошла культурная ассимиляция. Теперь часть людей точно так же завидует нам, долгожителям. Мы полагали, их реакция не возымеет серьезного общественного значения, ведь большинству людей будет ясно, что причина нашего долголетия в наших генах, а это не наша вина, так уж нам повезло с предками. На самом же деле мы принимали желаемое за действительное, и теперь уже не может быть никаких сомнений, что правильное толкование данных математического анализа привело бы нас к совершенно противоположному ответу и выявило бы неуместность использованных аналогий. Я не оправдываюсь — какие уж тут оправдания… Наши чаяния вскружили нам головы. Короче говоря, произошло вот что: мы продемонстрировали нашим недолговечным братьям воплощение величайшей человеческой мечты, а затем сказали, что им такого не видать, как своих ушей. Они встали перед неразрешимой дилеммой. И теперь просто отказываются верить

фактам. Они отвергают то, что мы рассказали им, а их зависть перешла в ненависть. Подсознательно они убеждены, что мы злонамеренно лишаем их законного права на долгую жизнь. Ненависть к нам, непрестанно усиливаясь, превратилась в мощный поток, угрожающий благосостоянию и самой жизни тех наших братьев, кто раскрылся для общества. Потенциально поток ее опасен и для остальных членов Семей. Опасность, которая нависла над нами, весьма велика.

Разом замолчав, он сел.

Слушатели сохраняли спокойствие — с годами невозмутимость вошла у них в привычку. Поднялась одна из женщин:

— Ева Барстоу, от Семьи Купер. Ральф Шульц, мне сто девятнадцать лет. По-моему, ты младше. У меня нет ни математических способностей, ни знания человеческой психологии, однако на своем веку я встречалась со множеством людей. Человек по сути благожелателен, он чуток и добр. Конечно, у него имеются некоторые недостатки, но дайте ему хоть маленький просвет впереди, и все в порядке! Я не могу, никак не могу поверить, что кто-то может возненавидеть меня и даже убить только за то, что я живу дольше! Что ты скажешь на это? Ведь раз ты уже ошибся — мо-

жет, и тут тоже?

Шульц спокойно смотрел на нее, разглаживая складку на килте.

— Ты права, Ева. Очень может быть, что я снова ошибся. Вся беда психологии в том, что она так сложна, в ней так много скрытых факторов, а человеческие взаимоотношения иногда настолько непредсказуемы, что даже убедительные с виду выводы в свете последующих событий частенько оказываются полной чепухой.

Он снова поднялся, оглядел аудиторию и заговорил с прежним апломбом:

— На этот раз я не пытаюсь предсказать отдаленное будущее. Я оперирую фактами, а не догадками или надеждами на лучшее. И то, что можно предсказать на основании этих фактов, верно, как дважды два, и произойдет неминуемо. Однако в главном Ева права. По отдельности каждый человек добр и терпим в отношениях с другими отдельно взятыми людьми. Еве не угрожает никакая опасность со стороны ее друзей и соседей. Мне со стороны моих — тоже. Но мои соседи могут представлять опасность для нее, а ее — для меня.

Психология масс — не просто сумма психологий индивидуумов, а нечто более сложное и

непредсказуемое; в этом — основное положение социальной психодинамики, и исключений из этого правила пока что не наблюдалось. Психология масс подчинена закону стадности, закону массовой истерии. Он давно известен военным, политическим и религиозным деятелям, рекламным агентам, пророкам и агитаторам, инициаторам беспорядков и актерам, а также главарям банд. Этот закон использовали на практике с незапамятных времен — задолго до того, как он был обоснован математически. И он всегда отлично работал, и сейчас работает не хуже.

Я и мои коллеги еще несколько лет назад стали подозревать, что массовая истерия по нашему поводу возрастает, однако сочли, что доводить наши соображения до сведения Совета рано, так как доказательствами мы еще не располагали. К тому же любое, даже самое здоровое, общество имеет свои недостатки… Антагонистические тенденции были вначале столь незначительны, что мы даже сомневались в их существовании, не говоря уж о том, что общественные отношения вообще сложны и перепутаны, хуже клубка спагетти. Они существуют в абстрактном топологическом пространстве со многими измерениями, а потому математически описать их чрезвычайно

трудно. Сложность такой задачи невозможно преувеличить.

Итак, мы выжидали, беспокоились, проводили статистические исследования, тщательно конструируя нашу статистическую вселенную. И когда убедились в правильности наших догадок, то было едва ли не поздно. Социопсихологические тенденции зарождаются и угасают экспоненциально, или по степенному закону с комплексным показателем. Мы не оставляли надежды, что сыграют свою роль положительные факторы: работы Нельсона в области симбиотики, наши успехи в гериатрии, громадное общественное значение освоения спутников Юпитера для колонизации. Любое событие, потенциально способное дать шанс на продление жизни, либо большие жизненные перспективы для недолговечных, положили бы конец глухой враждебности по отношению к нам. Вместо этого ненависть из искры превратилась в пламя, в целый лесной пожар, которым невозможно управлять. По нашим сведениям, число людей, настроенных агрессивно, лишь за последние тридцать семь дней увеличилось вдвое и продолжает неуклонно расти. Можно лишь строить предположения, как далеко зайдет этот процесс и как быстро он

будет идти; вот почему мы предложили созвать очередной Совет. Неприятностей можно ожидать в любой момент.

Он тяжело опустился в кресло; лицо его было бледным.

Ева не стала продолжать спор. Не возражал никто из присутствующих. Не один Ральф Шульц — признанный авторитет в своей области, — но все они чувствовали: к их братьям, открывшимся обществу, люди настроены крайне недоброжелательно. И хотя все понимали, что им угрожает, у каждого было свое мнение о том, что следует предпринять. В продолжение двух часов Лазарь терпеливо слушал нудные пререкания, а затем попросил слова.

— Так мы ни к чему не придем, — подытожил он. — Если даже до завтра здесь проторчим. Давайте-ка глянем на проблему в целом и прикинем, что делать. Можно, — он принялся загибать пальцы, — не делать ничего, сидеть, как мыши, и ждать, что будет дальше. Можно полностью отменить «Маскарад», объявить, сколько нас на самом деле, и потребовать политических прав. Можно оставить все как есть, используя нашу организацию с ее деньгами для защиты наших братьев, вышедших из подполья. Может, нам сно-

ва удастся укрыть их от греха подальше. Можно покончить со всякими тайнами и выклянчить у правительства место для устройства колонии, где бы мы жили сами по себе. Можно сделать что-нибудь еще. Однако я надеюсь, что каждый из вас выберет для себя один из четырех основных вариантов. Разберитесь — хотя бы по четырем углам зала, — и пусть каждая группа разработает свой план и представит его на Семейный Совет. А те, кто не согласен ни с одним из четырех вариантов, могут рассесться в центре зала и спорить хоть до посинения. Если нет возражений, позвольте мне объявить перерыв до завтрашнего вечера. Что скажете?

Никто ничего не сказал. Все были удивлены манерой Лазаря вести Совет — здесь привыкли к неторопливым, долгим дискуссиям, проблемы обсуждались, пока одна из точек зрения не принималась единогласно, а потому такая спешка несколько шокировала присутствующих.

Однако Лонг был сильной личностью, возраст его внушал уважение, а несколько старомодный говор придавал его словам патриархальную весомость, так что возражать никто не решился.

— Отлично, — объявил Лазарь, хлопнув в ладоши. — Лавочка закрывается до завтрашнего

вечера.

Он сошел с помоста. К нему подошла Мэри Сперлинг.

— Я хотела бы поближе познакомиться с тобой, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Конечно, сестричка. Отчего бы нет?

— Ты остаешься на обсуждение?

— Нет.

— Тогда, может быть, проводишь меня?

— С удовольствием. Дел у меня совершенно никаких.

— Тогда идем.

Они прошли к подводной пещере, соединявшейся с озером Мичиган. Увидев ее псевдо-«Кэмден», Лазарь удивился, однако ничего не сказал, пока они не забрались внутрь.

— А ничего у тебя машинка.

— Верно.

— С секретиками…

— Да, — улыбнулась Мэри. — А еще она умеет внезапно взрываться, если кто-нибудь попробует посмотреть, что у нее внутри.

— Неплохо. Ты, Мэри, наверно, конструктор?

— Я? Нет, конечно! По крайней мере, уже лет сто в технике не разбираюсь. Но если хочешь такую машину, можно заказать у Семей. Скажи…

— Да вздор, мне она вовсе ни к чему. Просто люблю вещи, которые работают надежно. Сразу видно, светлая голова выдумала.

— Да…

Некоторое время Мэри прощупывала окрестности с помощью радара, а убедившись, что вокруг все спокойно, бесшумно вывела машину на берег.

Приехав домой, Мэри предложила Лазарю сигареты и выпивку, а сама отправилась в спальню переодеться. В домашнем она выглядела миниатюрнее и моложе. Когда она вернулась в комнату, Лазарь поднялся, раскурил для нее сигарету и протянул ей, издав в качестве комплимента нескромный свист.

Улыбнувшись, Мэри взяла сигарету и опустилась в огромное кресло, поджав под себя ноги.

— Лазарь, ты вселяешь в меня надежду.

— Да что ж у тебя, зеркала нет?!

— Я не о том, — с нетерпением ответила она. — Ты сам. Ты ведь прекрасно знаешь, что я уже пережила наш средний возраст. Я лет десять, как смирилась с мыслью, что конец близок, и приготовилась к смерти. Но вот ты сидишь напротив, а ведь ты гораздо старше меня… на много-много лет. Ты вселяешь в меня надежду.

Лазарь выпрямился.

— Это ты-то приготовилась к смерти? Девочка! Да ты еще сотню лет будешь такой же симпатичной!

Мэри устало отмахнулась.

— Не смейся. Ты отлично знаешь, внешность тут ни при чем. Лазарь, *я не хочу* умирать!

— Я и не думал дурачить тебя, сестренка, — мягко ответил он. — Ты не выглядишь так, будто одной ногой в могиле.

Мэри пожала плечами.

— Это — просто биотехника. Я только выгляжу на тридцать с небольшим.

— Я бы сказал, еще моложе. Наверно, я не разбираюсь во всяких новомодных штучках — я говорил, что даже на Совете уже лет сто не бывал. Вообще говоря, я и с Семьями все это время не общался.

— Правда? А почему, если не секрет?

— Длинная история, да и глупая к тому же. Одним словом, надоели они мне до смерти. Раньше я всегда был представителем на ежегодных встречах, однако они стали шибко уж официальными и неинтересными. И я послал их к черту. Почти всю эпоху Пророков провел на Венере. После подписания Ковенанта вернулся на Землю

— года на два, не больше. Люблю, знаешь ли, перемену мест.

Мэри смотрела на него с восхищением.

— О-о! Расскажи! Никогда не бывала в космосе, ну, только раз летала в Луна-Сити.

— Конечно, расскажу, — согласился Лазарь. — В свое время. А пока хотел бы услышать, как можно сохранить такую внешность. Девочка, тебе ведь при всем желании не дать твоих лет!

— Надеюсь. То есть это, конечно, так, однако я ничего не знаю о том, как это делается. Гормоны, симбиотика, что-то там с железами и немного психотерапии — примерно так. Подобные штуки приводят к задержке старения, а внешние признаки удаляются косметически.

Некоторое время Мэри помолчала.

— Когда-то они считали, что нашли секрет бессмертия — настоящий Источник Вечной Молодости. Но это было заблуждением. Старость просто откладывается. Первое предупреждение — за девяносто дней, а затем — смерть.

Она вздрогнула.

— Конечно, многие не хотят умирать от старости. Две недели на уточнение диагноза, а затем — эвтаназия.

— Вот уж хрен-то вам! Не-ет, мне это не под-

ходит! Когда дьявол явится по мою душу, ему придется тащить меня силком, а я буду брыкаться изо всех сил!

Мэри криво улыбнулась.

— Мне легче, когда ты так говоришь, Лазарь. Я никогда бы не смогла говорить на эти темы с людьми младше меня. Но твой пример придает мне уверенности.

— Мы еще многих из них переживем, Мэри; ты только не волнуйся. Кстати, насчет Совета. Я не в курсе последних новостей, только недавно на Землю вернулся. Этот парень — Ральф Шульц… Он вправду знает свое дело?

— Думаю, да. Дед его был выдающимся человеком, да и отец — тоже.

— Надо так понимать, ты знаешь этого парня.

— Немного. Он — один из моих внуков.

— Забавно… А выглядит старше, чем ты.

— Ральф решил, что ему больше всего подходит внешность сорокалетнего, только и всего. Его отец был моим двадцать седьмым ребенком. А Ральф, наверное… Сейчас сосчитаю. Он по крайней мере на восемьдесят-девяносто лет младше меня. И, несмотря на это, он старше многих моих отпрысков.

— Да, ты немало сделала для Семей, Мэри.

— Как и Семьи для меня. Мне нравилось воспитывать детей, а выплаты фонда за три с лишним десятка детей составили приличную сумму. Я могу позволить себе любую мыслимую роскошь, — Мэри вздрогнула. — Наверное, поэтому я так боюсь, я люблю жизнь.

— Прекрати! Я-то думал, мой блестящий пример и юношеская улыбка полностью избавили тебя от этой ерунды.

— Н-ну… Кое в чем ты мне помог.

— М-м-м… Слушай, Мэри, а почему бы тебе еще раз не выйти замуж? И не нарожать кучу горластых сорванцов? Тогда-то у тебя просто времени на страхи не останется!

— Это в мои-то годы? Вот уже действительно, Лазарь…

— А что такого? Ты куда младше меня.

Некоторое время Мэри молча его разглядывала.

— Лазарь, ты делаешь мне предложение? Если так, выражайся яснее.

Лазарь поперхнулся и замер с раскрытым ртом.

— Погоди, погоди! Успокойся. Я ведь только так сказал… Сам я для семейной жизни не гожусь. Нет, правда. Всякий раз, когда я женился, через

несколько лет жена просто не могла выносить моего вида. Нет, я ничего не говорю… Ты девушка хоть куда, и любой мужчина с радостью бы…

Подойдя к нему, Мэри прикрыла его рот ладонью. Лукаво улыбаясь, она сказала:

— Я вовсе не хотела смущать тебя, брат. А впрочем, может быть, и хотела — мужчины так смешны, когда думают, что их хотят заманить в ловушку.

— Ладно, ладно, — хмуро проворчал Лазарь.

— Забудь об этом, дорогой. Скажи, какой вариант они, по-твоему, выберут?

— Ты об этом вечернем сборище?

— Да.

— Да никакого! Ни к чему они не придут. Знаешь, Мэри, комитет — единственная известная форма жизни с сотней желудков, но без единой капли мозгов. В конце концов кто-нибудь с головой на плечах заставит их согласиться с его планом. Не могу сказать, что это будет за план.

— Ну что ж… А что бы предпочел ты сам?

— Я? А ничего. Знаешь, Мэри, если я и убедился в чем-то за последние две сотни лет, так это в том, что все проходит.[4] Войны там, депрессии,

---

[4] Примечания: 4

Слова эти были вырезаны на перстне царя Соломона.

Пророки, Ковенанты… Все проходит. Фокус в том, чтобы их пережить.

Мэри задумчиво кивнула.

— Думаю, ты прав.

— Конечно, прав. Только через сотню лет начинаешь понимать, насколько это хорошая штука — жизнь.

Лазарь встал и потянулся.

— А теперь юноша не против бы малость всхрапнуть.

— Я тоже.

Квартира Мэри находилась на последнем этаже — с видом на небо. Еще когда Мэри входила в гостиную, она выключила свет и сделала потолок прозрачным; теперь они сидели в темноте, любуясь видом звездного неба. Потягиваясь, Лазарь посмотрел вверх; взгляд его задержался на одном из любимых созвездий.

— Занятно, — заметил он, — кажется, в поясе Ориона появилась четвертая звезда!

Мэри подняла взгляд:

— Может, это корабль Второй Экспедиции к Центавру?[5] Посмотри, он движется?

— Без приборов не разглядеть.

---

[5] Примечания: 5

Первая экспедиция была, судя по всему, организована фондом Джордана в 2119 году (роман «Пасынки Вселенной»).

— Да, верно. Правильно сделали, что построили его в космосе.

— А иначе никак: для Земли он слишком велик. Мэри, могу я лечь прямо тут? Или у тебя есть другая комната?

— Есть, вторая дверь направо. Не сможешь чего-нибудь найти — позови.

Она поцеловала его в щеку, будто клюнула.

— Спокойной ночи.

Лазарь направился к себе.

Наутро Мэри проснулась в обычное время. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Лазаря, она встала, проскользнула в ванную, приняла душ, сделала массаж и проглотила тоник, чтобы компенсировать краткость отдыха. Затем умеренный завтрак; талию она берегла. Взбодрившись таким образом, Мэри принялась за телефонные звонки, поступившие вчера, пока ее не было. Прокрутив несколько малозначительных сообщений, в которые она даже не пыталась вникнуть, она услышала голос Борка Вэннинга:

— Привет, Мэри, — сказал аппарат, — это Борк. Звонил в двадцать один ноль-ноль. Зайду завтра в десять утра, сходим на озеро и где-нибудь позавтракаем. Если, конечно, ты не против. Счастливо, дорогая! Мое почтение.

— Мое почтение, — автоматически повторила Мэри. А, чтоб его! Почему он никак не поверит, что я отказала ему окончательно?! Да, Мэри Сперлинг, с тобой что-то неладно. Ты ведь в четыре раза старше, и никак не можешь привести его в чувство… Надо позвонить ему и сказать… Нет, поздно. Он будет с минуты на минуту. Проклятье!

2

Перед тем, как лечь, Лазарь снял килт и небрежно швырнул в шкаф. Невидимая сила подхватила его, расправила и бережно повесила.

— Неплохо, — подумал он. Оглядев себя, Лазарь ухмыльнулся: килт скрывал бластер, висевший на одном бедре, на другом был нож. Он знал о запрете на ношение личного оружия, но без него чувствовал себя голым. И вообще такие обычаи — сплошная чушь, бабьи выдумки. Не бывает «опасного оружия», опасными могут быть только люди!

Выйдя из ванной, он положил оружие так, чтобы было под рукой, и улегся спать.

Проснулся он внезапно, причем и бластер, и нож уже были у него в руках. Вспомнив, где находится, Лазарь расслабился и решил выяснить, что же такое его разбудило.

Причиной оказался бубнеж в гостиной, доносившийся через вентиляцию. Звукоизоляция здесь ни к черту, решил он. У Мэри, кажется, гости, значит, и ему не следует валяться в постели. Стряхнув остатки сна, Лазарь поднялся и отправился в душ. Освежился, пристегнул к бедрам

своих верных спутников и пошел разыскивать хозяйку.

Когда дверь гостиной бесшумно распахнулась перед ним, разговор стал слышен лучше, что было гораздо интереснее. Гостиная имела форму буквы Г, поэтому Лазарь не был виден беседующим. Затаившись у двери, он принялся слушать безо всякого стеснения: подслушанный вовремя разговор не раз спасал ему жизнь. Кроме того, Лазарю просто нравилось это занятие.

— Мэри, да в чем же причина? — вопрошал мужской голос. — Ведь ясно, как день, я тебе нравлюсь, а брак со мной для тебя только выгоден! Так почему же ты упрямишься?

— Борк, я уже говорила тебе. Все дело в разнице лет.

— Чушь собачья! Кого ты ждешь — прекрасного принца? Конечно, я постарше тебя, однако женщине и нужно, чтоб мужчина был старше и мог содержать ее и направлять… Кроме того, не такой уж я и старик!

Лазарь решил, что уже достаточно знает об этом типе, чтобы его невзлюбить. Противный голос…

Мэри молчала. Мужчина продолжал:

— И еще, у меня есть для тебя сюрприз — как раз на тему возраста. Хотел бы я сейчас тебе все рас-

сказать, но пока что это государственная тайна.

— Тогда вообще не рассказывай. В любом случае мой ответ будет тем же.

— А вот и неизвестно! М-м-м… Ладно. Я тебе расскажу, тебе можно доверять, я знаю.

— Не стоит, Борк…

— Вздор, вздор, все равно через несколько дней это всем станет известно! Мэри… Я никогда не стану слишком старым для тебя!

— Что ты хочешь этим сказать?

Лазарю показалось, что в голосе ее появилась подозрительная нотка.

— Только то, что сказал, Мэри! Раскрыта тайна вечной молодости!

— *Что-о?!* Кем это? Как? Когда?

— Ага, тебе интересно! Ладно, не стану тебя мучить. Помнишь тех чудиков, они называют себя Семьями Говарда?

— Да… Конечно, слышала… — медленно проговорила Мэри. — Но что из этого? Они просто мошенники.

— Вовсе нет! Я *знаю*. Администрация тщательно проверила все, что они о себе рассказывали. Некоторым, без всяких сомнений, уже за сотню — а они не старятся!

— Верится с трудом.

— И все же это правда!

— Н-ну-у… и как же они это делают?

— А! В том-то и вся загвоздка. Они врут, будто их долголетие — наследственное и передается от предков-долгожителей… Но это все ерунда, никак не совместимая с научно проверенными фактами! Администрация все как следует проверила, и ответ может быть только один: они держат все в тайне от нас!

— Отчего ты так в этом уверен?

— А-ах, Мэри! Ты замечательная девушка, но к чему сомневаться в добросовестности наших лучших ученых? Ладно, вздор. Теперь — о тайне. Пока что нам их секрет недоступен, но совсем скоро он будет наш! Мы приберем этих типов к рукам — по-тихому, не поднимая большого шума — и как следует допросим. Тогда секрет будет нашим — и ни ты, ни я никогда не состаримся! Каково?!

— Это будет замечательно, — медленно, почти неслышно протянула Мэри, — если каждый получит возможность жить долго.

— Ну конечно! Еще бы! Но мы-то с тобой в любом случае будем вечно молодыми, как бы это там ни делалось. Ты про *нас* подумай, дорогая! Долгие, долгие годы счастливой семейной жизни

двух молодых людей! Не меньше века. А может…

— Минутку, Борк. А этот «секрет»… Он будет не для всех?

— Н-ну… Пока что это — вопрос высокой политики. Перенаселенность и сейчас представляет собой одну из главных проблем. Наверное, вечную молодость придется приберечь только для тех, кто играет в жизни общества ключевые роли. И для их жен. Но ты не бери в свою прекрасную головку, у нас с тобой она будет.

— Ты хочешь сказать, она будет у меня, если я выйду за тебя замуж.

— Э-э… Ты как-то это, Мэри… Я для тебя что угодно сделаю, потому что люблю тебя. Однако наш брак многое упростил бы. Ну же, скажи, ты согласна?

— Давай пока оставим этот разговор. А как вы рассчитываете вытащить из них этот «секрет»?

Лазарю показалось, что он видит самодовольный кивок:

— Ска-ажут, как миленькие.

— Ты хочешь сказать, если они будут молчать, их сошлют в Ковентри?

— Ковентри? Хм… Мэри, ты, похоже, вовсе не понимаешь ситуации. Это не просто мелкое уголовное преступление! Это *измена* — измена всей

человеческой расе! У нас есть способы. Те, которые использовали Пророки… Если, конечно, они откажутся сотрудничать с нами добровольно.

— Но ведь это… Это противоречит Ковенанту!

— К чертям собачьим Ковенант! Тут дело о жизни и смерти — и ты считаешь, мы позволим какой-то бумажке стать на нашем пути?! Да что могут значить все эти законишки, когда речь идет о жизненно важных для человечества вещах? Не стоят они того, чтобы из-за них люди умирали! И только так. Эти… сидят, понимаешь, как собаки на сене, хотят сохранить секрет только для себя. Думаешь, мы отступим только потому, что какая-то бумажка… Не-ет!

Голосом, полным ужаса, Мэри воскликнула:

— Ты действительно считаешь, что Синедрион нарушит Ковенант?!

— Считаю? Этой ночью на заседании Синедриона был разработан план, и Администратору дано разрешение использовать всю полноту власти!

Лазарь напряженно вслушивался в наступившую тишину. Затем Мэри сказала:

— Борк…

— Что, дорогая?

— Ты должен что-то сделать… Ты должен предотвратить это!

— Предотврати-ить?! Ты сама не знаешь, что говоришь! Я не могу… да и если бы мог — не стал бы.

— Но ты просто обязан! Ты должен убедить Синедрион. Они совершают ошибку — трагическую ошибку. Не стоит напрасно мучить несчастных людей — *здесь нет никакого секрета!*

— Что? Ты, кажется, переволновалась, дорогая моя. Ты хочешь сказать, твое мнение правильное, а умнейшие люди планеты ошибаются? Ты уж мне поверь, мы знаем, что делаем. Мне такие способы нравятся ничуть не больше, чем тебе, — мы идем на это исключительно ради общего блага. Ты прости, что я завел этот разговор. Конечно, ты такая ранимая, нежная, сердечная… За это я тебя и люблю. Выходи за меня замуж и не забивай себе голову делами сугубо политическими. А?

— За тебя замуж? Никогда!

— О… Мэри, ты просто расстроилась. Назови хоть одну настоящую причину.

— Хорошо, я скажу, почему нет. Потому, что я — одна из тех, кого ты собираешься подвергать преследованиям!

Наступила пауза.

— Мэри… Ты в своем уме?

— Уж будь уверен! Для своих лет я чувствую

себя просто замечательно. Слушай меня, болван безмозглый! У меня есть внуки вдвое старше тебя! Я уже жила в этой стране, когда ее подгреб под себя первый из Пророков! Я видела, как Харриман запускал первую ракету на Луну! Тебя и на свете еще не было — еще и дед твой с бабкой не встретился — когда я уже была зрелой замужней женщиной! А теперь ты стоишь тут и преспокойно рассказываешь, что собираешься преследовать, и может, даже пытать таких, как я? Замуж за тебя?! Да я скорее выйду замуж за одного из своих правнуков!

Лазарь переступил с ноги на ногу и запустил руку под килт. Неприятностей следовало ждать с минуты на минуту. Вот уж точно: женщина всегда взорвется в самый неподходящий момент!

Он ждал. Ответ Борка звучал холодно; нотки страстной влюбленности сменил тон опытного руководителя:

— Прекрати, Мэри. Сядь. Я о тебе позабочусь. Только вначале прими успокаивающего. А я приглашу лучших психиатров города, да всей страны, если надо, — и с тобой все будет в порядке.

— Убери руки!

— Но, Мэри…

Лазарь шагнул в гостиную и направил на Вэн-

нинга бластер.

— Сестренка, у тебя какие-то проблемы с этой мартышкой?

Вэннинг резко обернулся.

— Вы кто такой? — возмутился он. — Что вы здесь делаете?

Лазарь по-прежнему обращался к Мэри:

— Скажи только слово, сестренка, — и я разнесу его на кусочки. Достаточно мелкие, чтобы от них избавиться.

— Нет, Лазарь, — сказала она, справившись с собой. — Спасибо, в этом нет надобности. Спрячь, пожалуйста, оружие, я ничего такого не хочу.

— Ладно.

Лазарь нехотя опустил бластер, но все еще не убирал его в кобуру.

— Кто вы такой? — повторил Вэннинг. — И вообще, что означает это вторжение?

— А я, браток, как раз хотел тебя о том же спросить, — ласково отозвался Лазарь. — Да черт с ним. Я, как и Мэри, один из тех самых чудиков, которых ты ищешь.

Вэннинг пронзил его взглядом.

— Это… — Он перевел взгляд на Мэри. — Чушь, не может быть. Хотя… Проверить нетрудно. В любом случае, есть уйма поводов вас арестовать.

Первый раз вижу столь ярко выраженные антиобщественные атавизмы.

Он направился к видеофону.

— Ты, браток, видео лучше не трогай, — быстро предупредил Лазарь и обратился к Мэри. — Я не стану стрелять, сестренка. На это у меня нож есть.

Вэннинг остановился.

— Ладно, ладно, — раздраженно сказал он, — уберите свой виброрезак, я не стану звонить.

— Погляди-ка получше, это не виброрезак. Настоящая сталь! Знаешь, какая дыра получится?

Вэннинг обратился к Мэри:

— Я ухожу. Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты поедешь со мной.

Она покачала головой. Вэннинг удрученно пожал плечами и обернулся к Лазарю:

— А что касается вас, сэр, то ваши первобытные манеры доведут вас до серьезных неприятностей. Вас арестуют в самом скором времени.

Лазарь многозначительно возвел глаза к потолку.

— Совсем как в тот раз в Венусбурге. Тамошний начальник тоже хотел меня арестовать.

— И что же?

— Ну, я его малость пережил.

Вэннинг намеревался было что-то сказать, но внезапно развернулся и стремительно бросился к выходу. Дверь едва успела распахнуться перед самым его носом. Когда она захлопнулась за Вэннингом, Лазарь усмехнулся:

— Ни разу еще такого твердолобого не встречал. Могу спорить, за всю жизнь он ни разу не ел ложкой, пока ее тщательно не простерилизуют.

Мэри захихикала. Лазарь подошел к ней:

— Рад, что ты развеселилась, Мэри. Я-то решил, ты совсем расстроена.

— Я же не знала, что ты нас слышишь. Пришлось с ходу выкручиваться.

— Я не помешал?

— Нет. Спасибо тебе, ты вовремя появился. Но теперь нам надо спешить.

— Похоже. Именно это он и имел в виду — скоро сюда за мной явится проктор. Может, и за тобой в придачу.

— Верно. Так что нам лучше убраться.

Через несколько минут Мэри была готова, но, выходя из квартиры, они увидели идущего навстречу человека. Его нарукавная повязка и чемоданчик, в котором, несомненно, имелся шприц со снотворным, явно выдавали принадлежность

их хозяина к прокторам.

— Мое почтение, — сказал он. — Я разыскиваю гражданку по имени Мэри Сперлинг и некоего гражданина. Не могли бы вы мне помочь?

— Конечно, — сказал Лазарь. — Вот сюда.

Он махнул рукой в дальний конец коридора. Когда блюститель порядка посмотрел в указанном направлении, Лазарь аккуратно треснул его по затылку рукоятью бластера и тут же подхватил обмякшее тело. Мэри помогла втащить проктора в квартиру. Лазарь склонился над ним, порылся в чемоданчике, вынул шприц и сделал проктору укол.

— Вот так, — сказал он, — теперь отдохнет несколько часиков…

Задумчиво посмотрев на чемоданчик, он отстегнул его от пояса проктора.

— Всяко не помешает.

Подумав, он снял еще нарукавную повязку и отправил ее в сумку.

Они вышли из квартиры и спустились на стоянку. Едва машина тронулась, Лазарь заметил, что Мэри набирает код Северного побережья.

— Куда отправимся? — спросил он.

— В Усадьбу. Больше некуда. Только придется где-нибудь переждать до темноты.

Пока машина шла по Северному шоссе и контролировалась лучом, Мэри, извинившись, устроилась подремать. На протяжении нескольких миль Лазарь любовался окрестностями, а затем тоже стал клевать носом.

Разбудил их сигнал тревоги. Машина затормозила. Вскочив, Мэри отключила сигнал.

— Все машины подлежат проверке, — раздавалось в динамиках. — Следуйте на скорости двадцать миль в час до ближайшей дорожно-контрольной станции. Все машины подлежат…

Мэри выключила приемник.

— Ну что ж, это за нами, — жизнерадостно объявил Лазарь. — Что делать будем?

Мэри не отвечала. Выглянув наружу, она осмотрела окрестности. Скоростное управляемое шоссе, по которому они ехали, было отгорожено от местной, неконтролируемой, дороги стальным барьером. Насколько хватало глаза, переезда видно не было. А на ближайшем переезде, конечно же, располагалась дорожно-контрольная станция.

Мэри перешла на ручное управление и, лавируя между стоящими или еле ползущими машинами, стала набирать скорость. Когда она приблизилась к барьеру, Лазарь почувствовал,

что его вдавливает в сиденье: машина рванулась вперед, взмыла в воздух и перелетела барьер. Не снижая скорости, Мэри приземлила автомобиль на дорогу с другой стороны.

С севера к ним приближалась какая-то машина, они как раз занимали ее полосу. Шла она не слишком быстро — миль девяносто в час.

Водитель был изумлен: на совершенно пустой дороге, непонятно откуда, появился автомобиль.

Мэри взяла вправо, влево, снова вправо, автомобиль пошел юзом и встал на задние колеса, дрожа в железной хватке своих гиростабилизаторов. Под аккомпанемент нестерпимого скрежета Мэри отчаянно старалась вновь обрести контроль над машиной. Наконец заднее колесо все-таки зацепило дорожное покрытие.

— Уф-ф-ф! — Лазарь, с трудом разжав челюсти, облегченно вздохнул. — Надеюсь, больше мы не станем проделывать таких фокусов!

Мэри усмехнулась:

— Что, женщины за рулем заставляют тебя нервничать?

— Вовсе нет! Ты только предупреждай меня в следующий раз.

— Я и сама не ожидала, — призналась Мэри, а затем встревоженно добавила: — Но что нам

делать дальше? Я хотела переждать до темноты где-нибудь за городом… но когда я проделала этот фокус, то раскрыла все наши карты. Наверное, уже сейчас кто-нибудь звонит на станцию.

— А зачем нам ждать темноты? — спросил Лазарь. — Почему бы просто не перелететь на этой дикой штуковине к озеру, а там пусть плывет потихоньку к Усадьбе?

— Не хотелось бы, — ответила Мэри. — Мы и так уже привлекли к себе слишком много внимания. Конечно, замаскированный под обычную машину тримобиль — вещь удобная, но если кто-нибудь увидит наше погружение и сообщит проктору, то обязательно найдется умник, который обо всем догадается. И тогда начнется охота всеми возможными средствами — от сейсмозондирования до сонаров и бог знает чего еще.

— Но Усадьба ведь экранирована?

— Конечно. Но все равно — такую громадину они отыщут, если будут знать, что именно следует искать, и не пожалеют на это времени.

— Пожалуй, так, — протянул Лазарь. — Что ж, конечно, прокторам вовсе не обязательно знать о Семейной Усадьбе. Наверное, нам лучше бросить машину и где-нибудь спрятаться, — он сделал паузу, — где угодно, только не в Усадьбе.

— Нет, — отрезала Мэри, — в Усадьбу нам обязательно нужно попасть!

— Зачем? Лиса, когда за ней гонятся…

— Подожди. Я попробую кое-что.

Лазарь замолк. Теперь Мэри правила одной рукой — второй она копалась в отделении для перчаток.

— Пароль, — вдруг произнес голос из динамика.

— Жизнь коротка… — ответила Мэри.

Они обменялись установленными фразами, и Мэри торопливо заговорила:

— Слушай. Я в беде. Запеленгуй меня.

— Хорошо.

— Подлодка в бассейне?

— Да.

— Отлично! Давай ее сюда. — Она коротко объяснила, что ей нужно, оторвавшись от разговора только для того, чтобы спросить Лазаря, умеет ли тот плавать. — Все. Теперь поторопись, время поджимает.

— Но, Мэри, — запротестовал ее невидимый собеседник, — ты же знаешь, я не могу высылать подлодку днем — да еще при такой ясной погоде! Слишком легко…

— Ты пришлешь или нет?

Раздался третий голос:

— Мэри, я все слышал. Это — Айра Барстоу. Мы вас подберем.

— Но ведь… — возразил было первый.

— Пошел к дьяволу, Томми! Займись своим делом и не встревай. Пока, Мэри!

— До встречи.

Во время разговора Мэри свернула с местной трассы на проселок, по которому приезжала сюда накануне, не снижая скорости и не глядя по сторонам. Лазарь стиснул зубы от напряжения. Они миновали заржавленный знак «ЗАРАЖЕННАЯ ЗОНА. ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ» и обычный пурпурный трехлопастник. При виде знака Лазарь пожал плечами: в такой обстановке уже не до избытка нейтронов.

Мэри затормозила возле небольшой рощицы у низкого, обрывистого берега озера. Отстегнув ремни безопасности, она закурила.

— Теперь придется подождать. Они доберутся до нас минимум через полчаса, как бы Айра их ни торопил. Лазарь, как по-твоему, кто-нибудь заметил, что мы сюда свернули?

— Честно говоря, некогда мне было за этим следить.

— Ладно. Сюда все равно никто не заглядывает

— разве что ищущие приключений мальчишки.

«И девчонки», — добавил Лазарь про себя. Вслух же сказал:

— Там при въезде висел знак. Какой здесь фон, интересно?

— Это-то? Ерунда. Если, конечно, не устраиваться здесь на постоянное жительство. Для нас гораздо опаснее другое. Если бы нам не нужно было торчать у коммуникатора…

В этот момент коммуникатор заработал:

— Мэри! Мы прямо напротив вас.

— Айра?! — удивилась Мэри.

— Да, я, но я говорю из Усадьбы. К счастью, Пит Харди был в укрытии Эванстон; мы послали его к тебе. Скорее!

— Спасибо, Айра!

Мэри повернулась к Лазарю, и тут он схватил ее за руку:

— Погляди-ка!

Менее чем в сотне ярдов от них приземлился вертолет. Из него выскочили трое в форме прокторов.

Выпрыгнув из машины, Мэри одним рывком сбросила платье.

— Бежим!

Запустив руку в кабину, она нажала одну из

кнопок на приборной панели и кинулась к озеру. Лазарь помчался следом, на ходу расстегивая пояс килта. Мэри достигла обрыва первой, Лазарь бежал чуть медленнее — в ступни впивались острые камни. Сзади взлетел на воздух их автомобиль, но обрыв прикрыл беглецов.

В воде они очутились одновременно.

Вход в подлодку был слишком узок для двоих. Лазарь попытался пропихнуть Мэри вперед. Та вырвалась, он хотел дать ей пощечину, чтобы привести в чувство, но в воде от пощечины толку мало. Лазарь уже принялся раздумывать, сможет ли он дышать под водой — чем, мол, я хуже рыб, — но тут отошел внешний люк, и Лазарь поспешил внутрь.

Через одиннадцать томительных секунд из шлюза откачали воду, и Лазарь смог заняться проверкой бластера.

— Слушай, Пит, — торопливо говорила Мэри. — Там три проктора с вертолетом. Автомобиль взорвался прямо перед ними, мы были уже в воде. Они вряд ли заметили, что мы прыгнули в озеро, но если не все они убиты и покалечены, то кто-нибудь из них обязательно догадается, куда мы делись. Нужно поскорее убираться отсюда, пока они не начали поиск с воздуха.

— Гонка та еще получается, — заметил Пит, берясь за управление. — Даже если поиск будет чисто визуальным, нам нужно слинять за пределы полного внутреннего отражения и держаться вне этих пределов, причем сделать это надо быстрее, чем они будут набирать высоту. У нас скорости не хватит.

Но маленькая субмарина продолжала набирать ход. Мэри колебалась: стоит ли вызвать Усадьбу прямо с подлодки, затем решила повременить, иначе легко было бы обнаружить и лодку, и Усадьбу. Собравшись с духом, Мэри принялась ждать исхода гонки, сжавшись на пассажирском сиденье, слишком тесном для двоих. Питер Харди увел лодку вглубь и лег на дно, затем поймал сигнал маяка и пошел вслепую.

Когда лодка достигла Усадьбы, Мэри окончательно решила отказаться от технических средств связи: несмотря даже на экранированное оборудование Усадьбы. Здесь следовало воспользоваться услугами телепатов — среди долгожителей они встречались не чаще, чем среди обычных людей, но из-за ограниченности генофонда Семей по наследству передавалось не только долголетие, но и не слишком благоприятные отклонения: процент физически и

умственно неполноценных был достаточно высок. Отдел генетического контроля вплотную занимался проблемой, с одной стороны, избавления от плохой наследственности, а с другой — сохранения большой продолжительности жизни, и тем не менее в обозримом будущем радикального решения задачи не предвиделось. Семьям приходилось расплачиваться за свое долголетие немалой долей генетического «брака». Около пяти процентов этих несчастных обладали телепатическими способностями.

Мэри повела Лазаря прямо к приюту, где содержались некоторые из телепатов. Там она обратилась к заведующей:

— Где малыш Стивен? Он мне срочно нужен!

— Тише, — отрезала та, — сейчас нельзя — у них тихий час.

— Дженис, мне очень нужно его видеть, — настаивала Мэри. — Дело не терпит отлагательства. Я должна передать сообщение Семьям — сразу всем!

Заведующая подбоченилась:

— Это — к связистам. Детей нельзя тревожить по любому поводу. Я этого не допущу.

— Дженис, ну пожалуйста! Сейчас нельзя пользоваться другими видами связи! Ты же знаешь, я

не пришла бы сюда без крайней необходимости. Проводи меня к Стивену.

— А если и провожу, что с того? Все равно малыш Стивен сегодня не в духе.

— Тогда дай мне самого лучшего телепата из тех, кто в состоянии работать. И скорее, Дженис! Возможно, от этого зависит наше спасение.

— Тебя послали Поверенные?

— Нет. Скорее! Время не ждет!

Заведующая колебалась. Лазарь принялся вспоминать, когда он последний раз бил женщину, но тут она сказала:

— Ладно. Я против, однако попробуйте с Билли. И помните: его ни в коем случае нельзя переутомлять.

Сохраняя на лице выражение негодования, она провела их по коридору между красочно обставленных комнат и указала посетителям на одну из них. Бросив взгляд на кровать, Лазарь тут же отвернулся.

Заведующая взяла со столика инъектор.

— Он что, без наркотиков не работает? — спросил Лазарь.

— Работает, — холодно ответила заведующая, — но ему требуется стимулятор, чтобы он вообще вас заметил.

Оттянув кожу на руке громадной фигуры, которая лежала в кровати, она сделала укол.

— Можно, — сказала она Мэри и отошла, недовольно поджав губы.

Туша шевельнулась, глаза ее ожили и медленно обвели комнату. Взгляд остановился на Мэри, и существо осклабилось:

— Тетя Мэли! Ты гостинчика Билли плинесла?

— Нет, — ласково ответила Мэри. — В другой раз, мой хороший. А теперь тете Мэри страшно некогда. Но в следующий раз — обязательно. Я тебе сюрприз приготовлю. Ладно?

— Ладно, — послушно согласилось существо.

— Вот и умница, — Мэри погладила Билли по голове, Лазарь снова отвернулся. — А теперь, Билли, сделай тете Мэри одолжение. Большое-пребольшое!

— Ладно.

— Ты сейчас можешь поговорить со своими друзьями?

— Ну да.

— Со всеми?

— Ага. Только они ледко говолят.

— Тогда позови их.

Несколько мгновений в комнате было тихо.

— Они слушают.

— Отлично, Билли! А теперь слушай внимательно: всем Семьям — тревога! Говорит Старейшина Мэри Сперлинг. Решением Синедриона Администратору дано право арестовать любого члена Семей. Синедрион предписал ему использовать всю полноту власти! Мне известно, что он, вопреки Ковенанту, готов принимать любые меры для того, чтобы выжать из нас так называемую тайну долголетия. Они готовы на все, вплоть до применения пыток, разработанных инквизиторами Пророков!

Голос изменил ей. Она замолчала, стараясь взять себя в руки.

— А теперь — торопитесь! Разыщите всех наших, предупредите и спрячьте! Возможно, в вашем распоряжении лишь считанные минуты!

Лазарь тронул ее за локоть и что-то прошептал на ухо. Мэри, кивнув, продолжала:

— Если кто-либо из братьев уже под арестом, спасите его любым способом! Не пытайтесь апеллировать к статьям Ковенанта, искать справедливости сейчас не приходится. Спасайте их! Действуйте!

Мэри замолчала, а затем спросила усталым, ласковым тоном:

— Билли, нас слышали?

— Ну да.

— Они передали это своим?

— Ага. Все, кроме Вилла-Кобыла. Он со мной не иглает, — доверительно сообщил Билли.

— Кроме Вилла-Кобыла? Где он живет?

— Ну, там… Где… У себя.

— Это в Монреале, — пояснила заведующая, — но там есть еще два телепата, так что дойдет ваше послание. У вас все?

— Д-да… — сомневающимся тоном ответила Мэри. — Только пусть какая-нибудь из Усадеб подтвердит получение.

— Нет.

— Но, Дженис…

— Этого я не могу позволить. Охотно верю, что это очень важно, однако теперь Билли следует ввести противоядие. До свидания.

Лазарь взял Мэри за руку.

— Идем, сестренка. Дошла наша телеграмма или нет — но ты сделала все, что от тебя зависело. Молодчина, девочка!

Теперь Мэри отправилась для доклада к резидент-секретарю. У Лазаря оказались в Усадьбе дела — он хотел разыскать кого-нибудь не слишком занятого, чтобы попросить об одном одолжении. Первыми, на кого он наткнулся, были охранники

у бассейна.

— Мое почтение… — начал он.

— И вам также, — отозвался один из охранников. — Кого-нибудь ищете?

— Вроде того, — согласился Лазарь. — Скажи-ка, браток, где бы мне тут килтом разжиться?

— А, это мы мигом, — ответил охранник, — покарауль пока, Дик, я сейчас.

Он провел Лазаря в холостяцкое отделение, раздобыл ему килт, и помог просушить сумку со всем содержимым. Насчет арсенала, пристегнутого к волосатым бедрам Лазаря, он не сказал ни слова. Поведение старших его не касалось — к тому же многие из них весьма ревностно оберегали свою личную жизнь. Он видел, что тетушка Мэри Сперлинг тоже явилась в Усадьбу без одежды, однако не удивился: он слышал, что Айра Барстоу послал Пита подобрать гостей в воде. Конечно, странно, что человек, прыгнув в озеро, не сбросил заодно и эти увесистые железяки, но охранник не позволил себе выйти за рамки приличий.

— Больше вам ничего не требуется? — спросил он. — Башмаки не жмут?

— Нормально. Громадное тебе спасибо, браток.

Лазарь разгладил килт. Килт был ему малость длинноват, но ничего. Набедренная повязка хоро-

ша на Венере, а к тамошним порядкам он никогда не питал почтения. Черт возьми, человеку просто необходима одежда!

— Да, все нормально. Еще раз спасибо тебе. Кстати, как тебя зовут?

— Эдмунд Харди, из Семьи Фут.

— Вот как? По какой линии?

— Чарлз Харди — Эвелина Фут, Эдвард Харди — Алиса Джонсон и Теренс Бриггс — Элеонора Уэзерэл, Оливер…

— Достаточно. Так я и знал. Ты — один из моих пра-правнуков.

— Да? Интересно, — оживился Харди. — Значит, мы примерно на одну шестнадцатую родственники. Извините, как ваше имя?

— Лазарь Лонг.

Харди покачал головой.

— Тут что-то не так. В моей линии вас нет.

— Тогда поставь взамен: Вудро Вильсон Смит. Это мое первое имя.

— А, вот оно что! Да, конечно. Но я думал, вы…

— Померли, так? Ну уж нет!

— Да нет, я совсем не это хотел сказать, — запротестовал Харди, краснея. — Я очень рад с вами познакомиться, прадед. Всегда хотел узнать толком, что же случилось на Совете Семей в 2012.

— Тебя еще и на свете тогда не было, — сердито буркнул Лазарь. — И если ты еще раз назовешь меня прадедом…

— Простите, сэр… то есть, простите, Лазарь. Что я еще могу для вас сделать?

— Ладно, я, наверно, погорячился. Не… А впрочем, где бы мне тут перекусить? Утром все как-то некогда было…

— А, конечно! Сейчас.

Харди препроводил Лазаря в столовую, показал, как пользоваться кухней-автоматом, сварил кофе себе и своему напарнику и ушел. Лазарь живо расправился со своим завтраком — что-то около трех тысяч калорий в виде аппетитно пахнущих сосисок, яичницы, джема, теплого хлеба, кофе со сливками и прочих мелочей, — он всегда думал, что заправляться следует впрок: кто знает, когда представится следующая возможность. Насытившись, он откинулся в кресле и распустил пояс, а передохнув, собрал грязные тарелки, запихал их в мусоросжигатель и отправился на поиски телеприемника.

Приемник нашелся в библиотеке. Она была почти пуста — в ней оказался лишь один посетитель, с виду ровесник Лазаря, однако этим их сходство и ограничивалось. Незнакомец был

худощав, с мягкими чертами лица, его ярко-рыжие волосы волнами спадали на плечи — не то что жесткая, неспокойная шевелюра Лазаря. Незнакомец склонился над приемником, глядя в окуляры микроэкрана.

Лазарь громко кашлянул и поздоровался.

— О, извините, — сказал незнакомец, отрываясь от экрана, — вы так неожиданно. Чем могу служить?

— Да вот, новости хочу поглядеть. Что, если нам включить большой экран?

— Конечно, конечно. — Незнакомец поднялся и включил аппарат. — Вас что-то конкретное интересует?

— Да. Есть какие-нибудь новости насчет нас — то есть насчет Семей?

— Я и сам пытаюсь их найти. Наверное, нам лучше воспользоваться автопоиском.

— Отлично, — согласился Лазарь и пошел к приемнику. — Какое там ключевое слово?

— Мафусаил.[6]

Лазарь нажал кнопку; раздался писк и треск.

---

[6] Примечания: 6

Мафусаил — (*древнеевр.* — «муж Господень», либо «муж оружия») библейский персонаж — символ долголетия. Так звали одного из благочестивых патриархов, сына Еноха и деда Ноя, жившего дольше всех людей, а именно 969 лет, и умершего в год Всемирного Потопа (Книга Бытия, гл.5, ст.21–27).

Прибор стремительно просматривал пленку и отбрасывал все, что не относилось к делу. Наконец он победно щелкнул.

— Новости дня, — объявил голос диктора. — Единственная служба новостей на Среднем Западе, получающая информацию от всех ведущих агентств! Собственный видеоканал в Луна-Сити! Собственные корреспонденты по всей системе! Отовсюду обо всем — и немедленно! Линкольн, штат Небраска. Ученый разоблачает долгожителей. Доктор Уитвел Оскарсен, почетный президент Брайанского Лицея, требует пересмотра статуса группы граждан, именующих себя Семьями Говарда. Доказано, сказал он, что эти люди разрешили проблему долголетия, и теперь возможно практически неограниченное продление человеческой жизни. Это достижение, без сомнений, достойно всяческой похвалы — исследование завершилось блестящим результатом. Но их заявления, что причина долголетия лишь в наследственности, — сущая чепуха, как с точки зрения науки, так и с точки зрения простого здравого смысла. Современные данные в области генетики позволяют со всей ответственностью утверждать: эти люди просто хотят утаить свое открытие от общества, втихомолку пользуясь

его плодами. Монополия на знания для какой-то одной группы лиц претит нашим обычаям. Когда же речь идет о жизни человека, сокрытие знаний становится настоящим предательством. Мой гражданский долг — призвать администрацию к решительным действиям. Хочу напомнить, что даже лучшие умы, разработавшие Ковенант и наметившие для нас основные жизненные принципы, не могли в то время предусмотреть подобного! Законы пишутся людьми — а, следовательно, не могут быть безошибочными. То, что из всякого правила имеются исключения, ясно, как день! И перед лицом…

Лазарь нажал кнопку.

— Ну как? Этого типа с нас довольно?

— Да, это я уже слышал. — Незнакомец вздохнул. — Редко доводилось слышать такого изощренного демагога. Меня это удивляет: ведь доктор Оскарсен был известен как серьезный ученый…

— Значит, свихнулся на старости лет, — констатировал Лазарь и снова включил аппарат. — Хочет того, чего хочет, и тогда, когда хочет. И думает, что как раз в этом заключается естественный закон жизни.

Аппарат немного потрещал, щелкнул и снова заговорил:

— Новости дня! Единственная служба но…

— А нельзя эту рекламу вырубить? — спросил Лазарь. Незнакомец поглядел на панель аппарата.

— Кажется, такого устройства в нем нет.

— …Энсенада, Баха Калифорния. Сегодня Джефферс и Люси Уэзерэл потребовали у проктора специальной охраны, утверждая, что в их дом ворвалась группа граждан, которая, угрожая им насилием, предприняла ряд противозаконных действий. По словам Уэзерэлов, они являются представителями пресловутых Семей Говарда. Они заявляют, что инцидент произошел исключительно на этой почве. Проктор округа со своей стороны заявил, что так как пострадавшие никаких доказательств насилия не представили, то он просто принимает их рассказ к сведению. Вечером состоится собрание жителей города, на котором…

Незнакомец обратился к Лазарю:

— Брат, веришь ли ты ушам своим? Первый случай насилия за двадцать лет, а они сообщают о нем так спокойно, будто это неполадки в системе контроля погоды!

— Да не совсем, — задумчиво протянул Лазарь. — Слишком уж выразительно нас описы-

вали.

— Это так. Но, кажется, за всю передачу не прозвучало ни одного слова с индексом эмоциональности выше полутора. А ведь в новостях разрешены выражения с индексом до двух целых и ноль десятых!

— Вы психометрист?

— Нет. Извините, я забыл представиться — Эндрю Джексон Либби.[7]

— Лазарь Лонг.

— Вас я уже знаю — я был вчера на Совете.

— Либби… — протянул Лазарь. — По-моему, в Семьях такой фамилии нет. И все же — что-то очень знакомое.

— Мой случай отчасти напоминает ваш.

— Вы сменили имя в эпоху Пророков?

— И да, и нет. Я родился после Второй революции, но мои родители связались с Новыми Крестоносцами, отбились от Семей и сменили имя. Я лишь взрослым узнал, что принадлежу к Семьям.

— Да что ты говоришь? Интересно. А как же тебя отыскали? Хотя, если не хочешь, можешь не

---

[7] Примечания: 7

Ранняя юность Либби описана Хайнлайном в рассказе «Неудачник» (1939). Кроме того он присутствует в поздних романах писателя «Число зверя» и «Уплыть за закат».

рассказывать…

— Понимаете, я служил в космофлоте, и один из моих начальников…

— Все! Вспомнил! Верно, ты был космонавтом! Ты — Либби-Счетчик!

Либби смущенно улыбнулся:

— Да, меня так называли.

— Ну конечно! И последний корабль, который мне довелось пилотировать, был оборудован твоим парагравитационным выпрямителем! А для управления двигателями пользовались твоим дифференциалом! Эту штуку я сам установил — вроде как позаимствовал твой патент.

Либби ничуть не обиделся, напротив, лицо его засияло:

— Вы интересуетесь символической логикой?

— Только с точки зрения практики. Кстати, я внес в эту твою штуку усовершенствование, основанное на использовании отброшенных альтернатив в твоем тринадцатом уравнении. Получается так: допустим, мы движемся в поле, плотность которого X, а градиент энного порядка перпендикулярен курсу, и необходимо проложить оптимальный курс в точку A с вектором подхода r, используя во время всего прыжка автоматический выбор. Тогда, если…

Мало-помалу они перешли на язык терминов, понятных только людям, имевшим дело с космосом. Между тем телеприемник продолжал поиск. Трижды он начинал говорить, но всякий раз Либби, не слушая, нажимал кнопку отказа.

— Понятно, — наконец сказал он. — Я тоже о чем-то в этом роде думал, но потом пришел к выводу, что это экономически не оправданно. Слишком уж дорого — для всех, кроме энтузиастов. А ваш вариант обойдется дешевле моего.

— Думаешь?

— Уверен! В вашем устройстве лишь шестьдесят два узла, если брать стандартные блоки. Значит, максимально возможное число операций… — Либби на секунду задумался. — Не превышает пяти тысяч двухсот одиннадцати, а мое…

— Энди, — участливо перебил его Лазарь, — а голова у тебя временами не болит?

Либби вновь застенчиво улыбнулся.

— В моих способностях ничего ненормального нет. Теоретически, это доступно каждому.

— Ну да, — согласился Лазарь, — а змею можно научить отбивать чечетку, если только ее в ботинки обуть. Ладно, не обижайся. Я очень рад нашей встрече — ведь я слыхал о тебе еще тогда,

когда ты был зеленым юнцом. Ты ведь служил в Космическом строительном корпусе, так?

— Земля — Марс, — подтвердил Либби. — Третий участок.

— Вот-вот. Стало быть, тот парень не врал. Торговец один в Драйуотере. Я и деда твоего знал. Старый облезлый петух…

— Да, таким он и был.

— Еще бы! Помнится, я с ним сцепился на Совете 2012 года. Вот уж кто за словом в карман не лез… — Лазарь слегка нахмурился. — А вот интересно, Энди, — я все это очень хорошо помню, будто вчера было, — и в то же время кажется, что вспоминать все труднее и труднее. Особенно то, что было в последнюю сотню лет…

— Ну, это математически неизбежно, — заявил Либби.

— Почему это?

— Жизненный опыт растет линейно, но корреляции впечатлений, хранящихся в памяти, растут с колоссальной скоростью. Если бы люди жили по тысяче лет, пришлось бы разрабатывать совершенно новый способ построения ассоциаций, какой-нибудь выборочный, чтобы время сберечь. Иначе бы человек беспомощно копался в сокровищах своей памяти, неспособный давать

оценки… А в результате — помешательство, либо старческий маразм.

— Вот как? — лицо Лазаря сделалось озадаченным. — Тогда нужно этим вплотную заняться — и поскорей!

— Ну, эта проблема вполне разрешима.

— Так давай как-нибудь на досуге займемся. Просто так, чтобы быть наготове, когда подопрет.

Вдруг приемник привлек к себе их внимание резким звуком и ярко вспыхнувшим экраном. На экране появился текст: «Слушайте последние известия! Внимание! Синедрион на время приостановил действие Ковенанта! В соответствии со статьей Ковенанта о чрезвычайных положениях сегодня объявляется беспрецедентное чрезвычайное положение, дающее Администратору право задерживать и допрашивать всех членов так называемых Семей Говарда всеми доступными средствами. По распоряжению Администратора его заявление передается всеми средствами информации.

Цитирую: „Приостановление гражданских свобод, гарантированных Ковенантом, распространяется исключительно на лиц, принадлежащих к сообществу, известному как Семьи Говарда.

Правительственные агенты имеют право действовать сообразно обстоятельствам, чтобы как можно скорее выявить лиц, попадающих под действие чрезвычайного положения. Гражданам рекомендуется терпимо отнестись к некоторым неудобствам, с коими эти акции могут быть сопряжены. Право граждан на неприкосновенность будет по возможности соблюдено; право на свободу передвижений временно будет ограничено. Впоследствии правительство полностью покроет все издержки".

А теперь, друзья мои и сограждане, что же все это означает для нас с вами? Новости Дня передают комментарий всеми нами любимого Альберта Рейфшнайдера!

— Говорит Альберт Рейфшнайдер. Мое почтение, уважаемые сограждане. Можете не беспокоиться: для рядовых граждан чрезвычайное положение будет ощутимо не больше, чем легкая перемена давления для этих махин, что управляют погодой! Так что успокойтесь и не берите в голову! Оказывайте всяческое содействие прокторам и продолжайте заниматься вашими собственными делами. Если кое-что покажется вам неправильным, не препятствуйте властям, апеллируя к законности, но, повторяю, оказывай-

те им всяческое содействие!

Вот что значит для нас с вами чрезвычайное положение на сегодняшний день. Что оно будет означать завтра, послезавтра, через год? А то, что ваши верные слуги предприняли вынужденную попытку добыть для вас секрет долгой и счастливой жизни! Пока что не слишком обольщайтесь надеждами; однако, честно вам скажу, все происходящее наводит меня на мысль о заре новой эпохи! Именно так — новой эпохи! Ревностно охраняемый эгоистичным меньшинством, секрет вечной молодости вскоре станет…»

Лонг вопросительно покосился на Либби и выключил аппарат.

— Полюбуйтесь, — прокомментировал Либби, — вот что службы новостей имеют в виду под «беспристрастным изложением фактов»!

Лазарь полез в сумку, закурил и ответил:

— Да ладно, Энди, черт с ними. Всяко бывает — хорошо ли, плохо… Вот сейчас, кажется, ничего хорошего не предвидится — люди снова хотят подраться. На этот раз с нами.

3

К концу дня подземное убежище, известное как Семейная Усадьба, было заполнено до отказа. Родичи продолжали прибывать из Иллинойса и Индианы по подземным туннелям. С наступлением темноты у входа в подземный бассейн началось сущее столпотворение — спортивные подводные лодки, тримобили, вроде того, какой был у Мэри, обычные машины, приспособленные для передвижения под водой. Все они были наполнены беженцами; некоторые из них едва не задохнулись, ожидая под водой очереди к пропускному шлюзу.

Зал заседаний был слишком мал, чтобы вместить всех. Постоянные жители Усадьбы освободили самое большое помещение — столовую, и убрали переборки, отделявшие ее от зала. Ровно в полночь на кафедру поднялся Лазарь.

— Ну что, — начал он, — давайте-ка устроимся поудобней. Кто там впереди, сядьте, чтобы и задние видели. Я родился в 1912 году, есть кто старше? — Выдержав паузу, он продолжил: — Кого выберем в председатели? Давайте, колитесь.

Последовало три предложения, но третий из

выдвинутых, не дожидаясь четвертой кандидатуры, поднялся:

— Аксель Джонсон, от имени Семьи Джонсонов. Прошу снять мою кандидатуру и остальным предлагаю сделать то же самое. Лазарь вчера отлично справился с этим делом и рассеял туман, в котором мы чуть не заплутали, так пусть он ведет собрание и сегодня. Времени политесы разводить у нас нет.

Остальные кандидаты тоже взяли самоотвод, а других никто не выдвигал. Тогда Лазарь сказал:

— Хорошо. Прежде, чем начнем прения, я бы предложил послушать Старшего Поверенного. Возражений нет? Итак, Зак, что у тебя? Из наших — сцапали кого?

Заккур Барстоу был известен всем, поэтому сразу ответил:

— От имени Поверенных. Наш доклад еще не совсем готов, однако сведений об аресте кого-либо из родичей пока не поступало. Из девяти тысяч двухсот восьмидесяти пяти родичей, которые жили открыто, девять тысяч сто шесть уже сообщили, что находятся в безопасности. Это было десять минут назад. Они находятся либо в других Семейных Усадьбах, либо в домах родичей, не известных властям, либо в прочих

безопасных местах. Предупреждение Мэри Сперлинг оказалось удивительно эффективным, если учесть то исключительно короткое время, которое прошло с момента его передачи до момента введения чрезвычайного положения. Однако мы все еще находимся в неведении относительно участи ста семидесяти девяти человек. Надеюсь, в ближайшее время они дадут о себе знать — во всяком случае, большинство. Многие из них, скорее всего, просто не имеют возможности с нами связаться.

— Зак, давай ближе к делу, — потребовал Лазарь. — Каковы шансы, что все они доберутся до укрытий безо всяких яких?

— Совершенно никаких.

— Это как же?

— Уже известно, что трое из них, под своими официальными именами, находятся в пассажирских кораблях, совершающих рейс на Луну. Те, о которых мы ничего не знаем, вероятно, тоже в сходной ситуации.

— Вопрос! — с места вскочил небольшого роста, взъерошенный человек и ткнул пальцем в сторону Старшего Поверенного. — Всем ли родичам, которым сейчас грозит арест, была сделана гипнотическая блокада?

— Нет. Но ведь…

— Я желаю знать, по чьей вине!

— Заткнись! — взревел Лазарь. — Ты нарушаешь порядок ведения! И мы здесь не для того, чтобы выяснять, кто в чем виноват! Давай дальше, Зак.

— Хорошо. Однако частичный ответ на поставленный вопрос я могу дать. Всем известно, что предложение хранить наши тайны при помощи гипноблокады было провалено на Совете, проголосовавшем за смягчение «Маскарада». И помнится, брат, задавший этот вопрос, приложил руку к провалу данного предложения.

— Неправда! И я настаиваю на…

— Закрой пасть! — Лазарь метнул яростный взгляд на возмутителя спокойствия, затем, приглядевшись к нему повнимательнее, добавил: — Браток, да ты же — явное свидетельство тому, что фонду надо было заниматься не долголетием, а селекцией! — Лазарь оглядел зал. — Высказаться сможет каждый. Но только в порядке очереди, установленной председателем. И если этот парень еще раз сунется, я вобью его зубы ему же в глотку! Как, я верно веду собрание?

По залу прошелестел шепот, как одобряющий, так и негодующий, но возражений не последова-

ло. Заккур Барстоу продолжал:

— Следуя совету Ральфа Шульца, Поверенные в течение последних трех месяцев пытались сделать так, чтобы все заявившие о своем существовании родичи подверглись гипноблокаде, и почти преуспели в этом…

Он остановился.

— Давай, Зак, не тяни, — буркнул Лазарь. — Мы в безопасности? Или нет?

— Нет. По крайней мере двое из тех, кого наверняка арестуют, гипноблокаде не подвергались.

Лазарь пожал плечами.

— Печально. Все, ребята, играм нашим конец. Один кубик сыворотки правды сведет весь наш «Маскарад» на нет. Это в корне меняет ситуацию — во всяком случае, изменит ее через пару часов. Что будем делать?

В рубке управления трансконтинентальной ракеты «Валлаби», совершавшей рейс в южное полушарие, вдруг ожил телеком и — щелк! — выбросил лист бумаги с сообщением. Второй пилот взял послание, прочел, перечитал еще раз…

— Шкипер, должен вас огорчить.

— Неприятности?

— Читайте сами.

Прочитав сообщение, капитан присвистнул.

— А, черт бы их взял! В жизни никого не арестовывал. Кажется, даже не видал ни разу… С чего же начнем?

— Доверяюсь авторитету командира.

— Ах, так? — с издевкой отозвался капитан. — Ну, раз доверяешься, тогда действуй.

— Что? Да я не то имел в виду! Именно вы уполномочены, как представитель власти! А я пока что вас у коммуникатора подменю.

— Ты меня не понял. Я уполномочен представлять, так что выполняй приказ представителя власти.

— Погоди, Эл! В контракте ничего не…

— Выполняй.

— Есть, сэр.

Второй пилот отправился на корму. Корабль уже вошел в атмосферу и по пологой траектории шел на посадку, так что можно было идти без помех. Про себя второй пилот размышлял, как выглядел бы арест в условиях невесомости. Вероятно, пришлось бы ловить арестуемого сачком для бабочек… Добравшись до кресла с нужным номером, он тронул пассажира за локоть:

— Мое почтение, сэр. В документах ошибка. Могу я попросить ваш билет?

— Отчего же, конечно.

— Вы не против пройти со мной в служебное помещение? Там мы сможем сесть и спокойно во всем разобраться.

— Пожалуйста.

Отведя пассажира в служебную каюту, второй пилот предложил ему сесть, затем спохватился для виду:

— Вот память дырявая… Оставил бумаги в рубке.

Он повернулся и вышел. Как только дверь за ним закрылась, пассажир услышал странный щелчок. Заподозрив неладное, он дернул дверь, но та оказалась заперта.

В Мельбурне за ним явились два проктора. Следуя под их конвоем через космопорт, пассажир выслушал немало насмешливых и недоброжелательных замечаний.

«Наконец-то попался один из этих!» — «Этот-то?! Ей-богу, вовсе не старый с виду». — «Эй, почем нынче обезьяньи семенники?! Да не пялься ты так, Герберт». — «А что?!» — «Да моя бы воля, я б им всем!..»

Его отвели к Главному Проктору, который с формальной любезностью предложил арестованному сесть.

— Что ж, сэр, — сказал Проктор с едва различи-

мым местным акцентом, — если вы не окажете сопротивления и позволите сделать вам всего лишь один укол…

— С какой целью?

— Я уверен, вы, как лояльный гражданин, не станете оказывать сопротивления властям. Вам не будет причинено ни малейшего вреда.

— Это к делу не относится. Я настаиваю на объяснении. В конце концов, я — гражданин Соединенных Штатов.

— Естественно. Однако Федерация имеет в каждом из входящих в нее государств свою юрисдикцию, а в данный момент я действую от имени Федерации. Извольте закатать рукав.

— Я отказываюсь подчиняться и настаиваю на уважении моих гражданских прав.

— Взять его!

Для этого потребовались объединенные усилия четырех человек. Но, едва игла коснулась кожи арестованного, тот внезапно стиснул зубы; лицо его исказилось от боли. Теперь он перестал сопротивляться. Блюстители порядка ждали, когда подействует наркотик. Наконец Проктор аккуратно приподнял веко арестованного и сказал:

— Думаю, готово. Весу в нем не больше ста сорока фунтов, так что должно быстро подействовать.

Где там список вопросов?

Помощник передал ему бумагу.

— Гораций Фут, вы меня слышите?

Губы арестованного шевельнулись; казалось, он хотел что-то сказать, но из открытого рта хлынула струя крови.

Проктор взревел и, запрокинув голову арестованного, быстро его осмотрел.

— *Хирурга!* Он язык себе почти что откусил!

Капитан лунного шаттла «Мунбим» вертел в руках только что полученное сообщение.

— Эт-то еще что за фокусы? — ощерился он на второго помощника. — Объясните-ка, мистер!

Второй помощник сосредоточенно разглядывал потолок. Кипя негодованием, капитан, далеко отставив от себя бумагу, принялся читать вслух:

— «…меры предосторожности, гарантирующие неспособность задержанного причинить себе какой-либо вред. Предлагается привести его в бессознательное состояние, не производя при этом действий, способных вызвать подозрения относительно характера ваших намерений».

Капитан отбросил листок.

— Да я им что — надзиратель из Ковентри?! Что они там о себе возомнили?! Указывать мне, что я должен делать с пассажирами *моего* корабля?!

Да ни за что на свете! Ни один закон не может заставить меня… Или как там насчет законов?

Второй помощник молча смотрел в потолок. Капитан перестал расхаживать по каюте.

— Начхоз! Где начхоз?! Почему его никогда нет на месте?!

— Я здесь, капитан.

— Вовремя, нечего сказать!

— Я все время был здесь, сэр.

— Отставить пререкания! Вот — ознакомьтесь и действуйте.

Передав документ начальнику хозчасти, капитан вышел.

Корабельный механик под надзором начхоза и врача кое-что изменил в системе кондиционирования одной из кают. Под действием небольшой дозы усыпляющего газа два беспокойных пассажира тут же забыли все свои заботы.

— Еще один рапорт, сэр.

— Оставьте на столе, — устало сказал Администратор.

— Советник Борк Вэннинг шлет свои поздравления и просит аудиенции.

— Скажите, что я очень сожалею, однако сейчас слишком занят.

— Но он настаивает на аудиенции, сэр.

— В таком случае, — вызывающе ответил Администратор Форд, — можете сказать ему, что достопочтенный Борк Вэннинг пока что не вправе наводить в этом кабинете свои порядки.

Секретарь не отвечал. Администратор устало коснулся лба кончиками пальцев и продолжал:

— А впрочем, Джерри, ты ему этого не говори. Будь дипломатичен, но ни под каким видом его не впускай.

— Слушаю, сэр.

Оставшись в одиночестве, Администратор взялся за поступивший рапорт, бегло проглядел «шапку», дату и входящий номер:

> «Краткий отчет о допросе временно объявленного вне закона гражданина Артура Сперлинга» (полный текст прилагается).
>
> «Во время допроса допрашиваемый находился под воздействием стандартной дозы неоскоп., незадолго до этого получив неустановленную дозу усыпляющего газа. Антидот…»

А, дьявол, да когда у них кончится этот словесный понос? Неужели ни один служащий без этого не может? Администратор, пропустив несколько

строк, продолжал читать:

> «…подтвердил, что его имя — действительно Артур Сперлинг, он из Семьи Фут, возраст — сто тридцать семь полных лет. (На вид около сорока пяти; медицинское заключение прилагается). Он подтвердил, что состоит в родстве с так называемыми Семьями Говарда; указал, что общая численность Семей — свыше ста тысяч человек. Будучи спрошенным о правильности этого числа (правильный ответ — около десяти тысяч), настаивал на своей правоте».

Эту часть рапорта Администратор перечел дважды, затем пробежал глазами остальное, вычленяя главное.

> «…настаивал на том, что столь продолжительный срок его жизни является не более, чем результатом благоприятной наследственности, хотя сообщил, что для сохранения моложавой внешности к нему действительно применялись методы косметического омоложения. В ответ на предложенную версию о том,

что, когда он был младенцем, его родители могли применять к нему методы искусственного воздействия с целью увеличения продолжительности жизни, согласился, что такого варианта исключать нельзя. Будучи настоятельно расспрошен об именах лиц, возможно, занимавшихся такого рода операциями, вернулся к первоначальному заявлению, будто такой методики не существует. При тестировании на произвольные ассоциации назвал имена и даже несколько адресов около двух сотен „родичей“, ранее в качестве долгожителей по нашим документам не проходивших — список прилагается. После этого у объекта наступил полный упадок сил и абсолютная апатия, из коей его невозможно было вывести при помощи стимуляторов, отвечающих его физическим возможностям. (См. медицинское заключение.)

Выводы, сделанные на основании приблизительного анализа по методу Келли-Холмса: знаниями об искомом объект не располагает и в оное не верит; не помнит, чтобы искомое применялось когда-либо к

нему (очевидно, заблуждается). Следовательно, знаниями о способах воздействия на организм в целях его консервации располагает лишь малая — не более двадцати человек — группа, представитель которой достаточно легко может быть выявлен методом тройного исключения.

Возможность обнаружения группы рассчитана, исходя из двух допущений. Во-первых, топологическое социальное пространство весьма обширно и включено в физическое пространство Западной Федерации. Во-вторых, между выявленными субъектами и группой, которую необходимо найти, существует по меньшей мере одна связующая нить. Первое допущение подтверждается статистическим анализом списка имен „родичей“, пока что не объявивших о своем существовании. Тот же анализ свидетельствует, что названная объектом численность Семей соответствует действительности. Предположение же, что группа, обладающая искомым, имеет возможность применять его дистанционно, без контакта с пациентом, — просто

абсурд. Предполагаемое время обнаружения — 71±20 часов; к такому выводу пришли специалисты, занятые в данном расследовании. Расчет времени будет…»

Форд хлопнул отчетом о кучу бумаг, громоздившихся на его столе рядом со старомодным пультом. Кретины безмозглые! Не узнать отрицательного результата, когда он перед самым носом — и еще имеют наглость психографами называться!

От внезапно нахлынувших усталости и отчаяния он спрятал лицо в ладонях…

Лазарь постучал по столешнице рукоятью бластера и рявкнул:

— Не мешать оратору! Продолжай, — обратился он к говорившему, — покороче только.

Бертрам Харди кивнул.

— Еще раз повторяю: эти мотыльки-однодневки, что мельтешат вокруг, не обладают ничем, достойным нашего с вами уважения. Потому с ними надо бороться исподтишка, коварно, вероломно, а когда наше положение упрочится, заявить о себе с позиции силы! Больше мы не обязаны заботиться об их благе: охотник убивает жертву без предупреждения. И…

Из задних рядов донесся шум. Лазарь снова постучал по столу и вгляделся в зал, ища нарушителя. Харди упорно продолжал:

— Теперь нам всем ясно, что так называемое человечество раскололось на два лагеря. С одной стороны, *Homo vivens*,[8] то есть мы с вами. С другой — *Homo moriturus*. Их век прошел, как прошел век динозавров, саблезубых тигров и бизонов. Нам не пристало впредь скрещивать свою живую кровь с их кровью, как не пристало бы, например, жениться на обезьянах. Так давайте же смиримся с ними на время, подсунем им любую ложь, наговорим с три короба о вечной молодости — но лишь затем, чтобы выиграть время; чтобы тогда, когда наши расы — что неизбежно — сойдутся в последней битве, победа оказалась на нашей стороне!

Аплодисментов не последовало, но Лазарь видел, что многие колеблются. Хотя слова Бертрама Харди шли вразрез с привычным для них образом мыслей, слова эти, казалось, были словами самой судьбы. Впрочем, в судьбу Лазарь не верил. Он верил в… впрочем, какая разница? Чего ему очень сейчас хотелось, так это переломать братцу

---

[8] Примечания: 8

Homo vivens и *Homo moriturus* — (лат.) человек живущий и человек умирающий (смертный).

Бертраму руки.

Ева Барстоу попросила слова.

— Если Бертрам действительно имеет в виду то, что он сказал, я лучше буду жить в Ковентри, с асоциалами, — заявила она. — Но как бы то ни было, он внес предложение, и если оно меня не устраивает, я должна предложить что-нибудь свое. Однако я не приму ни одного плана, по которому мы должны будем выжить за счет наших недолговечных собратьев. Скажу больше: теперь мне совершенно ясно, что даже само существование людей-долгожителей — наше с вами существование — убивает дух наших сородичей! Наше долголетие, наши богатейшие возможности заставляют их считать свои лучшие стремления напрасными и скоропреходящими. Любые стремления — кроме борьбы с надвигающейся смертью! Само наше присутствие в этом мире лишает их сил, разрушает все их представления и вселяет в простого человека панический страх перед смертью. Я предлагаю такой план. Мы объявим о своем существовании, расскажем о себе всю правду и потребуем нашей доли планеты. Небольшой уголок, где мы могли бы жить отдельно от всех. Если наши несчастные собратья пожелают обнести его высокой стеной на манер

Ковентри… Что ж, может, нам и вправду лучше поменьше с ними общаться.

Шум одобрения заглушил редкие возгласы сомневающихся. Поднялся Ральф Шульц.

— Не подвергая сомнению замысел Евы, хочу предупредить: человечество не пойдет с легкостью на предложенную нами самоизоляцию. До тех пор, пока мы не покинем этой планеты тем или иным способом, люди не смогут о нас забыть. Современные средства связи…

— Значит, надо перебраться на другую планету, — ответила Ева.

— На какую же? — вскричал Бертрам Харди. — Венера? Так я лучше в паровом котле поселюсь! Марс? Голый и бесплодный…

— Мы приспособим его, — настаивала она.

— На это даже нашей жизни не хватит. Нет, дорогая Ева, решительность твоя, конечно, достойна всяких похвал, однако смысла в этом ни на грош. В Солнечной системе для человека годится только одна планета — наша.

Слова эти натолкнули было Лазаря на какую-то мысль, однако она тут же ускользнула. Что-то… что-то такое; он об этом слышал как будто вчера… или несколько раньше? Это было каким-то образом связано с его первым космическим полетом

более ста лет назад… Гром и молния! Эти штучки, которые выкидывает иногда память, с ума могут свести!

И тут его осенило: звездолет! Он ведь почти готов и висит где-то между Землей и Луной!

— Ребята, — протянул он, — прежде чем начать обсуждение переезда на другую планету, надо бы рассмотреть все возможности.

Лазарь выждал, пока на его слова обратят внимание присутствующие.

— Вам когда-нибудь приходило на мысль, что вокруг Солнца собрались еще не *все* планеты?

Тишину нарушил Заккур Барстоу:

— Лазарь, ты серьезно об этом думаешь?

— Еще как!

— Не похоже что-то. Может, тогда объяснишь толком?

— А как же, — Лазарь обвел взглядом зал. — Там, наверху, болтается звездолет; в нем полно места, и построен он специально, чтобы летать к другим звездам. Почему бы не взять его, да не поискать себе подходящий огород?

Бертрам Харди оправился первым:

— Не могу понять: то ли нашего председателя осенило, то ли он над нами издевается, однако, если он говорил всерьез, то я отвечу; мой аргу-

мент против возрождения Марса станет в десять раз убедительнее по сравнению с этой дикостью. Я так понимаю: безнадежные идиоты, действительно собирающиеся в полет, намерены лететь лет этак сто. К тому времени, может быть, внуки их и наткнутся на что-нибудь стоящее. А может, и нет. В любом случае — меня это не интересует. Я не собираюсь провести сотню лет в железной цистерне, да вряд ли и проживу так долго.

— Подожди, — перебил его Лазарь. — Где Энди Либби?

— Здесь, — поднялся тот.

— Счетчик, выйди-ка вперед и скажи: ты не прикладывал лапку к конструированию этих кораблей для полета к Центавру?

— Нет. Ни к этому, ни к первому.

— Тогда все ясно, — обратился Лазарь к собравшимся. — Если Счетчик не занимался корабельным двигателем, то звездолет не так быстроходен, как мог бы. Счетчик, родной, займись-ка ты этим поскорее. Кажется, решение задачки нам скоро пригодится.

— Но, Лазарь, вы думаете…

— А что, теоретически это невозможно?

— Вы сами знаете, что возможно, однако…

— Тогда займи делом свою башку!

— Э-э… хорошо.

Либби покраснел — щеки его запылали едва ли не ярче рыжей шевелюры.

— Минуту, Лазарь, — сказал Заккур Барстоу, — предложение твое мне нравится, и надо бы его обсудить поподробней, вопреки неудовольствию брата Бертрама. Даже если брату Либби не удастся найти способ увеличить ускорение — а по-моему, так оно и случится: в механике полей я кое-что понимаю. Пусть даже так — столетний срок меня не пугает. С помощью анабиоза[9] и посменных вахт большинство из нас сможет дожить до конца перелета. Это…

— А с чего это ты так уверен, что нам разрешат воспользоваться кораблем? — не унимался Харди.

— Берт, — холодно сказал Лазарь, — если у тебя язык зачесался, то я на то и председатель, чтобы у меня слова просить. Ты даже не делегат от Семьи, и я тебя предупреждаю в последний раз.

— Как я уже сказал, — продолжал Барстоу, — в том, что звезды будут осваивать именно долгожители, есть своя закономерность. Мистики сказали бы, нам это на роду написано. — Он сде-

---

[9] Примечания: 9

Анабиоз (от греческого «анабиозис» — оживление) — состояние организма, при котором жизненные процессы резко замедляются.

лал небольшую паузу. — А насчет звездолета, о котором говорил Лазарь, — может быть, нам его и не отдадут, однако Семьи имеют достаточно денег, и если нам понадобится звездолет, пусть даже не один, мы вполне можем его построить. По-моему, разумнее всего рассчитывать, что нам дадут это сделать — другого варианта у нас, похоже, нет. Возможно, это единственное решение проблемы, не связанное с уничтожением Семей.

Последние слова Барстоу выговорил мягко и медленно, с глубокой печалью в голосе. Собравшихся будто сковало морозом. Большинство из них вовсе не были готовы к такому обороту — и происходящее казалось им чем-то вроде дурного сна. До сих пор им даже не приходило в голову, что возможна ситуация, в которой не удастся найти решение, приемлемое для большинства «недолговечников». Заявление Старшего Поверенного о своих опасениях по поводу возможного истребления Семей и допущение того, что на них могут открыть самую настоящую охоту, — напомнило каждому о том, о чем и подумать было страшно!

— Так вот, — прервал Лазарь гнетущую тишину, — прежде, чем подробно обсуждать этот вариант, давайте и другие предложения послу-

шаем. Кто там, давайте, колитесь.

Сквозь толпу пробрался человек и что-то шепнул Заккуру Барстоу. На лице Старшего Поверенного отразилось крайнее удивление. Поднявшись на помост, он подошел к Лазарю и зашептал ему на ухо. Лазарь тоже застыл в изумлении, а Барстоу чуть не бегом направился к выходу.

Лазарь оглядел зал.

— Что ж, — сказал он, — пожалуй, стоит устроить перерыв. Даю вам время обдумать ваши предложения, а заодно оправиться и перекурить.

Он потянулся к сумке.

— Что там стряслось? — спросили из зала.

Лазарь закурил сигарету и глубоко затянулся. Выпустив дым, он ответил:

— Поживем — увидим. Но теперь минимум полдюжины планов из тех, что тут предлагались, отпадают начисто. Ситуация изменилась. Насколько — пока сказать не могу.

— Что это значит?

— Ну-у, — протянул Лазарь, — кажется, с Заком Барстоу только что пожелал говорить сам Администратор Федерации. Он назвал его по имени и связался с Усадьбой по секретному семейному каналу.

— Ка-ак?! Это невозможно!

— Верно, родненький. И все же ребеночек будет.

4

Мчась в центр связи, Заккур Барстоу пытался взять себя в руки. А на другом конце провода старался унять волнение достопочтенный Слэйтон Форд. Сэр Слэйтон Форд не питал на собственный счет никаких иллюзий — долгая, блестящая карьера, увенчавшаяся многолетним пребыванием на посту Администратора Синедриона и блюстителя Ковенанта Западной Федерации, предоставила ему возможность оценить свои выдающиеся способности и богатейший опыт. Ни одному смертному не удавалось еще переиграть его на переговорах по какому бы то ни было вопросу.

Но сейчас положение было совершенно иным.

Что же это за человек, который прожил уже две человеческих жизни и чей жизненный опыт вчетверо, а то и впятеро больше его собственного? Администратор подумал, что даже собственные его точки зрения с годами обновлялись; он уже не тот зеленый юнец, которым когда-то был. Так каков же этот Заккур Барстоу? Предположительно он — самый способный и влиятельный человек в сообществе, совокупный опыт которого Форд

не в силах был и вообразить. Как же ему удастся предугадать мнение этого человека, его оценку обстоятельств, образ мышления, его намерения и возможности?

Только в одном Форд был уверен: он не собирается продавать Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски, а равным образом — и право первородства за чечевичную похлебку долголетия.[10]

Он внимательно вгляделся в лицо Барстоу, появившееся на экране. Приятное лицо сильного человека. Такого не запугаешь! Человек выглядел молодо — черт возьми, с виду он куда моложе самого Форда! Почему-то Администратор ожидал увидеть на экране сурового и непреклонного старца; обманувшись в своих ожиданиях, он почувствовал, что напряжение спало.

— Вы — гражданин Заккур Барстоу? — тихо спросил Форд.

— Да, господин Администратор.

— Вы — ответственный руководитель Семей Говарда?

---

[10] Примечания: 10

Губернатор колонии Новая Голландия в 1646–1664 годах Питер Стайвезант (1592–1672) приобрел у индейцев племени манхэттен остров, за которым закрепилось это название. Первородство же покупал у своего старшего брата Исава будущий патриарх и родоначальник народа израильского Исаак (Книга Бытия, гл.25, ст.29–34).

— Я всего-навсего поверенный в делах нашего фонда — в настоящее время. Я скорее забочусь о благополучии родичей, нежели руковожу ими.

Это объяснение Форд с ходу отмел.

— Ну, я полагаю, статус ваш сопряжен и с руководством. Ведь нельзя вести переговоры с сотней тысяч человек!

Барстоу ничем не выказал удивления, однако тут же отметил, что количество родичей Администрации известно, и принял данное обстоятельство к сведению. Он уже оправился от потрясения, вызванного тем, что тайна Семейной Усадьбы больше не является тайной и Администратору известен код их закрытой системы связи. А факты эти могли означать только одно: один или несколько родичей были схвачены и принуждены говорить.

Несомненно, властям уже было известно все мало-мальски значительное, а потому блефовать бессмысленно. В то же время выдавать добровольно какую бы то ни было информацию тоже не следовало: наверняка Администрация еще не располагает всей информацией о Семьях.

Барстоу отреагировал почти сразу же:

— Что вы хотели бы обсудить со мной, сэр?

— Политику Администрации по отношению

к вашему сообществу. А также ваши и ваших родичей выгоды.

Барстоу пожал плечами.

— Что же тут обсуждать? Действие Ковенанта приостановлено, а вы имеете полномочия поступать с нами, как сочтете нужным, чтобы вырвать у нас сведения, которых на самом деле не существует. Тут уж нам ничего не остается, разве что надеяться на ваше милосердие.

— Да перестаньте бога ради, — раздраженно отмахнулся Администратор. — Зачем ходить вокруг да около? Мы с вами стоим перед лицом проблемы. Вы и я. Давайте же чистосердечно все обсудим и попробуем достичь соглашения. Вы готовы?

— Хотелось бы мне, — протянул Барстоу, — верить в ваше стремление к взаимопониманию… Однако проблема строится на ложной посылке, будто мы — Семьи Говарда — знаем, как продлить человеческую жизнь. Это не так.

— А если я скажу вам, что уже убежден в вашей искренности?

— Э-э… Хотелось бы верить… Как же в таком случае ваша позиция увязывается с вашими действиями? Нас гонят в ловушку, будто крыс!

Форд криво усмехнулся.

— Помните древнюю притчу о богослове, которого спросили, как милосердие Господне сообразуется с постулатом о проклятии новорожденных? «Всемогущий, — ответил теолог, — находит нужным назидательности ради вершить напоказ такое, что полностью отвергает в душе своей».

Барстоу неожиданно для самого себя улыбнулся.

— Да, я улавливаю аналогию. Это действительно так?

— Думаю, да.

— Понятно. Надеюсь, вы звоните мне не просто ради того, чтобы извиниться, как в той истории про палача?

— Нет. Надеюсь, что нет. Вы в курсе политических событий? Впрочем, этого от вас должность требует.

Барстоу утвердительно кивнул. Форд продолжал:

— Мое правление было самым длительным за всю историю Ковенанта. Я пережил четыре состава Синедриона. И тем не менее сейчас мое положение так шатко, что я не рискнул даже поставить вопрос о вотуме доверия — во всяком случае, по проблеме Семей Говарда. Без всякого

сомнения, меня поддержало бы не подавляющее большинство, как обычно, а как раз наоборот. Если бы я пошел против решения Синедриона и настоял на вотуме доверия, то мигом оказался бы не у дел, а мое место занял бы лидер оппозиции. Понимаете? Мне необходимо оставаться у власти, чтобы решить проблему более-менее гуманно — либо я могу умыть руки и оставить решение проблемы на усмотрение моего преемника.

— Но не станете же вы спрашивать моего совета?

— Нет, нет. Не по этому поводу. Я уже принял решение. Чрезвычайное положение так или иначе было бы введено либо мной, либо мистером Вэннингом — а потому я решил сделать это сам. Вопрос в следующем: поможете вы мне или нет.

Барстоу размышлял, вспоминая политическую карьеру Форда. Ранний период его долгого правления был сущим золотым веком для государства: мудрый и практичный, Форд претворил в жизнь принципы человеческой свободы, облеченные Новаком в текст Ковенанта. То была эпоха доброй воли и прогресса цивилизации, который казался необратимым.

Но, тем не менее, реакция наступила. Причины этому Барстоу понимал не хуже, чем Форд. Стоит

только сосредоточиться на чем-либо одном в ущерб всему остальному, и почва для демагогов, бездельников и честолюбцев всех мастей готова. Сами того не желая, Семьи Говарда вызвали кризис общественной морали и сами же пострадали от него. Все-таки им не следовало давать знать о себе. И то, что никакого секрета вечной молодости на самом деле не существовало, теперь не имело ровно никакого значения. Зло заключалось в том, что слухи об этом секрете разлагающе подействовали на общество.

Судя по всему, Форд прекрасно понимал сложившуюся ситуацию.

— Мы вам поможем, — внезапно объявил Барстоу.

— Отлично. Что вы предлагаете?

Барстоу закусил губу.

— Нет ли возможности отменить это пагубное решение, то есть приостановку действия Ковенанта?

— Поздно. — Форд покачал головой.

— И даже если вы выступите перед всем народом и лично заявите, что никакого…

— Я, — перебил Форд, — вылечу из своего кресла прежде, чем успею договорить. К тому же, мне просто не поверят. И кроме того, — пойми-

те меня правильно — мои личные симпатии в отношении вас и ваших родичей тут ничего не значат. Дело не в вас, а в той раковой опухоли, что укоренилась в нашем обществе. Бороться следует именно с ней. Конечно, я вынужден был это сделать, однако назад дороги нет. Мне следует довести дело до его логического завершения.

Барстоу был мудр по крайней мере в одном отношении: он допускал, что некто может иметь взгляды, противоположные его собственным, и при этом не быть негодяем. Тем не менее он возразил:

— Но мои люди подвергаются преследованиям!

— Ваши люди, — решительно заговорил Форд, — составляют ничтожную долю от одной десятой процента всего населения, а нам следует найти решение, приемлемое для всех. Я связался с вами, чтобы узнать: можете ли вы такое предложить. Можете?

— Я не совсем уверен, — медленно ответил Барстоу. — Допустим, я согласен, вам надлежит и дальше творить это беззаконие. Арестовывать, допрашивать преступными методами… Скорее всего, здесь у меня выбора нет.

— Равно как и у меня, — сдвинул брови Форд. —

Но, хоть я и не волен в своих действиях, я приложу все усилия, чтобы все делалось наиболее гуманными способами.

— Благодарю вас. Вы правы, вам бесполезно обращаться к общественности. И все же вы, как Администратор, имеете в своем распоряжении мощные средства информации. Нельзя ли с их помощью организовать кампанию по разъяснению того, что никакого секрета вечной молодости в природе не существует?

— А вы подумайте сами: сработает ли?

— Пожалуй, нет, — вздохнул Барстоу.

— И даже в случае успеха проблема, уверяю вас, не исчезнет! Люди, и в том числе мои ближайшие помощники, твердо уверены в существовании источника вечной молодости, иначе им остается лишь терзаться горькими мыслями о бренности всего сущего. Знаете, что для них будет означать истина?

— Продолжайте.

— Я мирился со смертью лишь потому, что считал ее величайшим демократом, не взирающим на лица. А теперь и у нее появились свои фавориты! Попробуйте хоть на мгновение почувствовать зависть обычного человека — жестокую зависть, скажем, пятидесятилетнего при виде любого из

вас! Всего-то полвека: из них двадцать лет на детство и юность, приличным специалистом он стал лишь к тридцати, какого-то успеха добился к сорока, и менее десяти лет действительно что-то значат. — Форд наклонился к экрану; в голосе его зазвучала необыкновенная грусть. — И вот, стоило ему чего-то достичь, приблизиться к заветной цели — и что же получается? Глаза начинают подводить, молодой задор давно прошел, сердце и легкие «уже не те»… Нет, он еще не старик! Однако в груди появляется неприятный холодок. Он знает, что ждет его вскоре. Ох, как он хорошо знает! Раньше это было неизбежным, и всякий был к этому готов. И тут появляетесь вы! — в голосе Форда почувствовалась горечь. — Живой укор его немощи, вы — насмешка над ним в глазах его собственных детей… Он не смеет загадывать вдаль, а вы беззаботно строите планы, которые будут реализованы только через полвека, и даже через сто лет! Неважно, какого совершенства достиг он в жизни — вы догоните его, перегоните, переживете… Его немощь вызывает у вас только жалость — разве удивительна его ненависть к вам?

Барстоу с трудом поднял голову.

— А вот вы, Слэйтон Форд, меня ненавидите?

— Нет. Я не могу позволить себе ненависти к

кому бы то ни было. Но, если говорить честно, — внезапно добавил Форд, — если бы этот секрет не был выдумкой, я вытянул бы его из вас. Даже если бы пришлось резать вас на куски.

— Да, понимаю, — Барстоу немного поразмыслил. — Но ведь я и мои родичи почти ничего не можем исправить. Не мы затевали этот эксперимент, все решили за нас… Хотя кое-что предложить мы можем.

— Что же?

Барстоу объяснил. Форд покачал головой:

— Медицински это вполне осуществимо. Несомненно, ваш генетический потенциал — пусть даже наполовину разбавленный — может значительно увеличить продолжительность жизни. Однако, если женщины и согласятся на искусственное оплодотворение, в чем я отнюдь не уверен, для наших мужчин это будет полной психологической гибелью. Последующий взрыв ненависти и отчаяния расколет человечество и уничтожит его. И неважно, что вы исполнены самых благих намерений, — подрыв жизненных устоев человечества не пройдет даром. Людей нельзя разводить, точно животных. Они никогда не согласятся на это.

— Я понимаю, — согласился Барстоу. — Но это

все, что мы можем предложить.

— Наверное, мне следовало бы поблагодарить вас, но я не хочу и не стану. Давайте рассуждать с точки зрения практики. Все вы, взятые в отдельности, — уважаемые, симпатичные люди. Но в целом — опаснее зачумленных. И потому вас следует изолировать.

— Мы тоже пришли к такому выводу, — кивнул Барстоу.

Форд, казалось, вздохнул с облегчением.

— Я рад, что вы разумно смотрите на вещи.

— К сожалению, нам больше ничего не остается. Так где же выход? Изолированная колония? Отдаленное место, наподобие Ковентри? Например, Мадагаскар… или мы можем занять Британские острова, заново заселить их, а по мере снижения радиоактивного фона, продвигаться в глубь Европы?

— Невозможно, — возразил Форд. — Таким образом проблема просто ляжет на плечи моих внуков, а ваше превосходство к тому времени возрастет настолько, что вы сможете победить. Нет, Заккур Барстоу! Вы и ваши родичи должны покинуть эту планету.

Барстоу помрачнел.

— Я знал, что к этому все идет. Куда же нам

отправляться?

— В любую точку Солнечной системы.

— Но *куда*? Венера — вовсе не подарок, да нас там и не примут. Венера от Земли ни в чем не зависит — еще с 2020 года. Конечно, согласно конвенции Четырех планет, они принимают иногда иммигрантов, но вряд ли пустят к себе сто тысяч человек, которых Земля посчитала слишком опасными для общества.

— Верно. Лучше вам выбрать другую планету.

— Но какую же? В Солнечной системе больше нет планет, пригодных для человека. А чтобы сделать хотя бы немного пригоднее мало-мальски подходящую, придется затратить громадные деньги, не менее громадные усилия, плюс массу лучшей современной техники.

— Ничего, попытайтесь. Мы будем вам по возможности помогать.

— Не сомневаюсь. Однако, если на то пошло, чем же это лучше земной резервации? Или вы всерьез готовы прекратить космические сообщения?

Форд резко выпрямился.

— Да, я понимаю. Я не сразу уловил суть, но давайте рассмотрим и этот вариант. Почему бы нет? Лучше отказаться от космических полетов,

чем доводить дело до открытой войны. К тому же, прецедент уже имел место…

— Да, когда венерианцы стали независимыми. Но все же космические сообщения возобновились, Луна-Сити был отстроен заново, и движение в космосе в десять раз интенсивнее прежнего. Вы в силах остановить этот процесс? В состоянии запустить его так, чтобы в будущем он не смог выйти из-под контроля?

Форд задумался. Конечно же, такое никому не по силам. Но что если наложить запрет на посещение одной планеты, той, куда переселятся долгожители? Поможет ли это? Одно, два, три поколения — какая разница? Древние японцы когда-то пытались поступить подобным образом, но иноземные дьяволы все равно явились.[11] Культуры невозможно изолировать навсегда; когда же они вступают в контакт — выживает сильнейшая. Закон природы.

Значит, постоянно действующий карантин неосуществим. Если так, то выход только один

---

[11] Примечания: 11

Когда корабли под командованием американского коммодора Метью Колбрайта Перри (1794–1858) навели на японскую столицу стволы корабельных орудий, они вынудили японское правительство подписать Договор 1854 года, положивший конец более чем двухвековой самоизоляции Японии от внешнего мира и открывший для американских кораблей порты Хакодате и Симода.

— и самый нежелательный. Однако Форд был человеком решительным и всегда находил в себе силы делать то, что считал нужным. Он принялся разрабатывать планы, забыв даже о Барстоу на том конце провода. Стоит ему указать местонахождение штаб-квартиры Семей Говарда Главному Проктору, и Усадьба будет захвачена через час-два — в случае если там не имеется каких-нибудь очень уж эффективных оборонительных средств. Но и тогда это всего лишь вопрос времени. От тех, кто будет взят в Усадьбе, можно будет узнать, где находятся остальные, а после обнаружить их и задержать. В случае удачи все долгожители будут арестованы максимум в двое суток.

Пока что он не решил одного: ликвидировать всех или просто стерилизовать. Любой из этих шагов является радикальным решением проблемы; третьего не дано. Что же будет гуманнее?

Форд отлично понимал: карьере его на этом конец. Его с позором выкинут с должности; возможно, даже сошлют в Ковентри. Но все это мало интересовало Администратора. Он был слишком целеустремлен, чтобы ставить личный интерес выше общественного блага.

Барстоу не мог заглянуть в его душу, однако

чувствовал, что Форд принял какое-то решение и прикидывал, что за этим может последовать. Похоже, настало время выбросить свой единственный козырь.

— Господин Администратор…

— А? Ох, извините, я задумался. — Форд изобразил смущение, стараясь не выказывать своих истинных чувств. В глубине души он был потрясен, когда вдруг понял, что сидит лицом к лицу с человеком, которого только что обрек на смерть. Администратор поспешил спрятаться под панцирь формальной вежливости:

— Заккур Барстоу! Благодарю вас за интересную и содержательную беседу. Весьма сожалею…

— Господин Администратор!

— Слушаю вас?

— А что, если мы отправимся за пределы Солнечной системы?

— Что? — Форд моргнул. — Вы серьезно?

Барстоу заторопился. Полусырой план Лазаря Лонга следовало преподнести Администратору в лучшем виде, импровизируя на ходу, преуменьшая препятствия и преувеличивая выгоды.

— Кажется, это подойдет, — наконец сказал Форд. — Конечно, о кое-каких трудностях вы не упомянули: политические тонкости, нехватка

времени… И все же это возможно. — Он поднялся. — Возвращайтесь к своим, но пока не говорите им ничего. Я свяжусь с вами позже.

Барстоу не спеша вернулся в зал, обдумывая, что же сказать родичам. Конечно, с него потребуют полного отчета, и, теоретически, он не имеет права умолчать ни о чем, но все же… Барстоу склонялся к сотрудничеству с Администратором — пока есть надежда на благоприятный исход. Приняв решение, он свернул в свой кабинет и послал за Лазарем.

— Ну как? — спросил тот с порога. — До чего договорились?

— И хорошо… И плохо, — отвечал Барстоу. — Послушай…

Он кратко передал содержание беседы.

— Ты не мог бы вернуться в зал и как-нибудь их успокоить?

— Н-ну… Попробую.

— Тогда поторопись.

То, что Лазарь предложил собравшимся, не понравилось никому. Никто не хотел ни расходиться, ни сидеть спокойно.

— Где Заккур? Требуем отчета! Что тень на плетень наводить!

Рев Лазаря утихомирил родичей:

— Да послушайте же, идиоты чертовы! Зак подготовится как следует и все расскажет, нечего его попусту дергать! Он знает, что делает.

В заднем ряду встал человек:

— Я возвращаюсь к себе!

— Давай, — ласково напутствовал его Лазарь. — Передавай там от меня прокторам привет.

Человек с ошарашенным видом опустился в кресло.

— Может, еще кто домой хочет? — осведомился Лазарь. — Вы на меня внимания не обращаете, но пора бы пораскинуть куриными своими мозгами и сообразить: мы объявлены вне закона! От прокторов нас защищает только то, что Зак пудрит мозги Администратору! В общем, как хотите. Совет объявляю закрытым.

— Слушай, Зак, — говорил Лазарь несколько минут спустя, — давай-ка внесем ясность. Значит, Форд своей властью постарается помочь нам пробраться на корабль и сделать ноги. Так?

— Собственно, он вынужден так поступить.

— Х-м-м… То есть ему придется убедить Синедрион, что он хитростью выманивает у нас секрет долголетия… Правильно?

— Над этим я пока не думал. Я…

— Но ведь так?

— Пожалуй, так.

— Ладно. Значит, дело в следующем: хватит ли у него ума, чтобы понять, во что он ввязывается, и сил, чтобы довести дело до конца.

Барстоу припомнил все, что знал о Форде, прибавил впечатления от беседы с ним.

— Да, — решил он. — Форд прекрасно понимает ситуацию и достаточно тверд, чтобы встретить трудности лицом к лицу.

— Хорошо. А как будет с тобой? Ты-то сам потянешь?

В голосе Лазаря сквозило сомнение.

— Я? Что ты хочешь сказать?

— Ты ведь тоже собираешься вести двойную игру, так? Хватит ли у тебя духу не отступить, когда придется туго?

— Не понимаю, — забеспокоился Барстоу. — Я никого не собираюсь обманывать. По крайней мере, никого из родичей.

— Лучше прикинь еще раз, — безжалостно продолжал Лазарь. — Тебе придется сделать так, чтобы все — до единого — участвовали в этом исходе. Ты что, собираешься вбивать эту идею в каждого отдельно или думаешь, что сто тысяч человек единогласно тебя поддержат? Ерунда!

Такую толпу не заставишь даже «Янки-Дудль» просвистеть хором!

— Но у них не будет другого выхода, — возразил Барстоу. — Выбора нет! Либо мы покинем планету, либо нас в конце концов перебьют! Я уверен, Форд и собирался это сделать. И сделает!

— Так почему б тебе не пойти и не сказать им об этом? Зачем было посылать меня?

Барстоу устало провел рукой по глазам.

— Не знаю.

— А вот я знаю, — заявил Лазарь. — У тебя и в пятке ума больше, чем у большинства из них в черепушках! Ты отправил меня дурака перед ними валять, потому что отлично знал: правда тут не годится. Если бы ты предложил им выбирать между бегством и могилой, кто-то ударился бы в панику, кто-то заупрямился, а некоторые — типа дряхлых старушонок, даром что в килтах — отправились бы домой, стали взывать к параграфам Ковенанта и мигом порушили бы все наши планы, не успев даже понять, что власти с ними не в игрушки играют. Так, нет?

Барстоу пожал плечами и невесело засмеялся:

— Так, именно так. Я поступил так не раздумывая, но ты совершенно прав.

— Да нет, — возразил Лазарь, — ты все заранее

просчитал. И ты верно придумал, Зак. Твоя пятка меня устраивает, и потому я за тебя. Похоже, вы с Фордом решили оставить с носом население всей планеты! Еще раз тебя спрашиваю: хватит ли тебя на то, чтобы довести дело до конца?

5

Родичи разбились на группы и яростно спорили.

— Никак не пойму, — рассказывала кучке взбудораженных людей резидент-архивариус, — Старший Поверенный никогда не вмешивался в мои дела… А тут — врывается в мой кабинет, следом этот Лазарь… И приказывает мне выйти!

— А что он сказал? — спросил кто-то из слушателей.

— Я спросила: чем могу служить, брат Барстоу? А он ответил: мол, выметайся отсюда, и девчонок своих прихвати. И хоть бы извинился для приличия.

— Есть на что жаловаться, — насмешливо сказал кто-то. Это был Сесил Хендрик из Семьи Джонсон, главный инженер связи. — Лазарь Лонг и меня посетил, и куда меньше церемонился!

— Что же он?

— Ворвался в центр связи и говорит, что хочет, мол, сесть за мой пульт. Заккур, мол, распорядился. Я говорю, что никому, кроме операторов, даже табурета моего не доверю, и вообще — кто он здесь такой? И знаете, что он сделал? Не поверите

— бластер на меня наставил!

— Не может быть!

— А вот может. Я вам говорю — это страшный тип! Его бы в психиатрическую… Сплошной ходячий атавизм!

С экрана на Администратора смотрел Лазарь Лонг.

— Все записали?

Форд выключил настольный факс.

— Да, я закончил, — подтвердил он.

— Ладно, — ответил с экрана Лазарь, — я отключаюсь.

Как только экран погас, Форд включил внутреннюю связь:

— Главному Проктору немедленно явиться ко мне!

Глава гражданской безопасности не заставил себя ждать. Раздражение на его лице боролось с уставной дисциплиной. Этот вечер и так был одним из самых неспокойных в его жизни, а тут еще Старик заставляет являться лично. Так на кой черт тогда все эти видеофоны? И на кой черт он, Главный Проктор, вообще пошел на службу в полицию? Назло своему боссу он решил держаться сугубо официально и приветствовал его с подчеркнутой почтительностью:

— Вызывали, сэр?

Форд не обратил на это никакого внимания.

— Да, благодарю вас. Вот. — Он нажал клавишу; из факсимилятора выскочила кассета. — Это — полный список Семей Говарда. Арестовать.

— Есть, сэр.

Глава федеральной полиции повертел в руках кассету, гадая, стоит ли спрашивать, как эти сведения попали к Администратору, ведь пленка явно не проходила через ведомство общественной безопасности. Неужели у Старика имеется собственная разведслужба, о которой он, Главный Проктор, даже не подозревает?!

— Список алфавитный, но разбит по географическому принципу, — продолжал Администратор. — После размножения записи пришлите… нет, принесите оригинал обратно. Допросы с психообработкой можете прекратить. Просто задержите всех и изолируйте. Дальнейшие инструкции — позже.

Главный Проктор решил, что проявлять любопытство в данный момент неуместно.

— Есть, сэр! — ответил он, отсалютовал и вышел.

Форд снова повернулся к столу и вызвал к себе начальников отделов земельных ресурсов и

транспортного контроля. Поразмыслив, вызвал и начальника отдела рационального потребления.

А в Семейной Усадьбе заседание Поверенных шло полным ходом; отсутствовал лишь Барстоу.

— Не нравится мне это, — возмущался Эндрю Уэзерэл. — Ну пусть Заккур решил повременить с докладом для Совета, это понятно! Но нам-то он должен сказать! Я был уверен, что он хочет посоветоваться с нами. Филип, как ты это все расцениваешь?

Филип Харди закусил губу.

— Черт его знает. Конечно, Заккур просто так ничего не делает. Но я тоже считаю, что ему следовало бы посоветоваться с нами. Джастин, с тобой он не говорил?

— Нет, — недружелюбно отвечал Джастин Фут.

— Ну, так что же нам делать? Мы ведь не можем притащить его сюда силой и потребовать отчета, если, конечно, не собираемся его снимать. Раз он решил оставить нас в неведении, что поделать.

Они все еще обсуждали эту проблему, когда явились прокторы.

В отличие от них Лазарь происходящему не удивился — ведь он располагал информацией, которой его родичи не имели. Он приготовил-

ся — ради примера остальным — тихо-мирно подчиниться аресту, однако привычка — вторая натура; Лазарь решил оттянуть неизбежное и нырнул в ближайший мужской туалет.

Это был тупик. Вентиляционная шахта… Нет, слишком узка. Размышляя, как поступить дальше, Лазарь полез в сумку за сигаретами и нащупал в ней что-то мягкое. Это оказалась нарукавная повязка, позаимствованная у проктора в Чикаго.

Когда один из прокторов, обыскивавших Усадьбу, заглянул в туалет, то увидел там своего коллегу.

— Здесь никого, — крикнул Лазарь, — я проверил.

— Как ты умудрился оказаться здесь прежде меня, черт возьми?

— С фланга. Туннелем от Стоуни-Айленд, а после по вентиляции. — Лазарь решил, что обычный рядовой «бык» должен поверить в туннель от Стоуни-Айленд. — Сигаретку дать?

— Чего?! Нашел время перекуры устраивать!

— Да ну, — сказал Лазарь, — мой легат, небось, на целую милю отстал.

— Это твой, — огрызнулся проктор, — а мой-то следом идет!

— А-а… Ладно, черт с ним. Мне все равно надо

ему кой о чем сообщить.

Лазарь хотел было выйти, но проктор загораживал дверь, удивленно глядя на его килт, вывернутый наизнанку, — голубая подкладка неплохо имитировала форму проктора, но только издали. Проктор повысил голос:

— Как ты, говоришь, тут появился?

— Да так, — ответил Лазарь и со всей силы ткнул проктора под ложечку. Его учитель всегда говорил, что это вернее удара в челюсть, уклониться почти невозможно. Учитель погиб во время дорожных забастовок в 1966-м,[12] но уроки его продолжали жить.

Надев форменный килт и обвязавшись патронташем с парабомбами, Лазарь почувствовал себя настоящим «быком»; к тому же, новый килт сидел на нем куда лучше. Правый коридор вел в Святилище и заканчивался тупиком, потому он предпочел левый, несмотря на возможность встречи с легатом своего благодетеля. Коридор привел Лазаря в зал, битком набитый родичами под охраной прокторов. Не обращая внимания на своих, Лазарь тут же отыскал усталого и злого командира.

---

[12] Примечания: 12

Упоминаются события новеллы Хайнлайна «Дороги должны катиться».

— Сэр, — доложил он, молодцевато отсалютовав, — там что-то такое, вроде госпиталя. Понадобится пять-шесть десятков носилок.

— Не мешай! Сходи и доложи своему легату, тут и без тебя дел по горло!

Лазарь почти не слышал его: он нашел взглядом Мэри Сперлинг. Увидев его, она отвернулась. Опомнившись, Лазарь ответил:

— Сейчас нет возможности связаться с ним, сэр. Он далеко.

— Тогда иди и вызови отделение первой помощи.

— Есть, сэр.

Лазарь удалился, заложив большие пальцы за пояс килта и слегка щеголяя выправкой. Он почти добрался до выхода из туннеля, когда сзади послышались крики. Вдогонку мчались два проктора.

Притормозив под аркой на перекрестке, Лазарь подпустил прокторов поближе.

— Что там стряслось? — спросил он как ни в чем не бывало.

— Легат… — начал один. Продолжать он не смог: у самых ног его разорвалась парабомба. На лице проктора появилось безмерное удивление, но парализующее излучение быстро погасило

эмоции. Его напарник упал рядом.

Прячась за выступом арки, Лазарь досчитал до пятнадцати. Для верности он еще добавил: первый двигатель — пуск! второй двигатель — пуск! третий двигатель — пуск! — и, удостоверившись, что прокторов прихватило надежно, а самому ему опасаться уже нечего, осмотрелся. Бросая бомбу, он не успел укрыться вовремя, ногу слегка покалывало.

Кроме двух неподвижных прокторов, вокруг никого не было. Лазарь двинулся дальше. Может быть, у полиции не было описания его примет, а может, его вообще никто не собирался задерживать. В одном он был уверен: если его кто-то выдал, то только не Мэри Сперлинг!

Чтобы выбраться на свет божий, потребовались еще две парабомбы и две сотни слов вопиющей лжи. Едва Лазарь оказался снаружи и убедился, что слежки нет, повязка и оставшиеся бомбы были отправлены в сумку, а пустой патронташ полетел в кусты. Теперь следовало добраться до Уокигана и посетить магазин готового платья.

Устроившись в примерочной, Лазарь набрал на пульте видеокаталога код килтов. На экране проплывали всевозможные образцы, и ему с трудом удавалось пропускать мимо ушей сладкие

рекламные увещевания, пока перед ним не появился килт, ни цветом, ни фасоном не похожий на форменный. Остановив каталог, Лазарь нажал кнопку заказа, задал машине свой размер, взглянул на цену и сунул в щель кредитную карточку. Пока килт подгоняли по его фигуре, он решил перекурить.

Через десять минут Лазарь швырнул килт проктора в утилизатор и вышел наружу. В Уокигане он не бывал уже лет сто, однако довольно скоро нашел средней руки отель, из тех, в которых не задают лишних вопросов, набрал на пульте регистратора стандартный заказ и на семь часов погрузился в глубокий сон.

Позавтракав в номере, Лазарь рассеянно прослушал последние новости. Как-никак, его интересовало, что же произошло с Семьями, однако интерес был в значительной мере отвлеченным: проблемы сородичей отошли на второй план. Он подумал, что не стоило снова связываться с ними — в последнее время у него были отличные документы, и полиции даже в голову бы не пришло…

Тут его внимание привлекла фраза:

— …включая и Заккура Барстоу, считающегося вождем их племени. Арестованные были доставлены в резервацию в Оклахоме, поблизости от

развалин города-дороги Окла-Орлеан, в двадцати пяти милях к югу от Мемориала Харримана. Главный Проктор объявил это место «Малым Ковентри» и приказал всем воздушным транспортным средствам облетать его стороной. В настоящее время Администратор еще не сделал никакого официального заявления, но из достоверного источника в правительственных кругах нам стало известно: массовые аресты были проведены для того, чтобы ускорить расследование, в ходе которого Администрация рассчитывает раскрыть тайну Семей Говарда — методику продления до бесконечности человеческой жизни. По замыслу властей, решительные действия по задержанию и перевозке всех членов объявленной вне закона группы должны сломить сопротивление ее лидеров, отказавшихся удовлетворить законные требования общественности. Это еще раз напомнит им: гражданские свободы, которыми наделен всякий добропорядочный гражданин, не следует использовать в качестве ширмы, за которой скрыто намерение нанести обществу непоправимый вред. Движимое и недвижимое имущество членов этого сообщества объявлено временно арестованным и поступает в распоряжение министра Народного Хозяйства,

в ведомстве которого и будет находиться впредь до…

Лазарь выключил приемник. Вот свинство! Хотя что толку жалеть о том, чего не исправишь. Конечно, его тоже должны были взять, но ему удалось скрыться. Это факт. Если он тоже сдастся властям, родичам от этого не будет ни холодно, ни жарко. Кроме того, он ничем не обязан Семьям, ни одной малостью…

Только к лучшему, что взяли всех разом и тут же поместили под стражу. Если бы принялись выкуривать по одному, могло бы случиться что угодно — вплоть до погромов и суда Линча.[13] Лазарь отлично знал: даже в самом цивилизованном обществе существует неявная склонность к насилию. Потому он и посоветовал Барстоу, во избежание кровопролития, собрать всех вместе: и самому Заку, и Администратору это все равно понадобится, если они действительно хотят претворить в жизнь свой план. Итак, дело уже запахло керосином, а он все еще жив и невредим.

Интересно, что же теперь с Заком? И как он

---

[13] Примечания: 13

Судом Линча именуется акт вынесения приговора без соблюдения законной процедуры и приведение в исполнение этого приговора на месте. Назван по имени Чарлза Линча (ум. 1796) — американского плантатора и мирового судьи, председательствовавшего в Вирджинии на внезаконных судилищах во времена Войны за независимость.

расценивает исчезновение Лазаря? Он попытался представить, что должна думать о нем Мэри Сперлинг. Наверное, она была поражена, когда увидела его в обличье проктора. Лазарю вдруг захотелось разыскать ее и все объяснить. Не то чтобы он слишком близко к сердцу принимал мнение родичей о себе — скоро все они окажутся за много световых лет отсюда. Или будут уничтожены.

Он подсел к видеофону и вызвал почтовое отделение.

— Капитан Аарон Шеффилд, — представился он и назвал свой почтовый индекс. — Последний раз регистрировался на почте Порт-Годдарда. Не будете ли вы так любезны переслать мне мою корреспонденцию, — наклонившись пониже, он назвал код своего отеля.

— Конечно, капитан, — ответил клерк. — Сейчас сделаем.

— Спасибо.

На это дело потребуется часа два, решил Лазарь. Да еще полчаса на доставку, да еще часа полтора на то-се-пятое-десятое. Вполне можно подождать здесь, погони за ним нет. С другой стороны, никакой нужды сидеть в этом Уокигане тоже нет. Как только перешлют почту, надо взять билет и…

И что? Лазарь перебрал целую вереницу возможностей и понял, что в Солнечной системе нет ни одного места, куда бы ему хотелось отправиться.

Это его обеспокоило. Однажды он слышал, что потеря интереса к жизни — показатель переломного момента, решающий этап в борьбе анаболизма с катаболизмом, за которым и наступает старость. Внезапно он позавидовал обычным людям, «недолговечникам». О них, по крайней мере, хоть детишки позаботятся, а среди Семей сыновние чувства не культивировались: сложно поддерживать отношения такого рода в течение ста лет и даже больше. А дружба с «недолговечником» автоматически оказывалась делом мелким и скоропреходящим. Лазарю, например, совершенно не хотелось видеть кого бы то ни было.

Стоп! А тот плантатор на Венере, который знал так много песенок и был таким забавным, когда выпьет? Вот кого можно навестить! Путешествие на Венеру поможет как следует встряхнуться, хоть Лазарь и не питал к этой планете особых симпатий.

И вдруг Лазарь похолодел. Сколько же лет он не видел этого парня?! Неважно. В любом случае,

он давным-давно в могиле…

Да, Либби был прав тогда, насчет необходимости нового типа ассоциативных воспоминаний для долгожителей. Остается лишь надеяться, что малыш не станет откладывать это дело в долгий ящик и даст ответ раньше, чем Лазарь. Он думал над этим еще несколько минут и только после этого вспомнил, что вроде бы больше не собирался встречаться с Либби.

Пришла почта, ничего стоящего не содержавшая, что вовсе не удивляло: Лазарь ни от кого не ждал писем. Рекламные кассеты сразу же отправились в утилизатор; только одно послание было удостоено внимания: ремонтная корпорация «Пан-Терра» уведомляла, что ремонт его универсального корабля «Ай-Спай» завершен и судно, полностью подготовленное к запуску, переведено на стоянку в док. Следуя контракту, компания не касалась навигационного оборудования — не изменил ли капитан своего мнения на этот счет?

Лазарь решил забрать корабль попозже и отправиться на нем в космос — все лучше, чем торчать на унылой Земле.

Оплата счета и поиск машины заняли не больше двадцати минут. Поднявшись в воздух, он направил аппарат к Порт-Годдарду, во избежа-

ние проверки держась на самом низком уровне, предназначенном для местных маршрутов. Не то, чтобы он избегал полиции сознательно — вряд ли у них имелись основания разыскивать капитана Шеффилда; просто недоверие к властям вошло в привычку, а Порт-Годдард находился не так уж далеко.

Пролетая над Восточным Канзасом, Лазарь вдруг решил приземлиться. Отыскав городишко настолько крошечный, что в нем, скорее всего, и проктора не было, Лазарь отошел подальше от посадочной площадки и нашел будку видеофона. Некоторое время он размышлял, как бы лучше выйти на главу Федерации. Если просто вызвать Башню Новака и попросить соединить его с Администратором Фордом, его тут же переключат на Департамент Общественной Безопасности и начнут задавать неприятные вопросы — это уж обязательно.

Избежать этого можно только вызвав Департамент Безопасности самому и потом любыми способами добиться разговора с Главным Проктором. А после уж — действовать по обстоятельствам.

— Департамент Общественной Безопасности, вас слушают, — ответили с экрана. — Что вам угодно?

— Мое почтение, — свысока сказал Лазарь. — Говорит капитан Шеффилд. Дай мне Главного.

В голосе его не чувствовалось приказа — повиновение подразумевалось само по себе.

Короткая пауза.

— Какого рода дело?

— Я сказал: говорит капитан Шеффилд.

На сей раз в голосе Лазаря появилось раздражение.

Последовала еще одна пауза.

— Соединяю вас с кабинетом первого заместителя, — неуверенно ответили с экрана. На этот раз экран ожил:

— Слушаю вас, — внимательно разглядывая Лазаря, сказал первый зам.

— Дайте Главного — и поскорей!

— В чем дело?

— Да господи ты боже мой — дайте Главного! Говорит капитан Шеффилд.

Не следует винить первого зама в том, что он связал Лазаря с начальником. За последние сутки он ни на минуту не сомкнул глаз, а событий за это время произошло столько, что он просто не в состоянии был отреагировать правильно на все. Когда на экране появился Главный Проктор, Лазарь заговорил первым:

— Наконец-то! Ни разу еще не приходилось через такие заслоны продираться. Дайте мне Старика, да поживей! По вашей внутренней связи.

— Какого дьявола вам надо? Вы кто такой?

— Слушай, браток, — произнес Лазарь голосом смертельно уставшего человека, — если б не чрезвычайные обстоятельства, я бы ни за что не стал пробиваться сквозь ваш твердолобый департамент. Соедини меня со Стариком. Дело касается Семей Говарда!

Шеф полиции насторожился.

— Докладывайте.

— Знаешь, — устало сказал Лазарь, — я, конечно, понимаю, тебя хлебом не корми, дай Старику через плечо заглянуть. Но сейчас нет времени на проволочки! Если ты не поможешь мне, и я по твоей милости убью два часа, чтобы явиться к Старику лично, — пусть его. Но тогда он захочет знать, отчего так случилось, — и я не я буду, если не узнает. Можешь спорить на свой лучший парадный мундир.

Главный Проктор решил рискнуть и подключить этого настойчивого субъекта к трехсторонней связи. Если Старик не отключит этого шута через три секунды, будет ясно, что Проктор поступил правильно; в противном же случае всегда

можно сослаться на ошибочное соединение. Проктор взялся за пульт.

Увидев на экране Лазаря, Администратор Форд был поражен.

— Вы? — воскликнул он. — Но как же… Или Заккур Барстоу…

— Заблокируйте канал! — перебил его Лазарь. Экран перед Главным Проктором потух; звук пропал. Так-так. Стало быть, у Старика все же имеется тайная разведка помимо Департамента… Интере-есно. Учтем.

Лазарь довольно быстро и откровенно рассказал, как ему удалось скрыться, и добавил:

— А ведь мог бы запросто исчезнуть навсегда. Еще и сейчас не поздно. Но прежде я хотел бы знать: ваша договоренность с Заккуром Барстоу еще в силе? Вы предоставите Семьям возможность эмигрировать?

— Да.

— А вы не думали, как перебросить сто тысяч человек на «Нью-Фронтирс», не раскрыв при этом себя? Сами понимаете, на ваших подчиненных полагаться нельзя.

— Понимаю. К сожалению, надежных людей найти нелегко.

— А я — как раз такой человек, какой здесь

нужен. Дело в том, что я — единственный находящийся на свободе человек, которому вы оба можете доверять. А теперь слушайте.

Через восемь минут Форд, медленно кивнув головой, сказал:

— Да, пожалуй, получится. Во всяком случае, начинайте подготовку. В Порт-Годдарде вас будет ждать доверенность.

— А вам удастся найти подставное лицо? Я же не могу предъявить доверенность от вашего имени — поднимется много шуму.

— Ну, не следует считать меня глупее, чем я есть. Когда она попадет в ваши руки, то будет самым обычным банковским переводом.

— Извиняюсь. А как связаться с вами в случае надобности?

— Ах, верно. Лучше всего — по этому коду. — Форд медленно продиктовал Лазарю код. — Это — тот самый видео, что у меня на столе. Нет, не стоит записывать — лучше запомните.

— И еще. Как бы мне переговорить с Заккуром Барстоу?

— Через меня. Напрямую с ним можно связаться только через экстрасенса.

— Ладно, все равно я бы не смог повсюду таскать с собой экстрасенса. Я отключаюсь — до скорого!

— Удачи.

Выйдя из будки, Лазарь не спеша направился к машине. В приемах нынешней полиции он разбирался слабо и не мог знать в точности, успел ли Главный Проктор определить, откуда говорят с Администратором. Скорее всего, он уже знает, сам Лазарь на его месте постарался бы. И не исключено, что ближайший проктор уже взял его след, а раз так — пора делать ноги и следов, по возможности, не оставлять.

Он забрался в машину и устремился на запад, оставаясь на местном, неподконтрольном уровне, пока не вошел в тучу, закрывавшую весь западный горизонт. Здесь Лазарь развернулся и направился к Канзас-Сити, стараясь не превышать скорости и держаться так низко, как только позволяли правила воздушного движения. В Канзас-Сити он сдал машину и нанял наземное такси, доставившее его по контролируемой трассе в Джоплин. Там он сел на аэробус из Сент-Луиса, не покупая билета заранее, чтобы проследить за его маршрутом было невозможно, пока все бортовые документы не окажутся на Западном побережье. Уняв тревогу, он всю дорогу размышлял.

Сто тысяч человек, весом по сто пятьдесят — нет, даже сто шестьдесят фунтов каждый. Итого

— что-то около восьми тысяч тонн. Пожалуй, «Ай-Спай» мог бы поднять с Земли такой груз, но тогда он станет очень неповоротливым. К тому же люди — весьма непростой груз. Конечно, «Ай-Спай» справится, но тогда они превратятся именно что в «простой груз»…

Значит, нужен другой транспорт.

Конечно, можно купить пассажирский корабль, который сможет доставить родичей на орбиту, по которой вращается «Нью-Фронтирс». Пассажирская служба Четырех Планет с радостью продаст, и недорого: в теперешней ситуации космические компании вынуждены покрывать издержки за счет продажи старых, не пользующихся популярностью кораблей. Но пассажирский корабль тоже не годится: власти тут же заинтересуются, для чего Лазарю такой корабль, и, что самое главное, с управлением он в одиночку не справится. Согласно новому соглашению о космической безопасности пассажирские корабли управляются исключительно вручную — считается, ни одно автоматическое устройство не заменит человеческий мозг в критической ситуации.

Значит, корабль должен быть грузовиком.

И Лазарь знал, где такой найти. Несмотря на все старания землян перевести Лунные колонии на

самообеспечение, Луна-Сити до сих пор импортировал куда больше, чем экспортировал. На Земле такое положение привело бы к необходимости гнать корабли назад порожняком. В космосе же — а особенно на Луне — куда выгодней пустить их на металлолом, чем жечь топливо впустую.

Прибыв в Годдард-Сити, Лазарь отправился на космодром, оплатил счета и принял отремонтированный «Ай-Спай», тут же заполнив требование на вылет к Луне в самое ближайшее время. Взлет ему разрешали лишь через два дня, однако Лазаря это не смутило. Он просто зашел в диспетчерскую и сказал, что прилично заплатит, если сможет взлететь пораньше. Через двадцать минут его известили, что он может отправиться сегодня вечером.

Оставшиеся несколько часов он провел в преодолении различных бюрократических препятствий и добывании бесконечных бумаг, необходимых для полета. Прежде всего он получил наличные по доверенности Форда. Поначалу он собирался использовать часть денег на то, чтобы кой-кого подмазать, но вскоре с удивлением обнаружил, что у него ничего не получается. Два столетия борьбы за выживание научили его давать взятки так же мягко и ненавязчиво, как

делают предложение благородной леди. Но тут он совершенно неожиданно смог убедиться, что гражданские добродетели существуют на самом деле. Сотрудники космопорта, похоже, никогда не слыхали о барашке в бумажке и о том, что оформление различных документов, как правило, регулирует принцип: «не подмажешь — не поедешь». Эта неподкупность просто восхищала Лазаря, хоть он и не принадлежал к ценителям человеческих добродетелей — черт возьми, чем целый день заполнять идиотские бланки, куда как лучше посидеть с душой в «Небесных Вратах»!

Он даже согласился на инъекции, хоть мог бы сходить на «Ай-Спай» и принести справку о вакцинации, пройденной им две недели назад по прибытии на Землю.

Но все же, несмотря на все препоны, за двадцать минут до назначенного времени он уже сидел за пультом управления кораблем. Сумка его разбухла от громадного количества официальных бумаг, а желудок, напротив, съежился: за весь день в него попал лишь один-единственный сэндвич. Рассчитав S-траекторию Хохмена для взлета, он ввел данные в автопилот. Все зеленые огоньки на пульте горели — кроме одного, он

зажжется, когда Лазарю дадут отсчет. Он ждал и был просто счастлив, как всегда перед стартом.

Тут его осенило. Лазарь потянулся, ослабив нагрудный ремень, достал руководство «Пилоту-околоземнику о возможных опасностях в космосе» и задумался.

Значит, так. «Нью-Фронтирс» стоит на кольцевой орбите с периодом обращения ровно двадцать четыре часа, находясь над меридианом сто шесть градусов западной долготы при нулевом наклоне к земной оси; приблизительное расстояние от центра Земли — двадцать шесть тысяч миль.

А почему бы не слетать туда сейчас — на разведку?

«Ай-Спай», с полными баками и без груза, вполне мог доставить его туда. Конечно, у него разрешение на вылет в Луна-Сити, а не к звездолету, но Луна сейчас почти в том же направлении, такое небольшое отклонение от курса вряд ли будет заметно с Земли. Конечно, после того, как проанализируют запись показаний навигационного оборудования, Лазарю влепят строгий выговор, а может быть, и отберут на время лицензию. Однако он никогда не питал почтения к правилам дорожного движения, а знать о звездо-

лете побольше вовсе нелишне.

Он ввел задачу в компьютер. Зная параметры орбиты, все остальное Лазарь мог проделать с закрытыми глазами: маневры подхода к спутнику любой пилот знает назубок, а уж касательную траекторию к геостационарному спутнику даже стажер наизусть знает. Скормив автопилоту результаты вычислений, Лазарь стал слушать отсчет. Закончив все расчеты за три минуты до взлета, он снова пристегнулся и расслабился. Ускорение вдавило его в кресло, а перейдя в свободный полет, Лазарь определил свои координаты и вектор направления; удовлетворенный, заблокировал пульт, установил радар на случай встречи с другим кораблем и уснул.

6

Часа через четыре Лазаря разбудил сигнал тревоги. Он выключил радар, но динамик продолжал голосить — при взгляде на экран стало ясно, почему. На траверзе находился гигантский цилиндр «Нью-Фронтирс». Лазарь пошел на сближение, переключившись на ручное управление и не обращая внимания на курсовой компьютер. Не успел он закончить маневр, как засигналило переговорное устройство. Он нажал кнопку автопоиска, и через несколько секунд на экране появилось чье-то лицо.

— Вас вызывает «Нью-Фронтирс». Сообщите данные о вашем судне.

— Частное судно «Ай-Спай», капитан Шеффилд. Передайте поклон вашему командиру и скажите-ка: могу ли я подняться на борт и нанести ему визит?

Гости на «Нью-Фронтирс» оказались кстати. Постройка звездолета была окончена, осталось лишь сдать его приемной комиссии. Бригады собиравших его монтажников уже отбыли на Землю; теперь на борту находились лишь пред-

ставители фонда Джордана да с полдюжины инженеров, торчавших на корабле еще со времени его закладки. Горстка смертельно надоевших друг другу людей была измучена вынужденным бездельем; они страшно боялись, что на корабле придется задержаться дольше положенного, а значит, позже вернуться к земным удовольствиям. Посетитель же обещал приятное разнообразие.

В шлюзе звездолета Лазаря встретил главный инженер, фактически выполнявший во время строительства обязанности капитана. Представившись, он предложил Лазарю небольшую экскурсию по звездолету. Они проплыли мили бесконечных коридоров, осмотрели лаборатории, кладовые, библиотеки с сотнями тысяч заполненных кассет, акры гидропонных оранжерей с овощами и растениями, восстанавливающими кислород, а также — удобные, просторные, можно даже сказать, роскошные каюты для экипажа численностью в 10 000 человек.

— Экспедиция на «Авангарде» была слишком малочисленной, — объяснил инженер-капитан. — Социодинамики высчитали, что наш экипаж сможет поддерживать — в основных чертах — современный культурный уровень.

— Слабо верится, — усомнился Лазарь. — Неужели в мире всего десять тысяч профессий?

— Ну конечно же, нет! Но экипаж, предположительно, будет сформирован из представителей всех направлений науки и искусства. А уже в процессе развития колонии, с помощью справочной литературы, можно будет специализироваться в любой области — от бальных танцев до художественного ткачества. Основная идея именно такова. Меня, честно говоря, все это мало касается, однако предмет, несомненно, весьма интересен для специалиста.

— А вы очень хотите поскорее стартовать? — спросил Лазарь.

Инженер был шокирован:

— Я?! Вы что, думаете, я собираюсь лететь в этой штуке? Я, знаете ли, инженер, а не безмозглый идиот!

— Извините.

— Конечно, я ничего не имею против космических полетов, но только тогда, когда они преследуют некую разумную цель. В Луна-Сити я бывал уж и не помню сколько раз, и был еще однажды на Венере. Но не думаете ли вы, что

человек, построивший «Мэйфлауэр»,[14] обязательно должен был плыть на нем в Америку? На мой взгляд, все эти добровольцы не свихнутся в полете только потому, что они от рождения не в своем уме.

Лазарь переменил тему. Они не стали задерживаться ни в двигательном отсеке, ни в бронированном помещении гигантского масс-конвертера, поскольку Лазарь узнал, что там все полностью автоматизировано. Возможность с помощью парастатики обходиться без движущихся частей делала устройство машин крайне занятным, но не более, а стало быть, это могло подождать. Лазарю не терпелось осмотреть рубку управления — в ней-то он и задержался, дотошно вникая во все тонкости, пока радушный хозяин не заскучал.

Наконец Лазарь отвязался от него — не потому, что боялся надоесть, просто полученной информации было достаточно, чтобы рискнуть взяться за управление самому.

До возвращения на свой корабль он успел узнать еще две важные вещи. Во-первых, через девять дней дежурная группа отправлялась на

---

[14] Примечания: 14

«Мейфлауэр» — парусник, на котором в 1620 году прибыли в Новую Англию отцы-пилигримы.

уик-энд на Землю, после чего на корабль должна была прибыть приемная комиссия. Значит, целых три дня на корабле будет разве что дежурный радист. Настаивать на деталях Лазарь, во избежание подозрений, не стал. Охранять звездолет, судя по всему, не собирались — с тем же успехом можно охранять Миссисипи.

А во-вторых, Лазарь разнюхал, как без посторонней помощи попасть в звездолет снаружи — эти сведения он почерпнул из наблюдений за почтовой ракетой.

В Луна-Сити Лазаря тепло приветствовал Джозеф Макфи, представитель «Диана Терминал Корпорейшн», дочернего предприятия «Диана Фрайт Лайнз».

— А, входите, капитан! Присаживайтесь. Что будете пить?

Говоря это, он уже наполнял гостю стакан не облагаемой налогом жидкостью для разбавления красок, продукцией собственного перегонного аппарата.

— Сколько ж это мы с вами не виделись?! Откуда на сей раз в наши Палестины? Что новенького в мире?

— Из Годдарда, — приветливо откликнулся Лазарь и выдал анекдот о том, что ответил некий

капитан некоей особо важной персоне. Макфи ответил историей о старой деве в невесомости — Лазарь сделал вид, что слышит ее впервые. Разговор перешел на политику, и Макфи тут же изложил Лазарю единственно верное, по его мнению, решение европейского вопроса. Дело заключалось в том, что принципы Ковенанта не должны распространяться на культуры, не достигшие определенного уровня технического развития.

Лазарю на все это было плевать, но он знал, что Макфи не следует торопить. В нужных местах он кивал, поглощал подносимые порции адской смеси и ждал, когда же наступит время переходить к делу.

— Джо, там у твоей компании нет нынче кораблей на продажу?

— Кораблей?! Что я слышу? Да сейчас их просто завались! Такого застоя в делах уже лет десять не было. Так тебе корабль нужен? Могу предложить за умеренную цену!

— Может, и куплю. Смотря что предложишь.

— Да ты только скажи, что тебе надо! Такого спада в торговле еще не бывало — иногда в неделю ни одного кредита не заработаешь!

Макфи сдвинул брови.

— А знаешь, почему? Все эти Семьи Говарда! Никто не хочет выкладывать денежки, пока не будет ясно, чем все кончится! Как же можно строить планы, если неизвестно — на десять лет вперед рассчитывать или на все сто? Попомни мои слова: если власти все-таки вытянут тайну из этих ребят, в капитальных вложениях начнется чудовищный бум! А если нет… Долгосрочные вложения гроша ломаного не будут стоить. Тут начнется: ешь-пей-веселись, жизнь коротка… Такой бардак начнется — куда там Реконструкции. — Он снова нахмурился. — Так что за железяка тебе нужна?

— Не железяка. Мне нужен приличный корабль.

Макфи поднял брови:

— Вот оно как? Так какой же?

— Точно сказать не могу. Может, выкроишь время, и вместе поглядим?

Надев скафандры, они вышли из купола через Северный туннель и отправились на космодром — длинными лунными прыжками. Лазарь приметил два корабля с достаточной грузоподъемностью и вполне просторных. Один — танкер — явно обошелся бы дешевле, но после некоторых подсчетов оказалось, что палубного простран-

ства на сто тысяч пассажиров не хватит. Другой корабль был постарше, с капризными поршневыми приводами, зато рассчитан был на грузы любого характера. Грузоподъемность его даже превышала необходимую, но это и к лучшему — увеличивалась маневренность, что в критической ситуации могло сыграть решающую роль.

А с двигателями он справится, не такую видали рухлядь!

Лазарь уточнил условия, немного поторговался — не ради экономии, а чтобы не вызвать подозрений слишком быстрым согласием. В конце концов была заключена сложная сделка: Макфи брал себе «Ай-Спай», и Лазарь передавал ему все документы на полное владение кораблем, выкупленным и незаложенным. Расплачивался же Макфи платежным поручительством, не обеспеченным счетом в банке. Затем Лазарь становился законным владельцем грузовика, оплатив его стоимость тем же самым необеспеченным платежным поручительством и добавив некоторую сумму наличными. В свою очередь Макфи получал право заложить «Ай-Спай» в центральном расчетном банке Луна-Сити и использовать полученную ссуду плюс Лазаревы наличные, для того чтобы обеспечить свое собственное поручи-

тельство — надо думать, до аудирования своего банковского счета, хотя об этом скользком обстоятельстве Лазарь упоминать не стал.

Это не было взяткой в прямом смысле слова. Просто-напросто Лазарь воспользовался давней мечтой Макфи о собственном корабле и тем, что тот считал «Ай-Спай» одним из идеальных вариантов: на нем всегда можно было отправиться куда-нибудь по делам или на отдых. Итак, Лазарь оценил свой корабль достаточно низко, чтобы Макфи мог купить его; к тому же о сделке, провернутой таким образом, он уж точно не станет распространяться — во всяком случае, пока не обеспечит свое платежное поручение. Чтобы слегка запудрить этому хитрецу мозги и отвести возможные подозрения, он посоветовал Макфи внимательнее следить за торговлей табачными изделиями. В результате Макфи был твердо убежден, что новое загадочное предприятие капитана Шеффилда каким-то образом связано с Венерой — единственным приличным рынком сбыта подобных товаров.

Лазарь мог лететь уже через четыре дня, для чего ему пришлось раскошелиться на солидные премии и сверхурочные, но в результате он стал полноправным владельцем «Сити-оф-Чилли-

коти». Провожая взглядом огни Луна-Сити, он сократил это название, переименовав корабль в «Чили» — во славу своего любимого блюда, которого он давненько уже не едал: крупные красные бобы, много едкого молотого перца «чили» и крупно нарезанные куски мяса — настоящего, а не этой синтетической пакости. При одном воспоминании слюнки текут.

Как же мало осталось в жизни удовольствий…

Приблизившись к Земле, он вызвал службу контроля и запросил стоянку на орбите, так как не хотел сажать «Чили»: лишний расход горючего и совершенно лишнее внимание. Можно было выйти на орбиту и без разрешения, но тогда возрастал риск, что в его отсутствие корабль засекут, проверят и отметят, как покинутый. Лучше не полениться и выполнить все формальности.

Выйдя на указанную орбиту, Лазарь стабилизировал корабль, настроил идентификатор на самого себя, проверил, отзовется ли на его сигнал радар и отправился в Порт-Годдард на маленькой шлюпке. На сей раз все необходимые бумаги были с ним. Разрешив опломбировать шлюпку на месте посадки, он миновал таможню и быстро прошел все формальности. Теперь следовало добраться до ближайшего видеофона и связаться с

Заком и Фордом — а после, если хватит времени, отыскать место, где готовят настоящий чили. Связываться с Администратором из космоса он не хотел: тут нужна ретрансляция, а оператор станции мгновенно забыл бы про права и свободы абонентов, услышав, что речь идет о Семьях Говарда.

Администратор ответил на вызов сразу же, хотя в его часовом поясе был поздний вечер. Под глазами Форда темнели круги — похоже, он почти не вставал из-за рабочего стола.

— Хай, — сказал Лазарь, — давайте сразу подключим к нам и Зака. У меня есть новости для вас обоих.

— Значит, явились, — хмуро буркнул Форд. — Я уж и не надеялся. Где вас черти носят?

— Я покупал корабль, — ответил Лазарь, — и вы отлично это знаете. Давайте сюда Барстоу.

Форд нахмурился, но повернулся к пульту. Экран разделился пополам; на одной половине возникло лицо Барстоу. Казалось, увидев Лазаря, он удивился, но облегчения не испытал.

— Что стряслось? — быстро спросил Лазарь. — Форд не сказал тебе, чем я занимаюсь?

— Сказал, — ответил Барстоу, — но ведь мы не знали, где ты. Время идет, ты не появляешься. Мы

уж решили, что никогда больше тебя не увидим.

— Черт бы вас всех взял, — возмутился Лазарь, — ты прекрасно знаешь, я никогда так не сделаю! В общем, я нашелся, и слушай сюда. — Он рассказал о «Чили» и своем визите на «Нью-Фронтирс». — Значит, так. В эти выходные я приведу «Чили» к вам, мы погрузим всех на борт, отправимся на «Нью-Фронтирс», займем его и стартуем. Господин Администратор, тут требуется ваша помощь. Нужно, чтобы прокторы отвернулись, пока я сажаю корабль и мы в него грузимся. Потом придется как-то проскочить космические патрули. И лучше, чтобы вблизи «Нью-Фронтирс» не оказалось ни одного боевого корабля, который мог бы прийти на выручку: если вахтенный пошлет сигнал бедствия раньше, чем мы сможем ему помешать.

— Я тут совершенно случайно кое-что предусмотрел, — раздраженно сказал Форд. — Я предвидел, что вам понадобится отвлечь охрану, чтобы появился хоть один шанс на успех. Но этот план, в лучшем случае, фантастичен.

— Не так уж он фантастичен, — взвился Лазарь, — если только вы с вашими жутко чрезвычайными полномочиями подсобите.

— Допустим. Однако нам нельзя ждать еще

четыре дня.

— Это почему?

— Ситуация этого уже не позволяет.

— И мне тут не лучше, — вклинился Барстоу.

Лазарь перевел взгляд на него:

— Что там у тебя стряслось?

Оказалось, стряслось следующее. Форд и Барстоу решили, что задача, за которую они взялись, не решается. Они затеяли сложный тройной обман, то есть должны были представлять по-разному положение для Семей, для публики и для Синедриона. В каждом случае возникали особые и совершенно неодолимые препятствия.

Форд не мог положиться ни на кого: даже самый надежный из его помощников мог быть одержим идеей мифической вечной молодости. Проверить это было невозможно, а в случае неудачи вся конспирация пошла бы псу под хвост. Кроме того, Форду постоянно приходилось уверять Синедрион в том, что принятые им меры единственно правильные и наиболее полно отвечают пожеланиям означенного Синедриона.

Помимо этого, существовала настоятельная необходимость в ежедневных публикациях, чтобы убедить граждан в том, что правительство всерьез намерено предоставить им секрет веч-

ной жизни. И с каждым днем сводки должны становиться все подробнее, а ложь в них все изощреннее. Люди начинали понемногу волноваться; налет цивилизованности постепенно улетучивался, общество превращалось в толпу.

Синедрион чувствовал это, и Форду уже дважды приходилось ставить вопрос о доверии. В последний раз его спасли лишь два голоса.

— Следующего голосования мне не выдержать. Надо спешить.

У Барстоу имелись другие, не менее удручающие проблемы. Ему следовало подготовить к исходу сто тысяч человек, значит, без доверенных лиц было не обойтись. И дабы исчезнуть быстро и тихо, они должны понимать, что происходит. Тем не менее, он не решался раскрыть правду раньше времени — среди его доверенных вполне могли оказаться глупцы или упрямцы, а одного идиота вполне достаточно, чтобы провалить все, стоит лишь проболтаться.

Вместо этого ему пришлось искать достойных доверия лидеров, убеждать их и надеяться, что они сумеют убедить остальных. Таких «пастухов» требовалось около тысячи, ради уверенности, что в нужный момент люди последуют за ним. Но число это было весьма велико, и, в строгом со-

ответствии с законом больших чисел, следовало ожидать неприятностей хотя бы в одном случае.

Мало того. Верные люди нужны были еще для одного дела. Совместно с Фордом он разработал план, довольно хлипкий, однако позволяющий выиграть немного времени. Разглашая в минимальных дозах сведения о том, как избавиться от признаков надвигающейся старости, они делали вид, что все это в сумме и даст «тайну вечной молодости». Чтобы этот обман успешно претворился в жизнь, Барстоу нуждался в помощи химиков, гормонотерапевтов, специалистов по симбиотике и метаболизму, а также многих других умудренных родичей. Их же, в свою очередь, на случай допроса с пристрастием, должны были подготовить самые опытные психотехники. Гипноблокада такого рода гораздо сложнее обычного блока молчания. До сих пор методика работала неплохо, однако избегать противоречий, растущих, как снежный ком, с каждым днем становилось все труднее.

Барстоу больше не в силах был везти этот воз. Большинство родичей, не осведомленных о сути происходящего, все явственнее выходило из повиновения, и куда быстрее, чем граждане Федерации. Они были страшно недовольны

происходящим и ждали от власть имущих решительных мер. Освобождение — и немедленно!

В общем, влияние Барстоу на Семьи таяло чуть ли не быстрее, чем власть Форда.

— Поэтому, — заключил Форд, — о четырех днях и речи быть не может. У нас всего двенадцать часов; ну, самое большее, сутки. Синедрион собирается завтра в полдень.

Барстоу нервничал.

— Я не уверен, что смогу за это время всех подготовить! Возможно, возникнут неудовольствия.

— Об этом не беспокойтесь, — рыкнул Форд.

— Почему?

— Потому что те, кто останутся, умрут. Это в лучшем случае.

Барстоу отвел взгляд. Наконец-то было сказано вслух: они затеяли не просто невинное политическое жульничество, но — отчаянную и почти безнадежную попытку избежать массовых убийств; Форд же при этом находится по обе стороны баррикад.

— Ладно, — сказал Лазарь, — раз вы обо всем договорились, давайте действовать. Я посажу «Чили» в… — он припомнил орбитальное положение корабля, прикинул, когда сможет до него добраться и сколько времени уйдет на сни-

жение, — скажем, в двадцать два по Гринвичу. Для верности добавим еще час. Как насчет семнадцати часов завтра по времени Оклахомы? Собственно, это уже сегодня.

Собеседники вздохнули с облегчением.

— Отлично, — сказал Барстоу, — сделаю все, что смогу.

— Ладно, — подытожил Форд. — Если раньше нельзя… — Он на секунду задумался. — Я удалю из зоны всех прокторов и правительственных служащих, так что вы останетесь одни. Как только ворота за ними закроются, можете объяснить людям все, как есть.

— Да. Я сделаю все, что в моих силах.

— Что там у нас еще? — спросил Лазарь. — Да, вот. Зак, лучше бы заранее выбрать место для посадки, а то мой выхлоп поджарит кучу народа.

— А, верно. Заходите с запада, я зажгу стандартный пиросигнал. Идет?

— Идет.

— Ничего подобного, — сказал Форд, — тут нужен приводной сигнал.

— Хрен с ним, — отмахнулся Лазарь, — я могу хоть на макушку статуи Вашингтона сесть.

— Это уж вы в другой раз. Приготовьтесь к погодным сюрпризам.

Приблизившись к точке рандеву, Лазарь послал сигнал. К его великой радости «Чили» отозвался — чиненой-перечиненой аппаратуре Лазарь не доверял ни на грош, а на долгие поиски корабля времени просто не было.

Приблизительно определив направление, он включил тягу, вскоре затормозил и оказался на месте на три минуты раньше намеченного; ввел шлюпку внутрь корабля и направился в рубку. Снижение, вход в стратосферу и облет двух третей земного шара прошли по плану. Часть времени он использовал для смягчения маневров: изношенные двигатели не стоило перегружать без надобности. В тропосфере он пошел на снижение; корпус корабля нагрелся, но пока что температура была терпимой. Только сейчас он понял, что Форд имел в виду под «погодными сюрпризами»: Оклахома и половина Техаса были плотно затянуты тучами. Лазарь удивился, но в то же время остался доволен. Он вспомнил те времена, когда погодой еще не умели управлять. Вообще, жизнь утратила львиную долю своей прелести с тех пор, как стали регулировать погоду. Хорошо бы у погоды их будущей планеты оказался дикий и строптивый нрав!

Вскоре он вошел в тучи. Тут стало не до размыш-

лений. Корабль, несмотря на основательность конструкции, жалобно стонал. А, вот оно что! Наверное, Форд заказал всю эту кашу к началу операции — значит, у интеграторов где-то должна быть область пониженного давления.

В эфире раздавались дикие вопли оператора контроля. Отключив коммуникатор, Лазарь сосредоточился на посадочном радаре и призрачных изображениях на экране, сравнивая данные с показаниями инерционного датчика. Корабль миновал длиннющий шрам, прорезавший поверхность земли — развалины города-дороги Окла-Орлеан. Когда Лазарь был здесь в последний раз, в этом мегалополисе бурлила жизнь. Наверное, из всех механических монстров, сотворенных человеком, этот динозавр был самым большим и нелепым.

Размышления Лазаря прервал вой сигнала — корабль поймал приводной луч.

Лазарь пошел на посадку. Едва опоры заскрежетали о землю, он остановил двигатели. Громадные грузовые люки медленно распахнулись; в трюм ворвались косые струи дождя.

Элеонора Джонсон пригнулась, стараясь преодолеть порывы ветра, и поплотнее укутала полой плаща ребенка, которого несла на руках.

Когда разразилась буря, ребенок заплакал; непрестанный плач ужасно действовал ей на нервы. Теперь малыш притих, но от этого ее беспокойство лишь усилилось.

Она и сама плакала, хоть старалась держаться. Такого шторма она не видела за все свои двадцать семь лет; буря казалась ей воплощением всего, что перевернуло ее жизнь, оторвало от родного дома, лишило уютного домашнего очага, чистенькой кухоньки, плиты, на которой она могла готовить, когда захочется и без всякой очереди. Буря была точно грозный лик несчастья, вырвавшего ее из привычной жизни. Ее, как какую-нибудь преступницу, арестовали и, под конвоем двух прокторов, привезли в холодную, глинистую Оклахому.

Да уж не сон ли это? Может ли такое быть на самом деле? Может, она еще не родила своего малыша, а все это — один из дурных снов, как часто бывает при беременности?

Однако дождь был слишком холоден; гром просто оглушал — будь это сном, она непременно проснулась бы. А значит, то, что сказал Старший Поверенный, тоже не может быть сном: она своими глазами видела посадку корабля; яркое пламя, бьющее из дюз, освещало всю округу. Сейчас

корабля было почти не видно, но толпа вокруг медленно двигалась вперед — значит, корабль где-то там. Она шла среди последних, и, вероятно, взойдет на борт в последнюю очередь.

Но попасть туда очень нужно: старейшина Заккур Барстоу с глубокой печалью поведал всем, что ожидает тех, кто останется на Земле. Она верила ему, но все же никак не могла смириться с мыслью о том, что на свете существуют закоснев-шие в ненависти люди, жаждущие крови таких слабых и беспомощных созданий, как она и ее маленький…

Элеонору охватил панический страх. А вдруг на корабле не хватит места для них с малышом? Она еще крепче прижала к себе ребенка и так стиснула его, что он опять заплакал.

Сквозь толпу к ней пробралась одна из жен-щин:

— Устала? Давай пока я ребенка понесу.

— Нет. Нет, спасибо. Со мной все в порядке.

Сверкнула молния. При ее свете Элеонора узнала женщину — это была старейшина Мэри Сперлинг. Ее негромкий голос привел Элеонору в чувство. Теперь она знала, что делать. Если для нее на корабле не хватит места, она передаст ребенка по рукам, над головами толпы. В этом

ей не смогут отказать, неужели же на корабле не найдется места для ее крохи?!

Ее влекло вперед — толпа снова двинулась.

Увидев, что погрузка закончится через несколько минут, Барстоу покинул свой пост у одного из грузовых люков и со всех ног помчался к радиорубке, оскальзываясь на мокрой глине. Форд просил предупредить о готовности к старту — это было необходимым звеном в его плане. С трудом отворив дверь, Барстоу вбежал в рубку, набрал код и нажал кнопку.

Ответили ему сразу же, однако появившееся на экране лицо не было лицом Форда.

— Где Администратор? Мне необходимо с ним переговорить…

И тут Барстоу узнал человека на экране. Лицо его знали почти все — оно принадлежало лидеру оппозиции Борку Вэннингу.

— Вы и говорите с Администратором, — холодно усмехнулся Вэннинг. — С новым Администратором. А кто вы такой? Чего вы хотите?

Барстоу возблагодарил всех нынешних и почивших богов за то, что остался неузнанным, одним ударом прервал связь и вылетел наружу.

Два грузовых люка уже были закрыты; последние беглецы поднимались на борт через два

остальных. Барстоу, руганью и проклятьями подгоняя отстающих, забрался в корабль последним и, шатаясь от усталости, кинулся в рубку управления.

— Поднимайте корабль! — крикнул он. — Скорее!

— Чего шумишь? — спросил Лазарь, торопливо закрывая и герметизируя люки. Он включил предупреждающий сигнал, подождал еще десять секунд и запустил двигатели.

Через шесть минут Лазарь, как ни в чем не бывало, сказал:

— Что же, надеюсь, все улеглись. Если нет, значит, кто-то переломал себе кости. Так что ты там говорил?

Барстоу рассказал о том, что вышло из его попытки связаться с Фордом. Лазарь заморгал и просвистел несколько тактов из «Фазана на лугу».

— Да, времени у нас еще меньше, чем я думал. Очень на то похоже.

Он замолчал и сосредоточился на показаниях приборов, одним глазом следя за курсовым компьютером, другим — за кормовым радаром.

7

От управления Лазарь не мог оторваться ни на секунду. Чтобы правильно подойти к «Нью-Фронтирс», требовалось все его мастерство плюс неослабное внимание. Двигатели работали на пределе; корабль выкидывал коленца, которым позавидовал бы жеребенок. И все же Лазарь справлялся. Магнитные якоря легли точно, шлюзы соединились герметичными переборками. По барабанным перепонкам словно щелкнули — давление внутри кораблей уравнялось. Лазарь нырнул в люк на полу, ловко подтянулся на руках к шлюзовой камере и увидел, что с «Нью-Фронтирс» на него смотрит капитан-инженер. Приглядевшись, тот сказал:

— Как, опять вы? Какого дьявола ваша посудина не отвечает на вызовы? Сюда нельзя причаливать без разрешения — здесь частная собственность. Что все это значит?

— Это значит, что вам и вашим парням придется отправиться на Землю чуть раньше. А вот и корабль.

— Что за бред!

— Браток, — сказал Лазарь, в чьей руке вдруг

появился бластер, — ты так любезно меня принимал, что не хотелось бы причинять тебе вред. Однако придется, если вы не уберетесь отсюда. И чем скорее, тем лучше.

Инженер не верил своим глазам. За спиной у него собралось несколько его подчиненных, один из них круто развернулся, пытаясь уйти. Лазарь тут же выстрелил ему по ногам, переключив бластер на минимальную мощность. Тот дернулся и затих.

— Придется вам о нем позаботиться, — сказал Лазарь.

Теперь все было решено. По системе внутренней связи инженер созвал своих людей к пассажирскому люку, а Лазарь считал их. Должно быть двадцать девять — это он запомнил во время своего недавнего визита. Он приставил по два человека к каждому из пленных, а сам осмотрел того, в которого стрелял.

— Цел, — наконец констатировал он, — а вы, когда переберетесь на наш кораблик, смажьте ему ноги чем-нибудь от радиации — аптечка в рубке, справа от пульта.

— Да это же пиратство! Вам это так не пройдет!

— Может быть, — согласился Лазарь. — А мо-

жет, и нет.

Он переключился на высадку беглецов:

— Пошевеливайтесь там! Время не ждет!

«Чили» пустел медленно. Люк был только один; задние вдавливали передних в шлюз, те влетали на борт «Нью-Фронтирс», как пробка из бутылки.

Большинство впервые попали в невесомость, поэтому, оказавшись в просторных коридорах, люди мигом теряли ориентацию. Лазарь старался навести порядок, хватая тех, кто держался поувереннее, и посылая на помощь потерявшим равновесие — их нужно было оттащить подальше от шлюза, чтобы очистить дорогу для многих тысяч оставшихся. Когда помощников набралось около дюжины, из люка показался Заккур Барстоу. Лазарь тут же сцапал его и приставил следить за порядком:

— Делай, что хочешь, — только не давай им тормозить. Я иду на нос, в рубку управления. Увидишь Энди Либби, передай, что он мне нужен.

Из потока людей выбрался человек и подошел к Барстоу:

— Там какой-то корабль хочет приклеиться к нашему. Я в иллюминатор увидел.

— Где? — всполошился Лазарь.

В корабельной терминологии человек был сла-

боват, но в конце концов Лазарь его понял.

— Я скоро вернусь, — сообщил он Барстоу. — Только следи, чтобы эти не тормозили, а вон те не удрали.

Сунув бластер в кобуру, он сквозь толпу пробился обратно на «Чили».

Третий люк, похоже, и был именно тем, о котором говорил человек. В крышке его имелся забранный бронестеклом иллюминатор. Выглянув в него, Лазарь увидел вместо звезд освещенное пространство. К люку пришвартовался корабль.

Команда его либо еще не пыталась проникнуть на «Чили», либо не знала, как это сделать. Люк изнутри не запирался — в этом не было надобности. Он с легкостью открывался в любую сторону, стоило только уравновеситься давлению с обеих сторон — а датчик возле люка именно это равновесие и показывал.

Лазарь был озадачен.

Оставалось только гадать — что это: патрульный корабль, крейсер, или что-нибудь еще. Во всяком случае, появился он совсем некстати. Но почему же они не откроют люк и не войдут? Лазарь боролся с искушением запереть люк, заблокировать все остальные входы, закончить посадку и попытаться улететь.

Но любопытство, унаследованное от предков-обезьян, пересилило — он просто не мог отвернуться от того, чего не понимал. Лазарь решил пойти на компромисс. Задвинув засов, который теперь не давал открыть люк снаружи, он осторожно заглянул в иллюминатор.

Прямо на него смотрел Слэйтон Форд.

Опешив на секунду, Лазарь отодвинул засов и открыл люк, затаясь сбоку и приготовив бластер и нож.

В корабль вошел человек. Убедившись, что это именно Форд, Лазарь захлопнул люк, задвинул засов и направил на нежданного гостя бластер.

— Какого черта? — спросил он. — Что вас сюда принесло? Кто еще с вами? Патруль?

— Я один.

— Что-о?

— Я хочу лететь с вами… если возьмете.

Лазарь молча смотрел на него. Снова припав к иллюминатору, он стал пристально разглядывать все, что попадало в поле зрения. Форд, кажется, не врал: больше с той стороны никого не было. Но Лазаря поразило не это.

У корабля Форда не было шлюза — только простой люк, позволявший разве что перейти на большой корабль. Перед глазами Лазаря бы-

ла рубка управления. Похоже… да, верно, это — «Джойбот-Юниор», крошечная стратояхта, пригодная лишь для полетов в стратосфере; самое большее — для визитов на спутники, если там есть чем дозаправиться перед возвращением.

Здесь не было подходящего для яхты топлива. Какой-нибудь суперпилот с молниеносной реакцией, пожалуй, смог бы посадить эту игрушку и уцелеть, если бы сумел постепенно снизить скорость, погружаясь в атмосферу и снова из нее выныривая, да притом внимательно следя за температурой обшивки. Лазарь бы, например, не решился. Он обратился к Форду:

— А если не возьмем? Как вы хотели назад возвращаться?

— А я не собирался возвращаться, — ответил Форд.

— Хм-м-м… Ладно, давайте — что там стряслось? Только скорее; времени нет.

Форд сжег за собой все мосты. Несколько часов назад его отстранили от власти, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: как только вся правда всплывет, его ждет пожизненная ссылка в Ковентри, если до того не разорвет на куски разъяренная толпа или не сделает кретином допрос с пристрастием. Бегство Семей было тем

перышком, что сломало шею верблюда: Форд больше не в силах был контролировать ситуацию. Синедрион не стал слушать его объяснений. Форд пробовал выдать бурю и удаление проктороров за попытку сломить дух долгожителей, но это выглядело не слишком правдоподобно. Приказ всем патрульным кораблям не приближаться к «Нью-Фронтирс» никто не додумался связать с Семьями, однако явное отсутствие мотива во всех этих распоряжениях было тут же подмечено оппозицией и обращено против него. Его пытались поймать на чем угодно: один из вопросов, заданных ему на заседании, касался суммы, выплаченной из чрезвычайного фонда некоему капитану Аарону Шеффилду; действительно ли эти деньги были потрачены на благо общества?

Лазарь выпучил глаза:

— То есть за мной был хвост?!

— Ну, не совсем. Иначе бы вас здесь не было. Но все же они были достаточно близко. Вероятно, большинство моих людей им помогало.

— Да уж… Но все-таки мы своего добились; жалеть не о чем. Идемте. Как только последний из наших перейдет на звездолет, мы стартуем.

Лазарь направился к шлюзу.

— Значит, мне можно лететь с вами?

Приостановившись, Лазарь повернулся к Форду:

— Ну, а как же?

Вначале он хотел отправить Форда назад с «Чили». Изменить решение его подвигло не чувство признательности, а элементарное уважение. Едва покинув свой кабинет, Форд помчался в Порт-Хаксли, что к северу от Башни Новака, получил разрешение на вылет к спутнику-курорту «Монте-Карло», но вместо этого полетел на «Нью-Фронтирс». Это понравилось Лазарю. Игра ва-банк требует смелости и твердого характера — качеств, встречающихся не так уж часто. Вперед, без оглядки — и черт с ним, что собаку не выгуливал!

— А как же? — еще раз повторил Лазарь. — Мы с вами — одной крови, Слэйтон.

«Чили» опустел уже больше, чем наполовину, но у шлюза все еще бурлила толпа. Лазарь, торопясь, пробивался на «Нью-Фронтирс», стараясь, однако, не задевать женщин и детей. Форд крепко держался за его пояс. Перейдя на борт звездолета, Лазарь нос к носу столкнулся с Барстоу; тот изумленно вытаращился.

— Да, да, — подтвердил Лазарь, — не обознался. Да не пялься ты так — неудобно. Он летит с нами.

Либби где?

— Я здесь. — Либби выбрался из толпы и подобрался к ним с легкостью человека, привычного к невесомости. На запястье его болтался небольшой пакетик.

— Отлично, не пропадай пока. Зак, сколько там еще осталось?

— Черт его знает! Поди сосчитай. Еще на час, наверное.

— Постарайся поскорей. Поставь кого поздоровее у люка — пусть подгоняют. Нам надо закончить быстрее, чем это возможно. Я в рубку; как только все будет готово, сразу меня извести. Энди, Слэйтон, пошли!

— Лазарь…

— Погоди, Энди, в рубке поговорим.

Форда Лазарь прихватил потому, что не знал, как с ним быть, — к тому же его лучше держать подальше от посторонних глаз — до того, как будет изобретена убедительная причина его присутствия. Пока что никто не обратил на него внимания, но едва все утрясется, его немедленно узнают и потребуют объяснений.

От шлюза до рубки было около полумили. Лазарь помнил, что туда ведет движущаяся дорожка, но искать ее времени не было; он просто

пошел вперед по первому попавшемуся коридору. Стоило им выбраться из толчеи, скорость заметно возросла, несмотря на то, что Форд, в отличие от своих спутников, к невесомости был непривычен.

Попав в рубку, Лазарь принялся объяснять Либби весьма совершенную, но не совсем обычную систему управления. Либби был восхищен и тут же стал пробовать ее на холостом ходу. Лазарь обратился к Форду:

— Ну, а ты, Слэйтон? Еще один пилот нам не помешает.

Форд покачал головой:

— Я внимательно слушал, но, кажется, никогда этого не освою. Я ведь пилотировать не умею.

— Что-о? А как же ты здесь оказался?

— Ну, лицензия-то у меня есть, но я уже давно не летал… У меня был собственный пилот; мне самому уже много лет не приходилось рассчитывать траекторию.

Лазарь пристально посмотрел на него:

— А как ты смог выйти в точку рандеву? Даже без лишнего горючего?

— Вот… пришлось.

— Да-а-а! Вот так кошки учатся плавать… Ладно, это тоже метод.

Он обернулся было к Либби, но тут по внутренней связи раздался голос Барстоу:

— Лазарь, готовность пять минут! Предупреждаю!

Лазарь схватил микрофон и ответил:

— Ясно, пять минут! Вот же свинство — даже курс выбрать не успел. Энди, как ты думаешь — может, просто рвануть подальше от Земли, стряхнуть «хвосты», а уж после выбрать курс? Слэйтон, как по-твоему? Наверное, уже был приказ по всему флоту?

— Нет, Лазарь, так не пойдет, — возразил Либби.

— Почему?

— Мы должны взять курс прямо на Солнце!

— На Солнце? Бог с тобой; чего это ради?!

— Я еще у шлюза хотел сказать! Тот межзвездный двигатель, над которым ты просил подумать…

— Энди, у нас ведь его нет!

— Как это нет? Вот! — Либби встряхнул пакетик, привязанный к запястью. Лазарь взял его и развернул.

Тщательно осмотрев сляпанную из пестрого набора деталей и похожую скорее на ребячью самоделку штуковину, громко названную Либби

«межзвездным двигателем», Лазарь спросил:

— Это что? Модель?

В набитой сложнейшими приборами рубке самоделка выглядела до смешного нелепой и неуместной.

— Да нет же! Это и есть двигатель.

Лазарь сочувственно взглянул на младшего товарища.

— Родной, — ласково спросил он, — ты по дороге головку не ушиб?

— Да нет же, черт тебя побери! — заорал Либби. — Я здоровее тебя! Это — совершенно новый принцип, — потому нам и следует взять курс на Солнце. Если эта штука будет работать, то лучше всего там, где световое давление повыше.

— А если не будет? — спросил Лазарь. — Тогда что? Станем еще одним пятном на Солнце?

— Да нам само Солнце ни к чему. Просто сейчас вылетим в его сторону, а там у меня уже будет достаточно данных, и я дам нужную траекторию. Надо пролететь мимо Солнца по отлогой гиперболе внутри орбиты Меркурия, как можно ближе к солнечной фотосфере. На какое приближение к Солнцу рассчитан звездолет, я не знаю, поэтому пока не могу провести всех нужных расчетов. Потом будут данные, а времени учесть их нам

хватит.

Лазарь еще раз посмотрел на неуклюжую самоделку.

— Энди… Если ты уверен, что с головой твоей полный порядок, давай попробуем. Пристегивайтесь.

Он пристегнулся и сам вызвал Барстоу:

— Зак, что там у тебя?

— Готово!

— Держись!

Лазарь прикрыл пальцем лампочку на левой стороне пульта. Раздался вой сирены. Другой рукой он прикрыл вторую лампочку. Экран перед ним стал будто прозрачным; словно кто-то разом вытряс мешок звезд в черное небо. Форд ахнул.

Лазарь внимательно изучал звездное небо. Полусфера экрана почти на двадцать градусов была затенена краем Земли.

— Энди, нам надо свернуть за угол. Придется наращивать ускорение потихоньку.

Он начал с четверти g — вполне достаточно, чтобы дать пассажирам предупредительную встряску, — постепенно довел его до половины, а затем и до единицы. Тень Земли осталась позади.

Внезапно Земля превратилась из черного силу-

эта в тонкий серебристый полумесяц; из-за края ее появился солнечный диск.

— Счетчик, я хочу оставить ее в тысяче миль, на двух *g*, — напряженно произнес Лазарь. — Дай-ка курсовой вектор.

Либби на миг задумался и тут же выдал нужную информацию. Лазарь опять включил сирену и увеличил ускорение до двух *g*. Очень хотелось дать максимум, но с подобными пассажирами лучше не рисковать. Для некоторых даже два *g* — чересчур, если долго. Значит, любой патрульный корабль, высланный в погоню, может развить куда большую скорость — его тренированный экипаж перенесет перегрузки легко. Впрочем, весь план бегства уже давно держится на чистом везении. Кроме того, у патрульного меньше горючего; он не сможет наращивать скорость слишком долго.

«Нью-Фронтирс» в топливе был не ограничен. Его конвертер тут же превращал в чистую лучевую энергию любое скормленное ему вещество. Годилось что угодно — метеориты, космическая пыль, блуждающие атомы, захваченные силовыми тралами, любые предметы из содержимого корабля: мусор, пыль с палубы, трупы… И каждый грамм вещества превращался в девять сотен

миллионов триллионов эргов!

Сверкающий серпик Земли постепенно рос, сползая к левому краю полусферы экрана. Солнце же по-прежнему оставалось в его центре. Минут через двадцать они максимально приблизились к поверхности Земли; серп, к этому времени превратившийся в полукруг, почти ушел из поля зрения. Внезапно ожил коммуникатор:

— «Нью-Фронтирс»! Возвращайтесь на орбиту и гасите скорость! Говорит космическая контрольная служба! «Нью-Фронтирс»!..

Лазарь отключился и жизнерадостно произнес:

— Ничего, как бы им ни хотелось нас изловить, на Солнце они нас не достанут. Энди, путь свободен. Пора курс скорректировать. Сам посчитаешь или как?

— Сам, — ответил Либби. Он уже разобрался в пульте у своего кресла и анализировал непрерывный поток данных, рассчитывая гиперболу для обхода Солнца. Вначале он хотел воспользоваться курсовым компьютером, но тот поверг Либби в недоумение: такой модификации ему еще не попадалось — даже на панели управления отсутствовали подвижные части. Поэтому Энди не стал терять время впустую и прибег к помощи

своего феноменального дара, хотя в мозгу Либби тоже не было подвижных частей. Но к этому он привык.

Лазарь решил выяснить, насколько широко они прославились. Включив космическую связь, он услышал все те же резкие, крикливые приказы — только звучали они теперь глуше. Вдруг в эфире возникло его имя — то есть одно из его имен. Похоже, парни, отправленные с «Чили» на Землю, не теряли времени и вызвали патруль. Печально покачав головой, Лазарь поискал частоты, на которых переговаривались патрульные корабли, затем выключил связь: их каналы кодировались.

Так-так. Значит, «капитан Шеффилд лишается лицензии»… Помянув плеть, которой обуха не перешибешь, Лазарь обратился к другому источнику информации. Как дальний радар, так и параграв-детектор показывали несколько кораблей, находящихся довольно близко, но само по себе это еще ничего не значило: возле Земли всегда болтается множество кораблей. Определить, какие из них — просто мирные грузовики, а какие — патрульные крейсера, рвущиеся в бой, с первого взгляда не удалось.

Однако у «Нью-Фронтирс» имелось гораздо

больше возможностей для анализа обстановки, чем у обычного корабля. Межзвездный мастодонт нес специальное оборудование, позволявшее справиться с любыми вообразимыми сложностями без посторонней помощи. Полусферический экран позволял видеть и фронт и тыл, а также мог работать, как радар, отмечавший «зайчиком» любое тело, появившееся в поле зрения. Мало того — умная электроника преобразовывала импульсы радара в изображения; интересующий объект можно было рассмотреть во всех подробностях. Лазарь оглядел пульт слева от себя, припомнил все, что ему рассказывали, и нажал несколько кнопок.

Звезды — и даже Солнце — на экране потускнели. Зажглось около дюжины новых огоньков.

Он запросил угловое смещение каждого объекта. Яркие точки превратились в маленькие багряные кометы с розовыми хвостами — все, кроме одной, которая осталась белой и не смещалась. Некоторое время Лазарь изучал полученную картину и, решив, что красные с курсом звездолета не пересекутся, вплотную занялся изучением белой.

Изображение стало фиолетовым, затем сине-зеленым. Лазарь внес кое-какие коррективы, учтя

поправку на два *g* собственного ускорения. Белое свечение возобновилось. Удовлетворенный, он проделал то же самое с задним обзором.

— Лазарь!

— Чего?

— Не помешаю, если начну давать коррекцию?

— Ни в коем разе, я просто окрестности осматривал. Если верить этому волшебному фонарю, погоня малость запоздала.

— И бог с ней. Вот тебе данные…

— Слушай, может, сам введешь? Возьми управление, а я схожу пошарю на предмет сэндвичей и кофе. Кстати, тебе принести?

Либби рассеянно кивнул — он уже корректировал курс. Неожиданно подал голос молчавший доселе Форд:

— Давайте я схожу — заодно прогуляюсь.

Он изо всех сил старался быть полезным.

— Э-э, нет. Можешь на неприятности нарваться. Конечно, Зак с народом поработал, но некоторые еще пугают тобой детишек. Я лучше позвоню — пусть кто-нибудь принесет.

— В этом бардаке меня вряд ли узнают, — возразил Форд. — Кроме того, я могу сказать, что послан по важному делу.

Судя по всему, его тяготила праздность.

— Ладно. Если, конечно, ты выдержишь два *g*.

Форд тяжело поднялся с кресла:

— Ничего, ноги держат. С чем сэндвичи сделать?

— Можно с говяжьими консервами — только ведь небось синтетика… В общем, мне сыр с черным хлебом — и горчицы побольше. И галлон кофе. А тебе, Энди?

— Мне? Да что попроще.

Форд, с трудом переставляя ноги, направился к выходу, но в дверях задержался:

— Если еще скажете, где все это искать, — я вернусь совсем скоро.

Лазарь засмеялся.

— Браток, если этот корабль не набит жратвой доверху, мы все совершили ужаснейшую ошибку. Так что поищи там…

Звездолет приближался к Солнцу, и скорость его каждую секунду увеличивалась на шестьдесят четыре фута в секунду. Вперед, вперед — пятнадцать часов удвоенной тяжести. За это время они прошли семнадцать миллионов миль и развили громадную скорость — шестьсот сорок миль в секунду. Язык цифр сух — лучше представьте себе: один удар сердца — и вы переноситесь из Нью-Йорка в Чикаго. Полчаса на стратоплане!

Барстоу переносил нагрузки из рук вон плохо. Пассажиры тщетно пытались уснуть, тяжело дыша и стараясь умоститься так, чтобы смягчить изнуряющую тяжесть. Однако Заккуром Барстоу двигало чувство ответственности; он продолжал ходить, на своей шкуре испытывая судьбу сказочного героя, возившего на спине Морского Старичка. Персональный же Старичок Заккура Барстоу весил сейчас триста пятьдесят фунтов…

Конечно, он никому ничем не мог помочь и все же устало ковылял из отсека в отсек и справлялся о самочувствии. Ничего, ровным счетом ничего нельзя было сделать, чтобы облегчить страдания людей. Они лежали вповалку — мужчины, женщины, дети, сжавшиеся в комочки, — места вытянуть ноги не было.

«Одно хорошо, — устало размышлял Барстоу. — Свалившиеся на нашу голову несчастья заставили их забыть на время обо всем остальном. Сейчас им слишком тяжело. Конечно, позже начнутся споры, стоило ли бежать таким образом, расспросы, почему на борту находится Форд, почему действия Лазаря столь непонятны, а роль самого Барстоу столь противоречива. Но это потом».

«Да, — неохотно признал он, — пропагандист-

скую кампанию следует начать до того, как все это пойдет в ход. Если же он не успеет — а так, скорее всего, и будет — тогда конец. Именно так».

Он дошел до трапа, стиснул зубы и взобрался на следующую палубу. Пробираясь между лежащими, он едва не наступил на женщину, прижимавшую к себе ребенка, мокрого и перепачканного. Мать, похоже, не спала, и Барстоу хотел было сказать ей, что пора заняться своим чадом, но вовремя сообразил, что ближайшая чистая пеленка находится слишком далеко. Конечно, на соседней палубе могло храниться десять тысяч пеленок, и тем не менее они оставались недосягаемыми.

Он пробрался дальше, так ничего и не сказав, а Элеонора Джонсон даже не заметила старейшины. После глубокого облегчения, нахлынувшего, едва они с ребенком оказались в безопасности на корабле, она ощутила глубокую апатию, вызванную как эмоциональными, так и физическими перегрузками. Когда на них навалилась эта ужасная тяжесть, малыш заплакал, а потом затих — подозрительно затих! С трудом оторвав от пола голову, она приложила ухо к его груди. Убедившись, что сердечко бьется, Элеонора вновь впала в оцепенение.

Через пятнадцать часов, то есть за четыре часа до прохождения орбиты Венеры, Либби выключил двигатели. Теперь скорость корабля увеличивалась лишь за счет нарастающего притяжения Солнца. Невесомость разбудила Лазаря. Взглянув на кресло второго пилота, он спросил:

— Идем по курсу?

— Да.

— Ладно. Я уже в порядке, теперь ты отдохни. А то ты как выжатый лимон.

— Ничего. Я тут посижу и отдохну.

— Ни хрена. Даже когда я корабль вел, ты не спал. А если останешься в кресле, наверняка будешь глазеть на приборы и считать. Слазь-ка! Слэйтон, гони его на фиг.

Смущенно улыбнувшись, Либби вышел. Отсеки, в которые он заглядывал, были набиты плавающими в воздухе пассажирами. В конце концов ему удалось найти свободное место. Либби пристегнулся к скобе в переборке и уснул.

Казалось, невесомость должна была облегчить родичам существование, но этого не случилось. Довольны были лишь те, кто раньше работал в космосе, — то есть ровно один процент от общего числа людей. Космическая болезнь — как и морская — кажется смешной только тем, на кого не

действует. Разве что Данте смог бы описать мучения, выпавшие на долю ста тысяч долгожителей! Конечно, на борту имелись средства от тошноты, однако их еще следовало найти. Были среди беглецов и врачи, но им приходилось не легче, чем остальным. Таким образом, с прекращением ускорения лучше не стало.

Барстоу, помнивший, как происходит адаптация к невесомости, пробирался к рубке в надежде облегчить участь родичей.

— Им очень тяжело, — сказал он Лазарю. — Может, придать кораблю вращение, чтобы люди немного пришли в себя? Это всем здорово помогло бы.

— А заодно снизило маневренность. Уж извини, Зак. Для их жизни гораздо важнее маневренность корабля, чем избавление от тошноты. От космической болезни еще никто не умер — пусть даже не надеются.

Корабль продолжал свой полет, наращивая скорость под действием солнечного притяжения. Немногие, чувствовавшие себя получше, помогали, чем могли, остальным.

Либби спал счастливым, глубоким сном человека, давно привыкшего к невесомости. С момента пленения Семей он практически не спал ни ми-

нуты — деятельный ум его был занят расчетами межзвездного двигателя.

Звездолет развернулся, но это не разбудило Либби. Едва разворот завершился и завыла предупреждающая сирена, как он мигом проснулся, сориентировался, расположился у ближней к корме переборки и стал ждать. Тяжесть навалилась почти сразу. На этот раз ускорение было трехкратным. Либби понял, что случилось что-то неладное. В поисках места он отошел от рубки чуть ли не на четверть мили, теперь это расстояние придется преодолевать при тройной нагрузке, и все вверх. С трудом поднявшись на ноги, он отправился в путь, по дороге кляня себя: надо же было идиоту послушать Лазаря и уйти из рубки!

Едва он успел преодолеть небольшую часть расстояния — затратив при этом столько сил, сколько нужно на то, чтобы взобраться на десятый этаж, неся на каждом плече по человеку, — внезапно наступила невесомость. Остаток пути он проскочил с быстротой молнии и ворвался в рубку:

— Что случилось?

— Пришлось менять курс, — с сожалением ответил Лазарь.

Форд безмолвствовал, но был встревожен.

— Это я понял — для чего? — Либби уже пристегивался к своему креслу, вглядываясь в приборы.

— Красные огни на радаре, — ответил Лазарь, указывая на экран.

— Космофлот, — задумчиво покивал Либби. — На таких траекториях коммерческих не бывает. Они же минное заграждение устанавливают!

— Я так и подумал. Советоваться с тобой, сам понимаешь, времени не было: оторваться надо было наверняка.

— Верно. — Либби забеспокоился. — А я думал, флот нам уже не помешает.

— Это не наши, — сказал Форд. — Они не могут быть нашими — какие бы приказы там без меня ни отдавались. Скорее всего, они с Венеры.

— Пожалуй, — согласился Лазарь. — Скорее всего, твой дружок, ставший Администратором, обратился к венерианам за помощью и получил ее. Дружественный акт межпланетной доброй воли.

Либби почти не слушал. Он считывал показания приборов, обрабатывая их на собственном, природой данном компьютере.

— Лазарь! Не слишком-то хороша твоя новая траектория.

— Да сам знаю, — досадливо отмахнулся Ла-

зарь. — Мы увильнули в единственно возможном направлении — к Солнцу!

— Кажется, слишком близко.

Солнце — звезда не из больших, и температура его не так уж высока. Однако человек вполне может умереть от солнечного удара где-нибудь в тропиках, находящихся за девяносто два миллиона миль от Солнца; даже смотреть на него прямо в течение долгого времени невозможно! А на расстоянии в два с половиной миллиона миль Солнце палит с силой, в тысячу четыреста раз превышающей мощь жгучего потока, низвергающегося на Долину Смерти, Сахару или Аден. Излучение такой силы уже не назовешь теплом или светом — это смерть, смерть более верная, чем от бластера. Солнце — это водородная бомба естественного происхождения, и «Нью-Фронтирс» неуклонно приближался к гибельной зоне.

Внутри корабля стало жарко. От убийственной радиации пассажиров защищала броня обшивки, однако температура все повышалась. Избавившись от неудобств невесомости, люди страдали от жары, а заодно и от того, что переборки, с их точки зрения, крепились под какими-то совершенно немыслимыми углами: ни сесть, ни лечь! Корабль разгонялся, одновременно вращаясь

вокруг своей оси, хотя и не был рассчитан на это, а потому «низ» теперь оказался где-то на стыке цилиндра корпуса корабля с плоскостью задней переборки. Но вращение было нужно, чтобы уберечь корабль от перегрева: часть тепла постоянно уходила в пространство с «темной» стороны. Ускорение было не менее необходимо: существовала отчаянная надежда проскочить мимо Солнца как можно быстрее и сразу отойти как можно дальше, чтобы сократить время, проведенное в перигелии, до минимума.

В рубке стояла жара. Даже Лазарь освободился от килта, несмотря на упорное нежелание в чем-либо уподобляться венерианам. К металлическим поверхностям невозможно было прикоснуться. Большой черный круг указывал на экране положение Солнца; датчики, не выдержав перегрева, автоматически отключились.

— Говоришь, до перигелия тридцать семь минут? Нет, Энди, нам этого не выдержать. Да и кораблю, пожалуй, тоже.

— Знаю. Я ведь вовсе не собирался так приближаться к Солнцу.

— Конечно. Наверное, не надо было мне курс менять — авось проскочили бы эти мины… — Плечи Лазаря опустились, затем он вдруг сказал:

— Что ж, сынок, похоже, пора испытать эту твою хреновину. Ты же говорил, надо всего один контакт подсоединить?

— Верно; больше у нее и нет. Вот этот проводок следует подключить к любой части массы, предназначенной для перемещения. И я не знаю, заработает ли он. И проверить нельзя…

— А если не сработает, что будет?

— Тут три варианта, — спокойно ответил Либби. — Во-первых, не будет ничего.

— И мы поджаримся.

— Во-вторых, и мы, и корабль можем прекратить существование, как материальные объекты.

— Значит, опять же, погибнем, только не мучаясь.

— Пожалуй, да. Хотя я не знаю, какого рода смерть нам уготована в этом случае. А в-третьих, если мои расчеты верны, мы начнем удаляться от Солнца со скоростью чуть ниже световой.

Лазарь бросил взгляд на самоделку, стряхнул ладонью капли пота с плеч…

— Ч-черт, все жарче и жарче. Давай, подключай. Будем надеяться на лучшее.

Энди закончил устройство.

— Давай-давай, — рявкнул Лазарь, — жми

кнопку, врубай рубильник — запускай!

— Он уже работает, — сказал Либби. — Посмотри на Солнце.

— Ух ты!

Огромный черный круг на экране быстро уменьшался — вдвое… вчетверо…

— Работает… — прошептал Лазарь. — Слэйтон, гляди! Работает! Работает — или я бабуин с красной задницей!

— Да, я так и знал, — скромно сказал Либби. — Должно было.

— Хм-м-м… Для меня это не было настолько очевидным. И с какой скоростью мы теперь идем?

— Относительно чего?

— Ну… Хотя бы — Солнца.

— Еще не успел вычислить, но, кажется, близко к световой. Превысить ее, сам понимаешь, мы не могли.

— А, кстати, почему? Если на теории внимания не обращать…

— Мы все еще видим, — Либби указал на экран.

— Да, верно… Эй, а ведь не должны! Как же с

эффектом Допплера?[15]

Либби на секунду растерялся, затем улыбнулся.

— Мы именно его и наблюдаем. Если смотреть на Солнце, мы видим короткие волны, растянутые до видимой длины. Если смотреть вперед — что-то вроде радиоволновых колебаний, сжатых до видимого диапазона.

— А между?

— Лазарь, отвяжись! Ты и сам можешь посчитать относительные векторы!

— Нет уж, — твердо сказал Лазарь. — Это твоя забота. А я буду сидеть рядышком и тихо балдеть от восторга. Верно, Слэйтон?

— Да. В самом деле…

Либби вежливо улыбнулся.

— Кстати, подачу топлива к главному двигателю можно прекратить.

Включив сирену, он заглушил двигатель.

— А теперь можно вообще вернуться в первобытное состояние.

---

[15] Примечания: 15

Австрийский физик и астроном Кристиан Допплер (1803–1853) первым указал в 1842 году на существование эффекта, которому впоследствии было присвоено его имя. Этот эффект заключается в изменении длины волны или частоты, наблюдаемом при движении источника излучения относительно его приемника: при приближении к источнику длина волны уменьшается, а при удалении возрастает.

Он отсоединил свое устройство.

— Погоди, — запротестовал Лазарь, — мы даже из орбиты Меркурия еще не вышли! Зачем же тормозить?

— А мы и не будем тормозить. Скорость мы набрали — теперь мы ее сохраним.

Лазарь с изумленным видом схватился за голову.

— Вообще-то ты прав — первый закон динамики… Но с этой твоей штукой я больше ни в чем не уверен. Просто так набрали скорость, никаких тебе энергозатрат… Так, будто ты отпустил инерцию погулять. А вот когда она нагуляется и вернется — не снизится ли эта дармовая скорость до первоначальной?

— Не думаю, — сказал Либби. — Наша скорость вовсе не дармовая — дармовой скорости в природе не существует. Просто ты применяешь антропоморфную логику не к месту. Ты ведь не думаешь, что мы можем мгновенно вернуться к более низкому гравитационному потенциалу, с которого начинали?

— То есть в то место, где ты подключил свой двигатель? Конечно, нет — мы ведь переместились.

— И будем перемещаться дальше. Наш бла-

гоприобретенный гравипотенциал не менее реален, чем нынешняя кинетическая энергия. Оба они существуют.

Лазарь был озадачен. Объяснения Либби его не слишком удовлетворили.

— Ладно, Энди, бог с ним. Но откуда мы взяли энергию? Откуда? Еще в школе меня учили почитать государственный флаг, голосовать на выборах и свято верить в закон сохранения энергии. А ты, похоже, посягнул на него. Или как?

— Об этом ты не беспокойся, — отвечал Либби, — так называемый «закон сохранения энергии» был просто рабочей гипотезой, недоказанной и, кстати говоря, недоказуемой, призванной объяснить известные явления. Он работает лишь в рамках старой, динамической концепции устройства мира. А в многообразии, понимаемом как статическая сетка связей, «нарушение» этого «закона» не представляет собой ничего удивительного: это просто разрывная функция, которую надо обнаружить и описать. Именно это я и сделал. Обнаружил разрывность в математической модели той характеристики массы-энергии, которую называют инерцией. И постарался ее применить. Оказалось, что эта модель подобна реальному миру. По правде говоря,

в этом и заключалась единственная опасность: до тех пор, пока эмпирически не испытаешь модель, нельзя быть окончательно уверенным в том, что она соответствует действительности.

— Ну да. Пока не откусишь — не распробуешь… И все же — откуда берется энергия? Слэйтон, ты что-нибудь понимаешь?

Форд покачал головой.

— Нет, однако очень хотелось бы. Возможно, мне это недоступно.

— Мне, пожалуй, тоже. Так как же, Энди?

Теперь уже Либби был озадачен.

— Но, Лазарь… Причинность — не более чем абстракция, слабо отражающая реальность. Явление существует — вот и все. А причинность — постулат старой, донаучной философии.

— Я так и знал, — протянул Лазарь, — пора мне, стало быть, к динозаврам…

Либби ничего не ответил.

Черный круг продолжал уменьшаться. Когда он достиг одной шестой наибольшего диаметра, экран вновь засветился — датчики снова заработали: расстояние до Солнца стало достаточно большим.

Лазарь попробовал в уме прикинуть кинетическую энергию корабля. Одна вторая квадрата

скорости света — то есть чуть-чуть меньше, — помноженного на массу «Нью-Фронтирс»… Ответ получался вовсе ни в какие ворота не лезущим — хоть эрги считай, хоть яблоки…

8

— Вначале о деле, — вмешался Барстоу. — Я не меньше присутствующих интересуюсь научными аспектами создавшегося положения, однако нам очень многое нужно сделать! Для начала следует упорядочить жизнь на корабле, а потому оставим пока физику с математикой и займемся организационными вопросами.

Он говорил не с Поверенными — на совет собрались его заместители, те, без кого побег не удался бы никогда: Ральф Шульц, Ева Барстоу, Мэри Сперлинг, Джастин Фут, Клайв Джонсон и дюжина других.

Здесь же были и Лазарь с Либби. Слэйтона Форда Лазарь оставил охранять рубку, велев гнать всех в шею и никому не позволять трогать пульт. Занятие сие Лазарь выдумал исключительно ради трудотерапии — настроение экс-Администратора ему совсем не нравилось. Казалось, он целиком ушел в себя — отвечал на вопросы, и только. Это обстоятельство очень тревожило Лазаря.

— Нам необходим руководитель, — продолжал Барстоу, — обладающий самыми широкими полномочиями, правом отдавать приказы и следить

за их точным и своевременным выполнением. Он должен будет принимать решения, мобилизовывать людей, распределять обязанности. Одним словом, необходимо наладить жизнь на корабле. Работы будет невпроворот, а потому я предлагаю избрать руководителя путем общего голосования. Однако выборы могут подождать, а вот порядок следует навести незамедлительно. Мы попусту расточаем припасы, а корабль… Видели бы вы уборную, которой я сегодня пытался воспользоваться!

— Заккур…

— Слушаю тебя, Ева?

— Я думаю, это нужно поручить Поверенным. У нас никакой власти нет, мы ведь — просто группа, созданная при чрезвычайных обстоятельствах, чтобы организовать эвакуацию. Теперь же все вошло в норму.

— Гр-р-м! — откашлялся Джастин Фут. Выражение его лица было намеренно строгим. — Я не совсем согласен с сестрой Барстоу. Поверенные не вполне знакомы с ситуацией, сложившейся на корабле. Если же мы начнем вводить их в курс дел, то потеряем много времени, пока они смогут начать работать с полной отдачей. Скажу больше, я сам вхожу в число Поверенных и заяв-

ляю: как организованная группа мы юридически неправомочны, поскольку не существуем более в качестве таковой.

— Как это, Джастин? — полюбопытствовал Лазарь.

— А вот как. Поверенные представляли фонд Говарда, органично вплетенный в гражданскую жизнь всего общества. Органом власти фонд не являлся. Единственным назначением Поверенных было посредничество в отношениях Семей с остальными социальными группами. Теперь же отношения эти полностью прерваны, и совет Поверенных *ipso facto*[16] более не существует, превратившись лишь в историческое достояние. Что касается прочего: все старые социальные связи рухнули, и на этом корабле мы представляем собой просто неуправляемый общественный конгломерат. Посему наше настоящее собрание имеет — или не имеет — столько же права взять на себя ответственность за организацию нового общества, сколько любая другая группа людей.

— Джастин! — засмеялся Лазарь. — Давненько не слыхал я такого мастерского трепа! Давай-ка

---

[16] Примечания: 16
ipso facto — (*лат.*) «в силу самого факта».

на досуге побеседуем о солипсизме![17]

Джастин Фут был уязвлен.

— Очевидно… — начал он.

— Нет-нет, ни слова больше! Ты меня убедил — разубеждать смысла нет. Если дела обстоят именно так, давайте не будем терять времени и займемся выборами начальника. Зак? По-моему, ты — самый подходящий.

Барстоу покачал головой.

— Я знаю свои возможности. Я простой инженер, а не политик. Делами Семей я занимался по-любительски, а теперь нам нужен специалист в области управления.

Видя, что отказывается Барстоу не из вежливости, собравшиеся принялись выдвигать других кандидатов и обсуждать их. В такой большой группе было много специалистов в области политики, а также бывших государственных служащих, занимавших довольно видные посты.

Лазарь безмолвствовал. Четверых кандидатов он знал лично. Наконец он отвел в сторону Еву Барстоу и принялся о чем-то шептаться с ней. Вначале она удивилась, потом задумалась и в

---

[17] Примечания: 17

Солипсизм — философское учение, признающее несомненной реальностью только сознающего субъекта и объявляющее все остальное существующим лишь в его сознании.

конце концов согласно кивнула.

Ева попросила слова.

— Я хочу выдвинуть кандидата, — мягко, как обычно, начала она, — о котором вы, кажется, забыли. Однако по сравнению с остальными этот человек предпочтительнее — в силу характера, образования и опыта работы. На пост гражданского администратора корабля я предлагаю Слэйтона Форда.

Собравшиеся разом затихли, а затем начали говорить одновременно:

— Ева с ума сошла!

— Форд на Земле!

— Нет, он здесь, я видел его!

— Но как же?.. На это Семьи никогда не пойдут!

— Он все равно не из наших!

Ева терпеливо дождалась тишины.

— Я понимаю — предложение мое на первый взгляд просто смешно — и предвижу связанные с этим трудности. Однако подумайте о его положительной стороне! Мы все знаем, у Форда прекрасная репутация, а также, что он представляет собой на деле. Форд — гений управления — это известно каждому. Учтите: разработка принципов жизни на нашем сверхперенаселен-

ном корабле — дело не из легких. Здесь нужен действительно талантливый человек, иначе он не сможет упорядочить этот хаос.

Ее слова произвели впечатление. Заслуги Форда на поприще государственной деятельности признавали все. Историки считали, что ему, а не кому-либо другому, удалось по крайней мере дважды вытащить Западную Федерацию из жесточайших кризисов. Да и смещение Форда с поста Администратора было вызвано не собственными его просчетами — выхода из такой общественной ситуации не было.

— Ева, — начал Заккур Барстоу, — я согласен с тобой и буду только рад, если нами станет руководить Форд. Но как же все остальные? Для наших родичей он олицетворяет все те преследования и страдания, которые им пришлось вынести. Я думаю, эта причина делает избрание невозможным.

— Мне так не кажется, — твердо возразила Ева. — Мы уже выяснили, что нам нужно организовать кампанию по разъяснению истинной сути некоторых событий, происшедших в последнее время. Почему бы в ходе этой кампании не убедить людей в том, что Форд жертвовал собой ради нас? Ведь это правда.

— М-м-м… Да, это правда. Конечно, нельзя сказать, что он пожертвовал собой единственно ради нас, но именно его самопожертвование позволило всем нам спастись. Но удастся ли нам убедить родичей принять его кандидатуру, а после — выполнять его распоряжения? Ведь его именем чуть ли не детей пугают! Лично я не уверен… Нам требуется консультация специалиста. Ральф, что ты скажешь по этому поводу?

Ральф Шульц поколебался.

— Справедливость данного допущения не имеет ничего общего с его психодинамическим эффектом. И выражение «правда победит» просто глупо. Из истории человечества этого не следует. Факт, что Форд — жертва, к чисто техническим вопросам, поставленным вами, никакого отношения не имеет. — Он на секунду задумался. — Однако само по себе допущение имеет некоторые сентиментально-драматические аспекты, в силу которых пригодно для пропаганды, несмотря на существующее довольно сильное противодействие. Да, я думаю, это может иметь успех.

— А сколько времени понадобится?

— Та-ак… Социальное пространство, предназначенное для планируемой акции, одновременно «тесное» и «горячее», если пользоваться нашим

профессиональным жаргоном. Я мог бы достичь высокого положительного К-фактора при помощи цепной реакции — если вся затея в целом вообще имеет смысл. Ситуация, строго говоря, беспрецедентная; я не в курсе слухов относительно Форда. Если нужно, я могу заготовить и начать распространять слухи, реабилитирующие его репутацию, а часов через двенадцать забросить информацию о том, что он с нами и с самого начала собирался бежать от людей…

— Я, честно говоря, сильно сомневаюсь в успехе.

— Думаете, ничего не выйдет?

— Не совсем, но…

— Вот видите! Правда об этом известна лишь самому Форду, да еще Господу Богу, а мы, грешные, можем лишь строить предположения. Но динамическая сила данных предположений — дело совсем другое! Заккур, стоит слухам дойти до вас в третий или четвертый раз, вы сами начнете им верить.

Психометрист замолчал и уставился в потолок, еще раз советуясь со своей интуицией, до блеска отшлифованной за сотню лет изучения человека.

— Да, должно подействовать. Если вы соглас-

ны, ровно через сутки можете делать публичное объявление.

— Лично я согласен! — заявил кто-то.

Через несколько минут Барстоу послал Лазаря за Фордом. Лазарь не стал объяснять, зачем потребовалось его присутствие, и Форд вошел в каюту, будто в зал суда. Он был уверен, что ничего хорошего ему ждать не приходится; поведение его выдавало полное отсутствие всякой надежды; смотрел он печально.

Лазарь уже успел привыкнуть к тоске в его глазах за те долгие часы, что провел с Фордом в рубке. Такое выражение Лазарю случалось видеть не раз: то был взгляд приговоренного к смерти, затравленного человека, которому нечего больше терять, взгляд зверя, пойманного в капкан и уставшего вырываться, взгляд этот нес в себе безысходную муку и уверенность в том, что конец близок.

Тоска Форда все усиливалась, и это озадачивало Лазаря. Все пассажиры корабля подвергались одной и той же опасности, и Администратор рисковал не больше других. Кроме того, сознание опасности обычно оживляет, а не угнетает. Почему же у него это так?

В конце концов Лазарь пришел к выводу, что

тоска его — следствие состояния, предшествующего самоубийству. Но отчего? Лазарь долго размышлял над этим во время своих вахт и, в конце концов, сумел, к своему удовольствию, разобраться в логике переживаний Форда. Там, на Земле, решил Лазарь, Форд был важной персоной среди своих собратьев-недолговечников, и сознание своей избранности заслоняло от него все те эмоции, которые двигали человечеством, посчитавшим себя вдруг обездоленным. Теперь же он оказался мотыльком-однодневкой среди Мафусаилов.

У него нет ни опыта старших, ни честолюбия младших. Он чувствовал себя мельче всех — одним словом, обойденным. Имея на то основания или нет, он ощущал себя ни на что не годным, пенсионером, которого содержат исключительно из милости.

А для человека его склада, человека, привыкшего к активной деятельности, такое было просто немыслимо. Именно сила характера вкупе с гордостью толкали Форда к отчаянию.

Войдя в каюту, Форд тут же отыскал глазами Заккура Барстоу.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да, господин Администратор.

Барстоу кратко изложил ситуацию и меру ответственности, которую они собирались возложить на Форда.

— Вас никто не заставляет, — закончил он, — но если вы согласитесь, мы будем очень рады. Вы согласны?

Тоска в глазах Форда сменилась изумлением; у Лазаря отлегло от сердца.

— Вы не шутите? — медленно спросил Форд. — Вы действительно…

— Ну конечно же.

Форд ответил не сразу. Вначале он попросил позволения сесть. Для него нашли место. Тяжело опустившись в кресло, он закрыл лицо руками. Никто не произнес ни слова. Наконец он поднял голову и твердо сказал:

— Если вы этого хотите, я сделаю все, что в моих силах.

Кроме гражданского администратора требовался еще и капитан. До сих пор таковым фактически был Лазарь, но как только Барстоу предложил ему официально занять эту должность, он принялся отнекиваться.

— Нет-нет-нет! Я сюда не гожусь. Лучше уж в шашки побалуюсь. Вот Либби — дело другое! Серьезный, рассудительный, бывший офицер

космофлота — в самый раз.

Под многочисленными взглядами Либби покраснел.

— Да ладно вам, — запротестовал он. — Конечно, мне приходилось иногда командовать, но я никогда этого не любил. Я по натуре подчиненный, а не начальник, а потому не чувствую себя в состоянии командовать кораблем.

— И все-таки на сей раз тебе не отвертеться, — сказал Лазарь. — Именно ты изобрел эту штуку для быстрого хода; больше в ней никто не разбирается. Похоже, ты сам себе задал работенку!

— Но это же совсем не одно и то же, — взмолился Либби. — Лучше я буду просто астронавигатором, это по мне. Но только пусть кто-нибудь руководит!

Зато Слэйтон Форд порадовал Лазаря, взявшись за дело решительно и всерьез. Смертельно измученный человек превратился в прежнего опытного руководителя.

— Командор Либби, то, что вы о себе думаете, здесь никакой роли не играет: каждый должен делать то, на что способен. Я согласился руководить общественной и гражданской жизнью, поскольку обучен этому. Но вот командовать кораблем учили вас, а не меня. Вы не имеете права

отказаться.

Либби покраснел еще сильнее и, запинаясь, сказал:

— Я бы и не отказывался, если бы был единственным таким на борту. Но у нас тут сотни космонавтов, из которых несколько дюжин наверняка превосходят меня в опыте. Если поискать, подходящий человек обязательно найдется…

— Лазарь, как ты думаешь? — спросил Форд.

— Ну-у… Кое в чем Энди прав. Капитан либо вложит в корабль душу, либо нет. Так уж водится. Если Либби считает, что командира из него не выйдет, лучше, наверное, еще кого поискать.

У Джастина Фута была с собой кассета с реестром всех родичей, однако экрана, позволившего бы ее просмотреть, в каюте не оказалось. Все же присутствующие назвали по памяти множество имен и в конце концов остановились на кандидатуре Руфуса Кинга по прозвищу «Свирепый».

Либби разъяснил новому командиру различные тонкости, возникающие в связи с применением его двигателя.

— Предел досягаемости для звездолета определяется пучком парабол с осями, перпендикулярными курсу. Это — в предположении, что

ускорение, получаемое посредством обычных двигателей, будет все время прикладываться так, что абсолютная величина настоящей нашей скорости — чуть меньше световой — останется постоянной. Для этого нужно, чтобы во время маневра корабль все время слегка разворачивался. Это не так уж трудно, поскольку разница величин нашего нынешнего и маневрового векторов велика. Грубо говоря, это можно представить, как ускорение под прямым углом к курсу.

— Да-да, я понимаю, — перебил его Кинг, — но почему вы уверены, что суммарные векторы всегда должны быть равны настоящему?

— Почему же, в их подгонке необходимости нет, если капитан считает иначе, — озадаченно ответил Либби, — но прикладывать маневровое ускорение так, что оно сделает конечную скорость корабля меньше настоящей, — значит просто задерживать нас в полете, ничем не расширив досягаемую область. В результате полетное время увеличится до поколений и даже до столетий, если конечный…

— Да-да, мистер, понятно. Не надо учить меня основам баллистики. И все же, почему вы отвергаете второй путь? Почему бы не увеличить скорость корабля? Разве я не могу разгонять его

строго по настоящему курсу?

Либби встревожился.

— Но, капитан, такое решение фактически будет являться попыткой превысить скорость света, а это считается невозможным.

— Вот об этом я и говорю. Считается. А я всегда хотел проверить, насколько это верно! Похоже, возможность теперь есть.

Либби колебался. Чувство долга в нем боролось с соблазном.

— Если бы наш корабль был исследовательским, капитан, я бы с удовольствием провел эксперимент. Я не могу в полной мере представить себе последствия преодоления светового барьера. Возможно, мы будем полностью отрезаны от электромагнитного спектра по отношению к прочим материальным телам. Как же мы будем определяться?

Беспокойство Либби было не напрасным. Пускаясь в теоретические рассуждения, он не забывал, что они и сейчас ведут корабль лишь благодаря электронике. Для невооруженного глаза полушарие позади было абсолютно черным — даже самое коротковолновое излучение было раздопплерено до длин волн, недоступных глазу. Звезды впереди были еще заметны, но их

видимый свет, спрессованный невообразимой скоростью, был задран в высокие частоты. Радиообъекты в темных пылевых облаках сияли, как звезды первой величины; звезды радиоспектром победнее едва различались. Знакомые созвездия исказились до неузнаваемости. Царство эффекта Допплера было подтверждено спектральным анализом; фраунгоферовы линии[18] не просто сместились в фиолетовую зону — они выпали из нее за пределы диапазона УФ спектрографа, и непривычные бленды длинноволновых зон спектра заняли их место.

— Да… Понятно, — ответил Кинг. — Но все же мне охота попробовать, и я не я буду, если не рискну. Только, само собой, никому ни слова. Подготовьте мне сведения о траекториях к звез-

[18] Примечания: 18

Фраунгоферовы линии — спектральные линии поглощения в спектрах Солнца и звезд, являющиеся результатом рассеяния и поглощения электромагнитного излучения светил (главным образом, верхними слоями их атмосфер, но также и атмосферой Земли). Открыты они были в 1814 году У. Волластоном, а детально исследованы в тот же год немецким физиком Йозефом Фраунгофером (1787–1826).

дам класса *G*,[19] находящимся в пределах этой вашей премудрой «поверхности». Рассчитайте для ближайших, для начала, скажем, в радиусе десяти светолет.

— Да, сэр. Я уже сделал это. Среди них нет звезд класса *G*.

— Вот как… Пустовато здесь, однако. Что же делать?

— Тау Кита находится в пределах досягаемости, и до нее одиннадцать светолет.

— Она, кажется, *G-5*? Не слишком хороший выбор.

— Верно. Но есть еще звезда класса Солнца, *G-2*, номер по каталогу *ZD-9817*. Правда, она раза в два дальше.

Капитан Кинг задумчиво закусил костяшку указательного пальца.

— Наверное, придется предоставить решение этого дела старшим. Какой мы получим выигрыш в субъективном времени?

— Не знаю, сэр.

---

[19] Примечания: 19

По интенсивности линий в их спектрах в зависимости от физических условий в атмосферах звезд (температура, давление и др.) все они делятся на спектральные классы, обозначаемые латинскими буквами: O-B-A-F-G-K-M, причем этот ряд расположен в порядке убывания температуры (от 30 000 до 3000 °K). Звезды спектральных классов O и B — голубые, A и F — белые, G — желтые (к ним относится и наше Солнце), K — оранжевые, M — красные.

— Так рассчитайте! Или дайте мне цифры, я сам рассчитаю. В математике мне, конечно, с вами не равняться, но, по-моему, с этим любой кадет справится. Уравнения довольно простые.

— Это так, сэр. Но у меня нет данных для подстановки в уравнения — ведь мы пока что не можем измерить скорость корабля. Фиолетовое смещение использовать невозможно — новые линии нам неизвестны. Боюсь, придется подождать, пока мы не пролетим подальше и не получим приличную базовую дистанцию для прямых измерений.

— Знаете, — вздохнул Кинг, — я порой жалею, что взялся за это дело. Как вы сами полагаете — долго еще лететь?

— Долго, сэр. Годы.

— Ну, делать нечего. Видал я корабли и похуже. Значит, годы… В шахматы играете?

— Да, сэр.

Либби умолчал о том, что давно бросил шахматы за неимением достойных партнеров.

— Похоже, вдоволь наиграться успеем. E-2 — e-4.

— Конь — f-6.

— О, начало нестандартное! Ход за мной. Похоже, надо бы пойти и предложить им *G-2*,

черт с ним, что лететь дольше… Да еще надо бы предупредить Форда, что пора устраивать какие-нибудь соревнования и прочие развлечения, не то скоро люди почувствуют себя, как в могиле.

— Да, сэр. Прошу прощения, я не упомянул еще о времени на торможение. Оно займет почти год субъективного времени при торможении в один *g*, пока мы не вернемся к обычным скоростям.

— Что? Но ведь с новым ускорителем мы будем тормозить столько же, сколько разгонялись.

Либби покачал головой.

— Извините, сэр. Торможение с помощью моего двигателя не зависит от предыдущего курса и скорости. Если вы вдруг потеряете инерцию поблизости от звезды, ее световое давление отшвырнет вас, будто пробку, попавшую под струю воды. Прежний импульс просто исчезнет вместе с инерционной массой.

— Ну, что ж, — согласился Кинг, — тогда будем маневрировать, придерживаясь вашей схемы. Пока что мне вас не переспорить — я все еще кое-чего не понимаю в вашем устройстве.

— Лично я, — серьезно проговорил Либби, — пока что не понимаю в моем устройстве почти ничего.

За пределы орбиты Земли корабль вышел через

десять минут после подключения нового двигателя. Пока они с Лазарем обсуждали путешествие с околосветовой скоростью с точки зрения астрофизики, корабль миновал орбиту Марса, что заняло менее четверти часа. Орбита Юпитера была еще далеко в то время, когда Барстоу созвал совещание, но на сбор всех участников ушло не меньше часа, и когда Барстоу попросил тишины, корабль на миллиард миль удалился от орбиты Сатурна. Они начали набирать скорость менее полутора часов назад.

«Кварталы» становились все длинней. До Урана они долетели, не успев завершить дебаты, а до Нептуна — когда Форд соглашался занять пост администратора. Будучи назначен капитаном, Кинг в сопровождении Лазаря успел обойти весь корабль и уже советовался с Либби, когда «Нью-Фронтирс» пересекал орбиту Плутона, отстоявшую от Солнца на четыре миллиарда миль. С того момента как солнечный свет выбросил его в пространство, прошло меньше шести часов.

Они еще не выбрались с окраин Солнечной системы, хотя ничто не преграждало больше дорогу к звездам. Здесь, где Солнце все еще считалось властелином, но разве что — считалось, однообразие пространства могли нарушить

лишь ледяные кометы да призраки мифических трансплутоновых планет. А до ближайших звезд многие световые годы… «Нью-Фронтирс» несся сквозь тьму, холод и призрачное сияние звезд со скоростью чуть меньше световой.

Прочь отсюда, прочь — в бездну пространства, где мир не искривлен гравитационными помехами. Каждый день, каждый месяц, каждый год все надежнее разлучал беглецов с человечеством.

Часть II

1

Корабль, такой одинокий в черной бездне, продолжал свой путь, и каждый новый световой год почти не отличался от предыдущего. Внутри же наладилось некое подобие привычной жизни.

«Нью-Фронтирс» имел почти цилиндрическую форму. Когда он не находился в режиме ускорения, то вращался вокруг продольной оси, создавая эффект псевдогравитации, максимально проявляющийся у внешней обшивки. Каюты, расположенные там, были жилыми, а внутренние, в которых гравитация значительно ослабевала, служили кладовыми и прочими подсобными помещениями. Пространство, находящееся между первыми и вторыми, было отведено под мастерские и гидропонные фермы. Рубка, конвертер и основные двигатели располагались вдоль главной оси корабля.

От обычной конструкция его отличалась прежде всего гигантскими размерами. По сути это был целый город, рассчитанный на население в двадцать тысяч человек, — предполагалось, что к моменту прибытия на Проксиму Центавра экипаж увеличится вдвое.

Но, несмотря на громадную величину корабля, для ста тысяч человек он все-таки был тесноват.

Родичи мирились с этим, пока не завершили подготовку к массовому анабиозу. Комнаты отдыха на нижних уровнях переоборудовали в кладовые — ведь спящему необходима лишь одна сотая пространства, потребного бодрствующему, — и, наконец, корабль стал достаточно просторен для тех, кто не пожелал ложиться в морозильные камеры. Вначале желающих было немного: долгожители очень боялись смерти именно оттого, что потенциально могли прожить необычайно долго, — и многим из них анабиоз живо напоминал вечный сон. Но мало-помалу дискомфорт, доставляемый теснотой, угнетающее, бесконечное однообразие изменили их настроения, и анабиозные камеры обрели должную популярность. Вскоре они едва успевали удовлетворить всех желающих.

Бодрствующие же занимались самым насущным: обслуживанием техники, гидропонных ферм и вспомогательного оборудования, а главное, ухаживали за спящими. Биомеханики вывели сложные эмпирические формулы, описывавшие разрушение тела в анабиозе, и разработали методики его предотвращения. Эти

методики учитывали самые разные факторы — ускорение, температуру, метаболический возраст, массу тела, пол. Благодаря использованию внутренних помещений с пониженной гравитацией перегрузки при ускорении, а значит и потенциальные пролежни и синяки, сводились до минимума. Но все приходилось делать вручную: переворачивать, массировать, контролировать содержание сахара в крови и сердечную деятельность, тестировать, проводить процедуры, предотвращающие переход замедленных процессов в организме в необратимые. На корабле имелось лишь несколько анабиозных камер, а аппаратура для контроля состояния отсутствовала совсем. Забота о десятках тысяч спящих легла на плечи их бодрствующих родичей.

Элеонора Джонсон встретилась со своей подругой Нэнси Уэзерэл в столовой № 9, называемой постоянными посетителями «клубом». Те, кто ее избегал, именовали столовую № 9 менее лестно. Большинство завсегдатаев были молоды и шумливы, единственным из старших, часто ее посещавшим, был Лазарь. Его шум не раздражал, даже доставлял удовольствие.

Элеонора прямо спикировала на свою подругу и чмокнула ее в затылок.

— Нэнси! Проснулась! Вот здорово!

Нэнси отстранилась:

— Привет, привет. Осторожно, кофе мой не разлей.

— Как? Ты не рада?

— Ну, конечно, рада. Но не забывай — я-то виделась с тобой только вчера. К тому же, я еще не проснулась как следует.

— Давно тебя разбудили?

— Часа два. Как твой малыш?

— Замечательно! — Элеонора просияла. — Ты его не узнаешь: растет как на дрожжах, меня скоро обгонит. И все больше похож на своего отца.

Нэнси сменила тему. О погибшем муже Элеоноры друзья старались не упоминать.

— Ну, а ты чем тут без меня занималась? По-прежнему, с детьми?

— Да… То есть нет. Я веду группу, в которой мой Хьюберт. Он недавно в школу пошел!

— А почему бы тебе не пропустить часть всей этой канители? Если ты все время будешь бодрствовать — скоро состаришься…

— Нет, — запротестовала Элеонора, — как же я лягу спать, пока Хьюберт не станет самостоятельным?

— Да не бери ты в голову! Половина спящих

— женщины, имеющие детей, — и я их ничуть не осуждаю. Да что там — а я? Для меня полет длится всего каких-то семь месяцев. До остального времени мне и дела нет никакого.

— Нет, — твердо отвечала Элеонора, — спасибо. Может, тебя такое устраивает, однако у меня на этот счет свое мнение.

Неподалеку расправлялся с синтетическим бифштексом Лазарь.

— Она боится пропустить что-нибудь интересное, — сказал он. — Я ее понимаю — я и сам этого боюсь.

Нэнси отступила.

— Ну, так заведи еще ребенка. Освободишься от скучных обязанностей.

— Для этого нужны по меньшей мере двое, — заметила Элеонора.

— Так в чем проблемы? Вот хотя бы Лазарь — чем не отец?

Элеонора с трудом сдержала улыбку. Лазарь покраснел.

— Кстати, — безразличным тоном сказала она, — я ему предлагала, но…

Нэнси фыркнула прямо в чашку с кофе и окинула обоих быстрым взглядом.

— Простите. Я не знала.

— Ничего, — отозвалась Элеонора, — просто я — одна из его внучек в четвертом колене.

— Но… — Нэнси боролась с искушением нарушить правило невмешательства в чужие дела. — Но это ведь даже кровосмешением не считалось бы! Или мне лучше не лезть, куда не просят?

— Да, наверное, — согласилась Элеонора.

Смущенно поерзав, Лазарь сказал:

— Рискую прослыть старомодным, однако должен заметить, свои принципы я приобрел еще в молодости. Не знаю, что там с генетикой, но я чувствовал бы себя ужасно неловко, если б женился на собственной правнучке.

— Ну, вы и в самом деле старомодны, — удивилась Нэнси. — Может, просто стесняетесь? Так и подмывает предложить вам себя и посмотреть, что получится!

Лазарь с изумлением посмотрел на нее.

— Так попробуй. Тебя ждет приятный сюрприз.

Нэнси холодно смерила его взглядом.

— М-м-м… — задумчиво протянула она.

Лазарь старался не отводить взгляда, но в конце концов не выдержал и опустил глаза.

— Извините, милые, — суетливо сказал он, — мне пора.

Элеонора ласково коснулась его руки.

— Не уходите, Лазарь. Нэнси — кошка, и ничего с этим не может поделать. Лучше расскажите о плане высадки.

— Чего-о? А куда это мы собираемся высаживаться? И когда? — удивилась Нэнси.

Желая поддержать свою репутацию знатока, Лазарь начал рассказ.

Звезда класса *G-2*, то есть солнечного, к которой они взяли курс несколько лет назад, теперь находилась на расстоянии около светогода, а точнее — в семи световых месяцах. При помощи параинтерферометрических методов исследования уже можно было сказать, что она имеет свою планетную систему.

Через месяц, когда до звезды останется половина светового года, корабль прекратит вращение и затратит на торможение целый год, чтобы приблизиться к ней с обычной межпланетной скоростью. Тогда планеты будут исследованы и, возможно, найдется такая, которая окажется пригодной для жизни. Поиск будет простым и быстрым, так как им подходят лишь планеты, отражающие свет, вроде Венеры или Земли. Далекие от светила, типа Нептуна или Плутона, никакой ценности не представляют, а раскален-

ные, как Меркурий, — тем более.

Если планеты земного типа в системе не окажется, придется снова приблизиться к звезде, чтобы использовать ее световое давление для продолжения поисков. Только с выбором курса на сей раз торопиться не придется: погони за ними не будет.

«Нью-Фронтирс», объяснил Лазарь, не будет садиться на поверхность планеты — корабль так велик, что его раздавит собственный вес. Если подходящее место найдется, корабль ляжет на околопланетную орбиту, а на поверхность отправятся шлюпки с исследовательскими группами.

Сохранив, таким образом, свое реноме, Лазарь направился в лабораторию, где родичи продолжали исследования в области геронтологии и обмена веществ; он надеялся встретить там Мэри Сперлинг. После колкостей Нэнси Уэзерэл он особенно нуждался в дружеском обществе. Если уж жениться заново, то, пожалуй, Мэри подходит ему больше всех остальных. Конечно, всерьез он о женитьбе не думал: он чувствовал, что их брак выглядел бы смехотворно, отдавал бы лавандой и древними кружевами…

Мэри Сперлинг, не решившись лечь в анабиоз, заглушила страх смерти активной деятельно-

стью: добровольно пошла в лаборантки и стала принимать активное участие в исследованиях продолжительности жизни. Биологического образования она не получила, зато имела ловкие руки и светлую голову, и за время полета сделалась отличной ассистенткой доктора Говарда Харди, руководителя исследований.

Лазарь застал ее за работой с бессмертной тканью куриного сердца, ласково именуемой сотрудниками лаборатории «миссис Орлик». «Миссис Орлик» была старше всех родичей, за исключением разве что Лазаря — этот растущий кусок натуральной плоти Семьи получили от института Рокфеллера еще в двадцатом столетии. Уже тогда ткань росла и развивалась, и предшественникам доктора Харди удавалось поддерживать ее жизнедеятельность на протяжении двух с лишним веков благодаря методике Кэррела-Линдберга-О'Шога. Итак, «миссис Орлик» процветала и по сей день.

Говард Харди настоял на том, чтобы взять ткань и аппаратуру, поддерживавшую ее жизнь, с собой в резервацию, а после — на «Чили». «Миссис Орлик» отлично приспособилась и к условиям «Нью-Фронтирс» и сейчас весила около шестидесяти фунтов — слепая, глухая, безмозглая, однако

живая.

Мэри немного подрезала ее.

— Привет, Лазарь. Не подходи пока: контейнер открыт.

Лазарь издали наблюдал за ее работой.

— Мэри, а почему эта дурацкая штука до сих пор не сдохла?

— Ты неверно поставил вопрос, — ответила Мэри. — Спроси лучше: с чего бы это ей подыхать? И что мешает ей жить вечно?

— Вот сдохла бы она к чертям собачьим, — раздался позади голос доктора Харди, — тогда бы мигом была решена задача!

— Еще неизвестно, — мигом отозвалась Мэри. — Тут все дело в железах, которых у «миссис Орлик» нет.

— Ишь ты! Вам-то откуда знать?

— Женская интуиция. Откуда *вам* знать, что у нее есть, а чего нет?

— Верно. Вот поэтому у меня — огромное преимущество перед вами и вашей интуицией.

— Может быть, может быть, — лукаво ответила Мэри, — однако вы не забывайте: я знала вас еще до того, как вы научились пользоваться горшком.

— Типичная женская логика! Дорогая моя! Этот

кусок мяса кудахтал и откладывал яйца, когда никого из нас и на свете не было, тем не менее он вообще ничего не знает! — Он с ненавистью уставился на предмет спора. — Знаешь, Лазарь, я с удовольствием обменял бы эту гадость на пару карпов — самца и самку.

— А зачем обязательно карпов?

— Похоже, карпы никогда не умирают. Их ловят, едят, они могут подохнуть с голоду или от какой-нибудь заразы, но от старости, насколько я знаю, никогда.

— Почему же?

— Именно это я и хотел выяснить перед тем, как мы отправились на этот идиотский пикник. Кишечная флора у них не совсем обычная — возможно, она как-то влияет… Но, сдается мне, суть в том, что они никогда не перестают расти.

Мэри что-то пробормотала себе под нос. Харди саркастически спросил:

— Что вы там опять бурчите? Снова ваша интуиция?

— Я только сказала, что амебы тоже не умирают. Вы же сами всегда говорите: современная амеба жила и пятьдесят миллионов лет назад. Но амебы не растут до бесконечности, и никакой кишечной флоры не имеют!

— Кишка тонка! — сказал Лазарь.

— Очень остроумно. То, что я сказала, — сущая правда. Они не умирают — просто делятся и живут дальше.

— Не знаю, как насчет кишок, — нетерпеливо вмешался Харди, — а некая структурная аналогия может быть. Но как я буду работать без подопытных животных? Да, кстати! Лазарь, очень хорошо, что ты зашел. Я хочу попросить тебя об одном одолжении.

— Давай, пока я добрый.

— Ты сам представляешь интереснейший случай. Наверное, ты знаешь, что не подходишь ни под одну из наших теорий и опровергаешь их безжалостно. Такое тело просто грех отправлять в конвертер! Не буду от тебя скрывать: мне бы очень хотелось посмотреть, что у тебя внутри.

Лазарь фыркнул:

— Я полностью в твоем распоряжении! Только тебе придется завещать меня своему преемнику — сам ты вряд ли доживешь. А хочешь — поспорим, что никому никогда не придется посмотреть, что у меня внутри?!

Подходящая планета в системе нашлась — молодая, зеленая, очень похожая на Землю. Да и вся планетная система напоминала Солнечную:

небольшие землеподобные планеты неподалеку от звезды, а на периферии — огромные, под стать Юпитеру, гиганты.

Астрономы никогда не могли дать толкового объяснения устройству Солнечной системы. Они метались между теориями ее происхождения, которые рушились одна за другой, и «надежными» математическими доказательствами того, что такая система вовсе никогда бы не могла возникнуть. И вот сейчас родичи воочию видели пример того, как явление, с первого взгляда парадоксальное, оказывается общепринятой нормой.

Результаты прямого наблюдения с небольшой высоты вдохновляли и огорчали одновременно: на планете была разумная жизнь. Цивилизация.

Там были города — даже из космоса различались громадные сооружения странного вида и непонятного назначения.

Беглецам, возможно, пришлось бы продолжить свои скитания, однако аборигены, похоже, не заселили всей планеты. Раз так — на ее обширных континентах, может быть, найдется уголок для небольшой колонии. Если, конечно, их согласятся принять.

— Честно говоря, — признался капитан Кинг, — я ничего подобного не ожидал. Ну, может, еще

первобытные дикари, разные хищные звери. Но я почему-то всегда был убежден, что цивилизованными могут быть только люди. Придется соблюдать крайнюю осторожность!

Кинг сформировал отряд разведчиков с Лазарем во главе. В его практической сметке и стремлении выжить капитан уже убедился. Кинг хотел возглавить отряд лично, но понятие о долге руководителя заставило его отказаться от этой мысли. Зато Слэйтона Форда никто не стал удерживать на борту. Его — да еще Ральфа Шульца — Лазарь назначил своими заместителями. С отрядом отправились специалисты разных областей: эколог, биохимик, геолог, стереограф, несколько психологов и социологов, один из которых был признанным авторитетом по структурной коммуникационной теории Маккелви. Его задачей был поиск возможностей для контакта.

Но никакого оружия.

В этом Кинг отказал им наотрез.

— Предприятие, конечно, рискованное, — объяснил он Лазарю, — но любое применение силы — пусть даже в целях самообороны — неминуемо вызовет враждебность со стороны туземцев. Этого допустить нельзя! Не забывайте: вы послы, а не солдаты.

Лазарь сходил в свою каюту и, вернувшись, отдал Кингу бластер. О том, что в набедренной кобуре под килтом имеется другой, он не счел нужным упоминать.

Кинг уже собирался отдать приказ к погрузке, но тут появилась Дженис Шмидт — заведующая яслями для детей с врожденными уродствами. Пробравшись к шлюпке, она заявила, что ей необходимо переговорить с капитаном.

Только профессиональная сиделка и могла в такой момент добиться внимания капитана: непоколебимость Кинга разбилась о ее настойчивость.

— Так что же все это значит? — хмуро спросил он ее.

— Капитан, я должна поговорить с вами об одном из моих подопечных.

— Ваше поведение возмутительно! Ступайте в мой кабинет и подождите, а для начала обсудите свою проблему с главным врачом.

Она подбоченилась:

— Нет, сейчас! Это — разведотряд, верно? Я должна кое-что сообщить прежде, чем он высадится на планету.

Кинг хотел было что-то сказать, но передумал.

— Постарайтесь короче.

Дженис не собиралась говорить долго. Она лишь хотела сообщить, что Ханс Уэзерэл — один из ее подопечных, — молодой человек лет девяноста, благодаря гиперактивности щитовидной железы совсем юный с виду, слабоумен, однако не идиот, всегда апатичный по причине нервно-мышечной недостаточности, настолько слабый, что не может даже есть самостоятельно, обладает повышенной телепатической чувствительностью. Он заявил, что знает об этой планете все. О ней ему рассказали его друзья, которые там живут и ждут его к себе в гости.

Высадка десанта была отложена до тех пор, пока Кинг с Лазарем не проверят полученную информацию. Судя по всему, Ханс ничего необычного в случившемся не находил. То немногое из его рассказа, что поддавалось проверке, имеющимся данным не противоречило, но он никак не мог понять, чего от него хотят, когда просят описать «друзей» поподробнее.

— Да просто люди! — отвечал он, удивляясь непроходимой тупости собеседников. — Такие, как дома были. Хорошие. На работу ходят, в школу, в церковь. У них дети, они развлекаются. Они вам понравятся, правда!

Определенно он мог сказать одно: его ждут

друзья, а значит, он тоже должен лететь.

Так Лазарю, против собственной воли, пришлось включить в отряд Ханса Уэзерэла, его носилки и Дженис Шмидт в придачу.

Вернувшись из экспедиции, Лазарь имел долгий конфиденциальный разговор с Кингом, а доклады специалистов тем временем тщательно анализировались и сопоставлялись.

— Совсем как Земля, капитан, даже тоска берет. И одновременно так от нее отличается, что с ума можно сойти! Все равно, что глянуть в зеркало и увидеть отражение без носа и с тремя глазами. Неприятно, знаете ли…

— А туземцы?

— Сейчас, сейчас. Сначала мы быстро осмотрели светлую сторону, чтобы сориентироваться в обстановке, и ничего такого нового не заметили. Потом я направил шлюпку вниз — куда Ханс указал — на пустырь недалеко от центра одного ихнего города. Сам я никогда бы в таком месте садиться не стал — лучше бы для начала оглядеться, да глаз никому не мозолить. Но вы сами велели делать, как он скажет.

— Действовать по своему усмотрению вам тоже никто не запрещал, — заметил Кинг.

— Так-то оно так… В общем, мы сели, и пока

техники брали почву и воздух на анализ, возле шлюпки целая толпа собралась! Такие… Впрочем, стереографии вы уже видели.

— Да. Поразительно похожи на человека!

— Какого дьявола, похожи! Взаправдашние люди. Хоть и не земляне, конечно. Ох, не нравится мне это.

Кинг не спорил. На снимках были запечатлены двуногие существа, семи-восьми футов росту, двусторонне симметричные, явно обладающие внутренним скелетом, с ярко выраженной головой и самыми обычными глазами. Как раз глаза и были самой притягательной, почти человеческой чертой: огромные, глубокие, трагичные, примерно такие бывают у сенбернаров.

Остальные же черты их лиц не отличались привлекательностью. Взглянув на беззубые, неправильной формы рты с раздвоенной верхней губой, Кинг отвернулся, подумав, что ему придется очень уж долго привыкать к этим тварям, прежде чем он сможет чувствовать к ним хоть малейшую симпатию.

— Продолжайте.

— Мы открыли люк, я вышел вначале один. В руках у меня ничего не было, я старался выглядеть как можно дружелюбнее. Трое туземцев

вышли вперед — то есть, скорее, бросились — однако ко мне интереса не проявили, будто ждали кого-то другого. Тогда я приказал вынести Ханса. Капитан, вы бы видели — они над ним захлопотали, как над братом родным! Даже больше, это было что-то вроде триумфального возвращения короля! С остальными они вежливо обходились, конечно, но Хансу явно отдавали предпочтение.

Лазарь поколебался.

— Капитан… Вы в переселение душ верите?

— Не то чтобы… Но достаточно спокойно к этой байке отношусь. Однажды мне довелось прочесть отчет комиссии Фроулинга.

— Да мне бы и в голову это не пришло, но как иначе объяснить прием, который они Хансу устроили?

— Да на кой черт его объяснять. Давайте дальше. Как по-вашему, сможем мы здесь высадиться и поселиться?

— Ну, тут и сомневаться нечего, — ответил Лазарь. — Ханс ведь на самом деле может с ними общаться — телепатически. Так вот, он сказал: боги позволили нам тут остаться, и туземцы вовсю готовятся нас принять.

— Как?!

— Вот так. Ждут, мол, с нетерпением.

— Отлично.

— Думаете?

Только тут Кинг заметил тревогу на лице Лазаря.

— Но вы ведь привезли доклад, благоприятный во всех отношениях, — отчего же теперь кукситесь?

— Черт его знает. И все же я предпочел бы незаселенную планету. Знаете, капитан, дешево — да гнило…

2

Джокайра — или, как выговаривали некоторые, жахейра — предоставили колонистам целый город.

Такая поразительная щедрость — а также неодолимое единодушное желание родичей почувствовать землю под ногами и свежий ветерок на лице — значительно ускорили высадку. Вначале на это мероприятие отвели около года, а спящих собирались разбудить лишь тогда, когда появится возможность их пристроить, но на поверку вышло, что единственным сдерживающим фактором оказался малый тоннаж шлюпок. Перевозить на планету можно было всех: для размещения ста тысяч человек условия были налицо.

Город джокайра, отданный колонистам, конечно же, не предназначался для проживания людей — обитатели планеты сильно отличались от землян, а стало быть, их жизненные потребности и культурные запросы — тоже. Однако любой город прежде всего должен обеспечивать насущные нужды: крышу над головой, гигиену и связь. Разумные существа, обитающие в различных

условиях, способны решить проблемы совместного проживания множеством способов. А что касается теплокровных, дышащих кислородом и гуманоидных созданий, то творения их рук, пусть даже самые экзотические с виду, должны быть в конечном счете пригодными для людей.

Кое в чем город выглядел гораздо причудливее, чем любая сюрреалистическая картина, однако даже на родной Земле люди жили и в иглу, и в травяных шалашах, и даже в автоматизированных ледяных пещерах Антарктиды. Поэтому колонисты поселились в городе джокайра с радостью и тут же принялись перестраивать его для собственных нужд.

За работу взялись с энтузиазмом, хотя дел предстояло много. «Крышу над головой» представляли здания, похожие на пещеры, которые независимо от прямого их назначения можно было использовать для сна, отдыха, хранения припасов и организации производства. Были здесь и настоящие подземелья — при строительстве джокайра основательно углублялись в землю. Что ж, в некоторых обстоятельствах люди довольно быстро уподоблялись троглодитам — и не только в Антарктике, но даже в Нью-Йорке.

С питьевой водой проблем не было — в городе

имелся водопровод. Сложнее обстояли дела с гигиеной — единая система канализации отсутствовала. Джокайра водой не мылись, у них были иные гигиенические запросы. А потому было решено приступить к оборудованию временного аналога корабельной канализации с учетом местных условий. Самые скромные запросы можно было обеспечить при помощи стоков, но мечты о ванне оставались мечтами до тех пор, пока мощности водоснабжения и канализации не вырастут раз в десять. Впрочем, ванна предметом первой необходимости и не являлась.

Однако все эти хлопоты были отодвинуты на второй план проблемой установки гидропонных ферм — ведь спящих не следовало выводить из анабиоза, пока не будет налажено бесперебойное снабжение пищей. Те, кому не терпелось устроить все как можно скорей, предлагали снять всю гидропонику с «Нью-Фронтирс», переправить на планету, собрать и наладить там, питаясь пока запасами консервированных продуктов. Кто поосторожнее, настаивали на переброске лишь одной фермы и производстве пищи на корабле, упирая на то, что неизвестный грибок или вирус может поразить земные культуры — и тогда голод будет неизбежен.

Осмотрительное меньшинство, возглавляемое Фордом, Барстоу и Кингом, в конце концов одержало победу. Одну из корабельных ферм отключили, осушили и, разобрав на части, загрузили в шлюпки.

Но до поверхности планеты так эта ферма и не добралась. Местные сельскохозяйственные культуры оказались вполне пригодными для людей — джокайра буквально навязывали их гостям. Тогда было принято решение: выращивать земные растения на местной почве, чтобы разнообразить стол родичей. Прирожденные фермеры, джокайра взяли это дело в свои руки — нужды в продуктах они никогда не знали и, похоже, рады были оказать гостям услугу.

Как только продовольственные проблемы были решены, Форд перевел свой штаб в город. Кинг остался на корабле. По мере расширения возможностей, спящих размораживали и переправляли на планету — рабочих рук не хватало. Дел был непочатый край, даже при ориентации на минимум удобств.

Две культуры совершенно не походили друг на друга. Джокайра всегда были готовы помочь, однако работы, проводимые колонистами, нередко приводили их в изумление. Например, туземцы,

похоже, не знали потребности в уединении — внутри их построек почти не было перегородок — устойчивость сооружения обеспечивали колонны либо опоры. Они недоумевали: для чего так упорно разбивать прекрасные, просторные помещения на тесные клетушки и коридоры? Мысль об интимности некоторых сторон жизни была для них совершенно чужда.

Возможно — этого так и не удалось установить, поскольку общение оставалось лишь поверхностным, — туземцы решили, что уединение имеет для людей религиозное значение. Для строительства стен они выделили колонистам какой-то тонкий листовой материал — только инструменты землян для него не годились и пришлось использовать местные. Материал обладал свойствами, которые довели земных инженеров чуть ли не до истерики: он не поддавался ничему — даже реакции, разрушавшие фторопласт, используемый в строительстве ядерных реакторов, оказались бессильными. Алмазные пилы, высокие и низкие температуры ничуть не вредили ему; он абсолютно не пропускал света, звука и радиолучей. Сопротивление материала не поддавалось измерению — его просто невозможно было разрушить. Но инструменты

джокайра — даже в руках людей — пилили его, гнули, сваривали.

Земным инженерам пришлось привыкать к таким ситуациям. По уровню развития технологии джокайра были цивилизованы не меньше землян, но они шли вперед другим путем.

Глубокие различия культур заключались не в одной технологии. Мышление джокайра, система ценностей, общественная структура и строение языка были совершенно непонятны колонистам.

Оливер Джонсон, семантик, отвечавший за налаживание контактов с аборигенами, нашел, что задача сильно упрощается благодаря Хансу Уэзерэлу.

— Конечно, — объяснял он Форду с Лазарем, — Ханс не законченный идиот, но все же и не гений, поэтому запас слов, полученный с его помощью, весьма ограничен. Он далеко не все может понять, однако основной словарик, от которого можно оттолкнуться, у меня уже есть.

— А разве этого словаря не хватит? — спросил Форд. — Я слышал, восьмисот слов хватает, чтобы выразить любую мысль.

— Доля правды в этом есть, — согласился Джонсон, — этого достаточно, чтобы объясниться в любой ситуации. Я отобрал примерно семьсот

понятий — служебных и вспомогательных слов, чтобы на их основе смоделировать приемлемое для нас подобие языка. Но вот анализ смысловых тонкостей и оттенков придется отложить, так как их культуры мы почти не понимаем. Говорить на абстрактные темы с бедным словарем почти невозможно.

— Хрен с ними, — заявил Лазарь, — семи сотен слов мне за глаза хватит. Я не собираюсь им в любви объясняться или высокую поэзию разводить.

Утверждение, похоже, не было голословным. За две недели многие колонисты освоили бэйзик-джок и довольно бойко объяснялись с туземцами. Еще в школах они приобрели определенные мнемонические и семантические навыки, и поэтому небольшой разговорный словарь освоили очень быстро, так как имели возможность часто общаться с туземцами. Конечно, и тут не обошлось без скандальчика: некоторые твердолобые тупицы считали, что это «дикарям» следует учить английский.

Джокайра же английским не интересовались. Это и неудивительно: к чему миллионам туземцев язык немногочисленной группы землян? К тому же «заячья губа» не позволяла им произносить верно звуки «м», «б» и «п» — а люди

воспроизводили местные гортанные, свистящие, зубные звуки и щелчки с легкостью.

Лазарь был вынужден изменить свое отношение к джокайра. Со временем, когда колонисты привыкли к их внешности, они не могли не проникнуться к аборигенам симпатией. Такие гостеприимные, щедрые, дружелюбные; так стремятся во всем угодить! Лазарь особенно привязался к джокайра по имени Криил Сарлоо, бывшему вроде посредника между туземцами и колонистами. Среди своих соотечественников он занимал положение, приблизительно передаваемое сразу четырьмя словами: «отец-учитель-наставник-вождь». Однажды он пригласил Лазаря в гости в город джокайра, расположенный недалеко от колонии.

— Мои люди будут рады видеть тебя и чуять запах твоей шкуры, — сказал он. — Это будет к счастью, и боги будут довольны.

Похоже, Сарлоо без богов шагу ступить не мог. Но Лазарю до этого дела не было — к чужим верованиям он относился с равнодушной терпимостью.

— Я приду, Сарлоо, старина, — ответил он. — Я тоже буду рад.

Сарлоо усадил гостя в обычный для здешних

мест экипаж — похожую на глубокую тарелку повозку без колес. Она бесшумно и быстро летела невысоко над землей, иногда касаясь ее и скользя по траве. Лазарь сжался на ее дне, а Сарлоо все прибавлял скорость, пока встречный ветер не вышиб слезу из глаз Лазаря.

— Сарлоо! — стараясь перекричать свист рассекаемого воздуха, крикнул он. — А как эта штука работает? Энергия откуда?

— Боги вдыхают в нее… — Сарлоо употребил слово, отсутствующее в словаре, — и она не может не сменить места.

Лазарь начал интересоваться подробностями, но вскоре оставил расспросы: в ответах Сарлоо было что-то знакомое, и теперь он понял, что именно. Однажды ему довелось вот таким образом объяснять венерианскому «водяному» устройство дизельного двигателя старенького вездехода. Лазарь вовсе не собирался ничего скрывать, но ответы волей-неволей выходили туманными из-за ограниченного запаса знакомых обоим слов.

И все же — безвыходных положений не бывает.

— Сарлоо, я хочу взглянуть на изображения того, что у нее внутри, — настойчиво сказал Лазарь,

указывая на машину. — У вас такие имеются?

— Изображения есть, — согласился Сарлоо. — Они в храме. Ты не должен входить в храм.

Его огромные глазищи печально взирали на Лазаря. Тот почти физически ощутил: джокайра безмерно жалеет его, обделенного милостью богов. Лазарь поспешил сменить тему.

Но венерианские воспоминания напомнили ему еще об одной загадке. Водяные никогда не видели неба, плотно затянутого непроницаемым облачным слоем Венеры, и не верили в астрономию. Прибытие людей вынудило их пересмотреть свою концепцию мироздания, однако новая не была ближе к истине. Интересно бы, подумал Лазарь, выяснить, что думают местные о пришельцах из космоса. Похоже, они не слишком удивились появлению людей. Или это ему только кажется?

— Сарлоо, а ты знаешь, откуда прибыл я и мои братья?

— Я знаю, — ответил Сарлоо. — Вы пришли от далекого солнца. Оно очень далеко. Пройдет много лет, пока свет пролетит столько.

Лазарь был поражен.

— Кто тебе сказал?

— Нам сказали боги. И твой брат Либби.

Лазарь готов был биться об заклад, что боги об этом даже не заикались, пока Либби не объяснил все Криилу Сарлоо, но держал свое мнение при себе. Он хотел спросить, удивился ли Сарлоо их прибытию, но обнаружил, что не знает ни одного местного слова, означавшего удивление. Он соображал, в какую бы форму облечь свою мысль, но тут Сарлоо заговорил:

— Отцы наших отцов тоже умели летать в небе — до прихода богов. Боги, в мудрости своей, велели больше не летать.

Еще одна ложь, подумал Лазарь; черта с два они когда-нибудь покидали планету, никаких признаков этого обнаружить не удалось.

В тот вечер в доме Сарлоо Лазарю пришлось пройти через, как он понял, процедуру развлечения почетного гостя. Сарлоо усадил его на корточки рядом со своим местом на возвышении в центре просторного зала, служившего клану Криила чем-то наподобие кают-компании, и он целых два часа слушал вой, вероятно являвшийся образчиком местного вокального искусства. Лазарь стойко претерпел предложенное развлечение, но про себя решил: если разом прищемить хвосты полусотне кошек, и то выйдет куда благозвучнее.

Он вспомнил, как Либби настаивал на предположении, что этот хоровой вой, столь популярный у джокайра, действительно является пением, и люди даже смогут получать от него удовольствие, если выучат местный звукоряд.

Лазарь в этом очень сомневался, однако вынужден был признать, что Либби понимал джокайра лучше всех родичей. Либби находил, что они прекрасные, очень тонкие математики; по крайней мере, они ничуть не уступали в этом искусстве ему. Колонистам и арифметика джокайра казалась непостижимой. Любое число, большое или малое, для туземцев было индивидуальной сущностью и воспринималось само по себе, а не в качестве совокупности других чисел. Поэтому они использовали любые удобные для них позиционные и степенные обозначения с любыми основаниями — рациональными, иррациональными, переменными, и даже при отсутствии основания.

Просто счастье, что Либби мог выступать в роли математического переводчика между джокайра и Семьями! Иначе им никогда не удалось бы почерпнуть у туземцев столько новых технических знаний.

Интересно, думал Лазарь, почему джокайра ни

капли не интересуются земными технологиями пришельцев?

Наконец вой прекратился, и Лазарь оставил размышления. Принесли угощение; семейство Криил взялось за еду с суетливым энтузиазмом, сопутствовавшим всем их занятиям. Достоинства им не хватает, подумал Лазарь. Перед Криилом Сарлоо была поставлена огромная чаша, до краев наполненная какой-то бесформенной массой. Тут же вокруг нее столпилось около дюжины Криилов, которые принялись черпать еду руками, не обращая на вождя никакого внимания. Сарлоо, разогнав их подзатыльниками, запустил в чашу руку, выгреб горсть массы, скатал ее в шарик и протянул Лазарю.

Брезгливостью Лазарь не отличался, и все же ему пришлось напомнить себе: во-первых, пища джокайра для людей безвредна, а во-вторых, если он откажется от угощения, то уже никогда не узнает о туземцах ничего интересного.

Он откусил большой кусок. Бывает хуже. Это было скорее безвкусно и вязко, без какого-либо определенного запаха. Приятного мало, но есть можно. Решив во что бы то ни стало поддержать достоинство человеческой расы, Лазарь мрачно принялся жевать, пообещав себе роскошный

обед, как только вернется домой. Но вдруг почувствовал, что следующий кусок обязательно вывернет его наизнанку, что с точки зрения дипломатии не совсем полезно. И тут он понял, как быть. Запустив руку в чашу, он набрал солидную пригоршню содержимого, скатал шарик и протянул его Сарлоо.

Да, мысль оказалась блестящей и своевременной. До самого конца пиршества Лазарь непрестанно кормил Сарлоо. Прожорливости хозяина оставалось только удивляться.

После еды последовал тихий час. Лазарь тоже улегся со всем семейством. Спали все там же, где и ели, сгрудившись на полу, будто куча опавших листьев или щенки в корзине. К удивлению своему, Лазарь спал очень крепко и не проснулся до тех пор, пока на лицо его не упали лучи искусственного солнца, зажегшегося под потолком и возвестившего о том, что снаружи светает. Сарлоо еще спал и храпел совсем по-человечески. Один из малышей джокайра доверчиво прикорнул рядом, пристроив головенку на животе вождя.

За спиной Лазаря раздался шорох; кто-то коснулся его бедра. Осторожно обернувшись, он увидел, что другой малыш — по земным меркам, лет шести — вытащил из кобуры его бластер и

теперь с любопытством заглядывает в ствол.

Быстро, но аккуратно Лазарь отнял у малыша смертоносную игрушку. Ребенок расстался с ней весьма неохотно. Осмотрев бластер, Лазарь с облегчением убедился, что предохранитель опущен, и убрал оружие в кобуру. Малыш явно собрался зареветь.

— Чш-ш-ш, — прошептал Лазарь, — а то разбудишь своего старика. Поди-ка сюда.

Взяв малыша на руки, он принялся баюкать его. Джокайреныш прижался к Лазарю и, закрыв глаза, засопел.

Лазарь оглядел спящего малыша.

— Симпатичный, — добродушно проворчал он. — Я вполне мог бы к тебе привязаться, только вот пахнете вы…

Некоторые эпизоды в межрасовых отношениях были бы даже забавны, если бы не таили в себе потенциальную опасность — как, например, в случае с Хьюбертом, сыном Элеоноры Джонсон. Этот незадачливый карапуз отличался слишком уж большим любопытством. Однажды он подошел посмотреть, как двое техников — человек и джокайра — устанавливают на земное оборудование местный источник энергии. Ребенок позабавил туземца, и тот, в порыве дружелюбия,

подхватил малыша на руки.

Хьюберт поднял рев, и его мать, всегда находившаяся неподалеку от сына, бросилась на выручку. Намерения у нее были самые кровожадные, но, к счастью, сил и навыков не хватило: великан-туземец остался цел и невредим. Однако ситуация сложилась не из приятных.

Администратору Форду и Оливеру Джонсону пришлось потратить много сил, чтобы объяснить опешившим джокайра суть случившегося. Хорошо, что туземцы скорее огорчились, чем возроптали.

Позже Форд вызвал Элеонору Джонсон к себе.

— Ваша непроходимая тупость поставила под удар всю колонию.

— Но я…

— Ма-алчать! Если бы вы не избаловали мальчишку донельзя, он вел бы себя прилично. А если бы вы не были глупы, как пробка, то не давали бы воли рукам. Ваш сын сегодня же начнет посещать занятия, а вы прекратите держать его у своей юбки! И зарубите себе на носу: если я еще раз замечу с вашей стороны хоть малейшие признаки враждебности к туземцам, вы в принудительном порядке отправитесь в анабиоз на несколько лет! А теперь — вон отсюда!

Почти таким же образом Форду пришлось обойтись и с Дженис Шмидт. Интерес, проявленный джокайра к Хансу Уэзерэлу, вскоре распространился и на остальных телепатов. Аборигены впадали в настоящий экстаз, видя существо, способное общаться с ними непосредственно. Криил Сарлоо объявил Форду, что очень желал бы поместить телепатов отдельно от других дефективных в здании бывшего храма, где джокайра смогли бы ухаживать за ними. Просьба очень походила на требование.

Дженис Шмидт весьма неохотно поддалась на уговоры Форда пойти джокайра навстречу. Необходимость удовлетворить их просьбу Форд объяснял тем, что земляне многим обязаны аборигенам. И вскоре местные сиделки, под ревнивым надзором Дженис, смогли приступить к своим обязанностям.

Однако оказалось, что у телепатов, умственное развитие которых хоть немного превосходило полуидиотизм Ханса Уэзерэла, присутствие джокайра вызывает острые и тяжелые психозы.

Форду пришлось расхлебывать и это, но негодование Дженис Шмидт было значительно разумнее и мощнее, чем у Элеоноры Джонсон. Чтобы сохранить мир, Форд вынужден был пригрозить

Дженис полным отстранением от должности. Криил Сарлоо, глубоко огорченный и потрясенный, пошел на компромисс, заключавшийся в том, что джокайра взялись ухаживать лишь за полными кретинами, а присмотр за телепатами с более высоким уровнем развития продолжали осуществлять люди.

Но самые большие трудности были связаны с… фамилиями.

Любой джокайра имел имя и фамилию, причем фамилий, как и в Семьях, было немного. Фамилия туземца, кроме клановой принадлежности, обозначала и храм, который он посещал.

Однажды Криил Сарлоо заговорил с Фордом на эту тему.

— О Верховный Отец Чужестранных Братьев наших, — объявил он. — Настало время тебе и детям твоим принять фамилии.

Естественно, говорил Сарлоо на своем родном языке, поэтому в переводе на английский смысл некоторых понятий неизбежно искажался.

Но Форд уже привык к подобного рода трудностям.

— Сарлоо, друг мой, я слышал твои слова, но смысл их мне непонятен. Говори более полно, прошу тебя.

Сарлоо начал заново:

— Иноплеменный брат мой! Времена года приходят и уходят, теперь же настала пора созревания. Боги сказали нам, что вы, иноплеменные братья наши, уже достигли такой зрелости, что должны выбрать себе племя и храм. И я пришел к тебе, чтобы договориться о церемониях, во время которых каждый сможет выбрать себе фамилию. Это я говорю тебе от имени богов. Но осмелюсь и от себя сказать: я буду счастлив, если ты, брат мой Форд, остановишь свой выбор на храме Криила!

Некоторое время Форд молчал, вникая в смысл его слов.

— Я счастлив, что ты предлагаешь мне свою фамилию, брат Сарлоо. Но у меня и моего народа есть собственные фамилии.

Чмокнув губами, Сарлоо отверг этот довод:

— Их теперешние фамилии — просто слова и ничего более. Теперь им пора выбрать себе настоящие, указующие определенный храм и имя бога, коему надлежит поклоняться. Ведь дети растут и становятся взрослыми!

Форд решил, что без советчика здесь не обойтись.

— И это нужно сделать немедленно?

— Еще не сегодня, но как можно раньше. Боги

терпеливы.

Форд созвонился с Заккуром Барстоу, Оливером Джонсоном, Лазарем Лонгом и Ральфом Шульцем и передал им содержание беседы. Прокрутив запись несколько раз, Джонсон хотел как можно лучше вникнуть в суть сказанного, подготовил разные варианты перевода, но от этого дело яснее не стало.

— Похоже, — высказался Лазарь, — либо принимай нашу веру, либо выметайся.

— Верно, — согласился Заккур Барстоу, — пожалуй, здесь все ясно. Что ж, по-моему, стоит согласиться. Из наших лишь немногие имеют какие-либо религиозные предрассудки, которые помешали бы им участвовать в местных культовых действах.

— Вероятно, вы правы, — согласился Форд. — Например, я вовсе не против ради мира с ними прибавить к своему имени фамилию Криил и поклоняться их богу. — Он сдвинул брови. — Но я бы не хотел спокойно смотреть, как их культура поглощает нашу.

— На этот счет не беспокойтесь, — заверил Ральф Шульц. — Неважно, что мы станем делать ради того, чтобы их ублажить. Культурная ассимиляция в любом случае исключена: мы

совершенно не похожи на них; я только теперь начинаю понимать, насколько различия между нами глубоки.

— Вот именно, — сказал Лазарь, — насколько.

Форд повернулся к нему:

— Что вы этим хотите сказать? Вас что-то тревожит?

— Да ничего… Только вот я что-то никогда не разделял общего энтузиазма насчет этой планеты.

В конце концов договорились, что обряд посвящения пройдет вначале кто-нибудь один и расскажет о нем остальным. Лазарь настаивал на своей кандидатуре, ссылаясь на право старшего. Ральф Шульц возражал: это его обязанность; но Форду удалось переспорить всех. Он заявил, что, как руководитель, отвечающий за всех, должен пойти сам.

Лазарь проводил его до входа в храм, предназначенный для церемонии. Форд был без одежды, как и всякий джокайра, Лазарь же оставался в килте, поскольку обряд не допускал присутствия посторонних. Многие колонисты, за долгие годы полета соскучившиеся по солнцу, предпочитали ходить нагишом там, где позволяли приличия, а джокайра практически вовсе не носили одежды,

но Лазарь всегда был одет — отнюдь не в силу своих моральных принципов: бластер на голом человеке выглядел бы более чем странно.

Криил Сарлоо приветствовал гостей и повел Форда в храм. Лазарь крикнул вслед:

— Не вешай нос, браток! — и принялся ждать. Выкурил сигарету, прошелся взад-вперед. Лазарь понятия не имел, сколько времени уйдет на процедуру, и неопределенность усугубляла томительность ожидания: казалось, каждая минута тянется по меньшей мере полчаса.

Наконец двери распахнулись; из храма повалили туземцы. Они были чем-то сильно озабочены и при виде Лазаря отворачивали в сторону. Вскоре вход был свободен, и на пороге появился человек. Пулей вылетев из храма, он бросился бежать не разбирая дороги.

Это был Форд.

Не останавливаясь, он миновал Лазаря, слепо устремившись вперед, но через несколько шагов споткнулся и упал. Лазарь поспешил к нему.

Форд не пытался встать. Он лежал ничком; плечи его содрогались в неудержимых рыданиях. Лазарь, присев на корточки, тряхнул его:

— Слэйтон! Что стряслось? Что с тобой?

Форд поднял голову, взглянул на Лазаря мокры-

ми, полными ужаса глазами и на миг перестал рыдать. Говорить он не мог, но Лазаря, похоже, узнал — протянув руку, Форд прижался к нему и зарыдал пуще прежнего.

Рывком высвободившись, Лазарь отвесил Форду крепкую пощечину.

— А ну, прекрати! Выкладывай, что там стряслось?

Голова Форда мотнулась под ударом. Он прекратил плач, но все еще не в силах был говорить. Взгляд его был мутен. Вдруг на него упала чья-то тень. Оборачиваясь, Лазарь выхватил бластер. В нескольких футах от них стоял Криил Сарлоо, не делая попыток приблизиться. Удерживал его не бластер в руке Лазаря — бластеров он до этого никогда не видел.

— Ты?! — сказал Лазарь. — Чтоб вас… Что вы с ним сделали?

Сообразив, что туземец его не понимает, Лазарь перешел на местный язык:

— Что случилось с братом моим, Фордом?

— Возьми его, — выговорил Сарлоо дрожащими губами. — Плохо. Очень, очень плохо.

— Это ты мне говоришь?! — буркнул Лазарь, не удосужившись перевести это на язык джокайра.

3

Совет был экстренно созван в том же составе, за исключением председателя. Лазарь рассказал о происшедшем. Шульц доложил о состоянии Форда:

— Пока что медики не нашли никаких видимых причин его болезни. С уверенностью можно сказать, у администратора неизвестно чем вызванный острый психоз. В контакт с ним вступить до сих пор не удалось.

— А вообще-то он что-нибудь говорил? — спросил Барстоу.

— Несколько слов — и то самых простых. Еда, питье. Любая попытка выяснить, что же его настолько потрясло, вызывает мгновенный приступ истерики.

— И диагноза поставить невозможно?

— Что ж, если вы хотите узнать мое мнение, то, попросту говоря, он до смерти напуган. Но, — добавил Шульц, — я никогда не видел ничего подобного, хотя не раз имел дело с синдромом страха.

— А вот мне доводилось такое видеть, — неожиданно сказал Лазарь.

— Где? При каких обстоятельствах?

— Лет двести назад, — начал Лазарь, — когда я был еще маленьким, я поймал взрослого койота и запер в загоне. Я думал, что смогу его выдрессировать, как охотничью собаку. Но ничего из этого не вышло. И вот сейчас Форд ведет себя точь-в-точь как тот койот.

Наступило тягостное молчание. Тишину нарушил Шульц:

— Я не совсем понял, что вы хотите сказать. В чем же сходство?

— Да, в общем-то, — протянул Лазарь, — я только предполагаю… Что там стряслось, наверняка может сказать только сам Слэйтон, если в силах будет говорить. Я так думаю, мы все здорово обмишурились насчет этих джокайра. Мы посчитали их людьми только оттого, что они с виду похожи на нас и так же цивилизованны. А на самом деле они вовсе никакие не люди. Они — домашние животные. Нет, погодите, — добавил он, — я знаю, о чем вы думаете. На этой планете и люди есть, верно. Настоящие. Они живут в храмах, и джокайра зовут их богами. И это действительно боги!

Никто не перебивал Лазаря, и он продолжал:

— Конечно, вы сомневаетесь. Поймите: не собираюсь я вам тут метафизику разводить, просто

говорю, что пришло в голову. Я уверен в одном: в храмах кто-то живет, и этот кто-то настолько могуществен, что его можно назвать богом. И кем бы эти твари ни были, именно они на этой планете главная раса, то есть люди. Все остальные — и мы, и джокайра — для них просто скоты бессмысленные, ручные или дикие. Мы ошиблись, посчитав местную религию за предрассудок, это совсем не так.

— И ты думаешь, — медленно произнес Барстоу, — именно здесь ключ к разгадке случившегося с Фордом?

— Верно. Он встретился с одним таким по имени Криил и сошел с ума.

— Судя по всему, — подытожил Шульц, — согласно вашей гипотезе, всякий человек от встречи с «богами» должен сойти с ума?

— Не совсем, — ответил Лазарь. — Больше всего я боюсь не сойти с ума от такой встречи.

В тот же день джокайра прекратили общаться с землянами. Это было к лучшему: над колонией и без того навис страх — страх перед неизвестностью, которая не имеет лица, неизвестностью, которая страшнее смерти, неизвестностью, сама встреча с которой может превратить человека в безвольное и бессмысленное животное. Ни-

кто больше не видел в туземцах отзывчивых и безобидных друзей. Они стали казаться марионетками, приманкой, закинутой незримыми, могущественными существами, обитающими в храмах.

Голосования не потребовалось. С единодушием толпы, стремящейся прочь из горящего дома, все колонисты захотели покинуть ужасную планету, и чем скорее, тем лучше. Командование принял Заккур Барстоу.

— Свяжитесь с Кингом! Пусть немедленно высылает все шлюпки, и постараемся убраться отсюда поскорее! — Он обеспокоенно запустил пятерню в волосы. — Сколько человек — максимум — может взять шлюпка? И сколько времени займет эвакуация?

Лазарь что-то пробормотал себе под нос.

— Что?

— Я говорю, не во времени дело. А вот — дадут ли нам эвакуироваться? Похоже, этим, что в храмах, новая скотинка позарез нужна! Мы то есть.

Лазарь был нужен, чтобы пилотировать шлюпку, но гораздо важнее — руководить толпой. Заккур Барстоу предложил ему собрать небольшую группу безопасности, но Лазарь, взглянув за его плечо, воскликнул:

— Ух ты! Гляди, Зак! Кажись, все! Приплыли…

Обернувшись, Заккур Барстоу увидел Криила Сарлоо, с величавым достоинством приближающегося к ним через зал. Ему никто не препятствовал — и скоро Барстоу понял, почему. Он пошел было навстречу, чтобы приветствовать гостя, но обнаружил, что не может подойти к нему ближе, чем на десять футов. Никакой видимой преграды не было — однако подойти он не мог.

— Приветствую тебя, несчастный брат мой, — начал Сарлоо.

— Привет и тебе, Криил Сарлоо.

— Боги сказали. Твой народ никогда не будет принят. Ты и твои братья должны уйти.

Лазарь облегченно перевел дух.

— Мы уходим, Криил Сарлоо, — печально ответил Барстоу.

— Боги требуют этого. Пусть ко мне подойдет брат твой Либби.

Заккур послал за Либби и вновь обратился к Сарлоо, однако джокайра безмолвствовал. Казалось, он никого не замечает вокруг. Оставалось только ждать.

Появился Либби. Сарлоо завел с ним долгий разговор. И Лазарь, и Барстоу стояли рядом и могли видеть, как шевелятся губы говорящих, но

ничего не слышали. Лазарь считал, что обстоятельства — удручающие. Лопни мои глаза, думал он, я и сам такой трюк несколькими способами мог бы проделать — если бы оборудование было. Только, похоже, ни один из этих способов тут не использован, да и оборудования не видать.

Разговор закончился, и Сарлоо удалился, не прощаясь. Обернувшись к остальным, Либби заговорил, теперь его голос был слышен:

— Сарлоо сказал, — начал он, недоумевающе подняв брови, — что мы должны отправиться на планету, расположенную… э-э… не менее, чем в тридцати двух световых годах отсюда. Так решили боги.

Он прикусил губу.

— Ладно, — сказал Лазарь, — не время рассуждать. Хорошо, что вообще отпускают. Я так думаю, они бы запросто могли стереть нас в порошок. Вот взлетим, тогда и будем выбирать направление.

— И я того же мнения. Однако меня смущает то, что нам назначено точное время отлета: через три часа.

— Да это же невозможно! — воскликнул Барстоу. — Невероятно! Шлюпок не хватит.

Лазарь промолчал. Теперь он предпочитал не иметь собственного мнения.

Заккур изменил свое мнение очень скоро, тогда как Лазарь под давлением обстоятельств — приобрел. Сгоняя своих собратьев на поле, где шла погрузка, он вдруг почувствовал, что отрывается от земли. Он принялся бороться с неведомой силой; ноги и руки его не встречали никакого сопротивления, но земля по-прежнему удалялась. Закрыв глаза, Лазарь сосчитал до десяти и открыл их снова. Теперь он парил примерно в двух милях над землей.

Внизу, клубясь над городом, будто стая летучих мышей, взмывали в воздух бесчисленные темные точки. Некоторые из них, приблизившись, оказались людьми, землянами, его родичами.

Линия горизонта стиралась, планета постепенно становилась круглой, небо темнело, однако дыханию ничто не мешало, а кровеносные сосуды и не думали лопаться.

У люков «Нью-Фронтирс» уже висели целые гроздья людей, похожие на пчел, роящихся вокруг матки. Ступив на борт, Лазарь, наконец, смог перевести дух. Что ж, для начала неплохо.

Либби, едва унялась дрожь в коленях, разыскал капитана Кинга и передал ему слова Сарлоо. Кинг колебался.

— Черт его знает. Вы знаете о туземцах больше,

чем я, — я ведь с ними и не общался. Но, между нами, мистер: как они ухитрились вернуть людей на корабль? В голове не укладывается. Это — самый замечательный взлет из тех, что мне доводилось видеть.

— Могу добавить, сэр: ощущения при этом тоже были весьма удивительными, — без улыбки признался Либби. — Лично я бы лучше прыгнул на лыжах с трамплина. Хорошо, что по вашему распоряжению люки были открыты.

— Люки, — буркнул Кинг, — были открыты без моего распоряжения.

Они пошли в рубку, намереваясь поскорее убраться подальше от планеты, с которой были изгнаны. Курс и направление решили выбрать позже.

— Да! Та планета, о которой говорил ваш Сарлоо, — спросил Кинг, — она принадлежит к системе звезды класса *G*?

— Да, — ответил Либби. — Землеподобная планета у звезды класса Солнца. У меня есть координаты, можно заглянуть в каталог. Однако о ней лучше всего забыть. Слишком далеко.

— Что ж…

Кинг включил обзорный экран. Несколько секунд ни один из них не мог вымолвить ни слова.

Без каких-либо распоряжений Кинга, без прикосновения чьих-либо рук к пульту управления, «Нью-Фронтирс» лег на курс, заданный неведомым штурманом, и, словно по собственной воле, устремился в открытый космос.

— Я не могу сказать ничего толком, — несколько часов спустя говорил Либби Кингу, Заккуру Барстоу и Лазарю. — Пока мы не миновали световой барьер, я еще мог бы как-то определиться: к примеру, наш курс позволял предположить, что мы летим к той звезде, о которой, по воле богов, сообщил нам Криил Сарлоо. Но ускорение все нарастало, и звезд больше не было видно. Так что никакой возможности уточнить курс и наше положение в пространстве у меня нет.

— Подожди, Энди, — сказал Лазарь, — ты хоть примерно…

— Ну, если — если! — наш курс не изменился, мы, скорее всего, направляемся в район звезды *РК-3722*, о которой говорил Криил Сарлоо.

— А-а… — Лазарь обратился к Кингу. — Затормозить пробовали?

— Да, — кратко ответил Кинг. — Пульт не реагирует.

— Ага. Энди! Когда мы прибудем на место?

Либби беспомощно пожал плечами:

— Мне не хватает данных. Как я буду определять время, если не от чего отталкиваться?

Пространство и время, единые и нераздельные. После того как все разошлись, Либби долго еще размышлял над решением проблемы. Во всяком случае, пространство — а значит, и время — внутри корабля полностью находились в его распоряжении. Часы на борту тикали или жужжали, то есть шли, а люди периодически испытывали голод и утоляли его; уставали и отдыхали. Радиоактивные элементы распадались, физико-химические процессы стремились к состоянию большей энтропии, и, наконец, собственное его сознание вело отсчет субъективного времени.

Однако люди, если верить глазам и приборам, — потеряли возможность ориентироваться по звездам, а значит потеряли и связь с остальной вселенной. Но какой вселенной? Никакой вселенной не было. Она исчезла. Движутся ли они? И что означает «движение» там, где нет объектов, мимо которых следует двигаться? Впрочем, эффект псевдопритяжения, вызванный вращением корабля, существовал.

Относительно чего мы вращаемся? — размышлял Либби. Что, если пространство обладает

собственной структурой, этакой чистой, абсолютной, безотносительной структурой, наподобие давным-давно разоблаченного и благополучно забытого эфира, который так и не был обнаружен в ходе классических опытов Майкельсона-Морли, на основании чего была отвергнута сама мысль о возможности его существования, а следовательно, и существования скоростей, превышающих скорость света. А что, если корабль действительно превысил скорость света? А может, он, скорее, стал подобием гроба с призраками на борту, несущегося в никуда сквозь безвременье?

Под лопаткой Либби зачесалось. Он почесался и почувствовал, что левая нога его затекла, а сам он проголодался. Если я и умер, решил он, то смерть ничем не отличается от жизни.

Несколько успокоившись, он вышел из рубки и направился в столовую, обдумывая по дороге проблемы построения новой математики, которая бы позволила объяснить все эти диковинные явления. Над тем, как же гипотетическим богам удалось перебросить Семьи на корабль, Либби не задумывался. Вряд ли стоит надеяться когда-нибудь заполучить точные данные; самое большее, добросовестный, стремящийся к истине исследователь мог лишь констатировать факт

и отметить, что он пока необъясним. Факт, безусловно, имел место: ведь сам он совсем недавно находился на поверхности планеты, а Шульц с помощниками до сих пор пичкают успокаивающим тех, кто был слишком уж потрясен этим вознесением на небеса.

Объяснить происшедшее Либби не мог и, за отсутствием исходных данных, не хотел даже пробовать. Чего ему действительно хотелось, так это разобраться со всей совокупностью мировых линий, с основной задачей физики поля.

Не считая пристрастия к математике, Либби был вполне обычным человеком и любил шумную атмосферу столовой № 9, хотя и по иным, нежели Лазарь, причинам: в компании тех, кто моложе, он чувствовал себя свободнее. Из всех же старших ему легче всего было общаться с Лазарем.

В «клубе» он узнал, что еда из-за предотлетной суматохи еще не готова, однако здесь был Лазарь и множество других знакомых. Либби решил посидеть с ними. Нэнси Уэзерэл, подвинувшись, освободила для него место:

— Вот кого я хотела бы видеть! От Лазаря, похоже, толку не добьешься. Куда же мы все-таки летим? И когда будем на месте?

Либби, как мог, разъяснил обстановку. Нэнси сморщила носик:

— Интересные дела! Похоже, бедной маленькой Нэнси опять придется крутиться, как белке в колесе!

— Почему же?

— Вам когда-нибудь приходилось ухаживать за спящими? Наверняка нет! Надоедает жутко! Постоянно их поворачивай, сгибай руки, разгибай ноги, разминай шеи, закрывай резервуар — и так без конца! Чтоб мне принять обет безбрачия — вот так уже осточертели все эти тела!

— От сумы да от тюрьмы… — вставил Лазарь.

— Не ваше дело, старый вы мошенник!

Элеонора Джонсон прервала их пикировку:

— А вот я рада снова быть на корабле! Эти джокайра — такие склизкие, бр-р-р!

— Предрассудки, Элеонора, — пожала плечами Нэнси. — Вообще-то они на свой манер ничего. Конечно, на нас не похожи, так ведь и собаки на нас не похожи. Не будешь же ты из-за этого плохо относиться к собакам.

— Да, именно, — печально сказал Лазарь. — Именно собаки.

— Что?

— То есть не в прямом, конечно, смысле собаки:

и внешне не похожи, да, кроме того, развиты не слабее нас, кое в чем даже превосходят. Но все равно, они совсем как собаки. А те, кого они называют богами, — хозяева. Нас они приручить не смогли — вот и выгнали ко всем чертям.

Либби вспомнил о необъяснимом телекинезе, сеанс которого провели джокайра или их хозяева.

— Интересно, — сказал он, — что было бы, если б им удалось нас приручить? Наверное, нас научили бы многим интересным вещам.

— Выкинь из головы, — отрезал Лазарь. — Не пристало человеку быть чьей-либо собственностью.

— А что же ему пристало?

— Человек должен всегда и всюду оставаться человеком и быть на высоте! — Лазарь встал. — Ладно, мне пора.

Либби тоже хотел уйти, но его задержала Нэнси.

— Подожди. Я хочу тебя кое о чем спросить. Сейчас какой год, если по-земному?

Либби задумался. Наконец выдавил:

— Даже не знаю, что ответить. Это все равно, что вопрос: на какой высоте верх?

— Наверное, я не так спросила, — согласилась

Нэнси. — Я в физике слабо разбираюсь, но помню: время — понятие относительное, а одновременность — термин, имеющий смысл только по отношению к точкам, расположенным достаточно близко друг к другу и в одной системе отсчета. Но все равно — я хотела бы кое-что узнать. Мы летели гораздо быстрее и улетели гораздо дальше, чем когда бы то ни было, так? А наши часы? Может, они замедлили ход или еще что-нибудь такое?

Либби был огорошен, как любой представитель точных наук, когда непосвященный пытается говорить о его профессии не на языке математики.

— Ты имеешь в виду сокращение Лоренца-Фицджеральда?[20] Уж извини, но всякий, кто говорит о нем словами, говорит чепуху.

— Но почему? — спросила Нэнси.

— Потому... Да потому, что словами его не объяснить. Формулы, использованные для описания явления, в данном случае условно именуемого «сокращением», заведомо учитывают, что на-

---

[20] Примечания: 20

Сокращение Лоренца-Фицджеральда подразумевает сокращение размеров тел в направлении их движения при скоростях, близких к скорости света. Эта идея практически одновременно и независимо сформулирована голландским физиком Хендриком Антоном Лоренцом (1853–1928), лауреатом Нобелевской премии 1902 года, и Джорджем Френсисом Фицджеральдом (1851–1901), физиком из Ирландии.

блюдатель сам становится частью явления, тогда как обычный язык содержит в себе предпосылку, что мы в состоянии наблюдать это явление со стороны, а такую возможность математика отвергает. Любой наблюдатель является частью целого — как бы ему ни хотелось обратного.

— И все же? Допустим, нам прямо сейчас удалось бы увидеть Землю?

— Ну вот, — огорчился Либби, — я попробовал объяснить тебе хоть что-то словами и этим все еще больше запутал. Измерить время в прямом смысле этого слова невозможно, если два события разобщены в континууме. Измерить можно лишь интервал.

— А тогда что такое интервал? Столько-то пространства плюс столько-то времени?

— Да нет же! Интервал — это… Одним словом, интервал. Я могу дать формулы, его описывающие, но словами интервал не определить. Вот ты сама сможешь записать словами партитуру симфонического оркестра?!

— Нет. Конечно, это, вероятно, и можно сделать, но времени потребуется в тысячу раз больше.

— К тому же, музыканты все равно ничего не поймут, пока не взглянут на нотную запись. Именно это я и имел в виду, говоря, что слова

не годятся. Однажды я уже имел дело с такими трудностями: меня попросили описать словами действие моего межзвездного двигателя и объяснить: почему, хоть он и работает за счет исчезновения инерции, для нас, внутри корабля, инерция не исчезает. Словами тут ничего не объяснить. Инерция — не просто слово такое, это — математическое понятие, используемое при математическом описании определенных явлений. Мне просто нечего было ответить!

Нэнси слегка растерялась, но продолжала настаивать:

— И все равно! Мой вопрос имеет смысл, пусть даже я его неправильно сформулировала. И нечего от меня отмахиваться! Вот, допустим, мы повернули назад и полетели к Земле тем же самым путем и, значит, удвоили корабельное время, так? Какой год будет на Земле, когда мы туда прилетим?

— Там будет… Сейчас.

Мозг Либби почти машинально принялся решать невероятно сложную задачу соотношения ускорений, интервалов, перемещений. Согретый внутренним сиянием математического озарения, он уже почти получил ответ, но вдруг вся задача рассыпалась в прах. Либби внезапно осознал:

решений бесконечное множество и все они одинаково верны.

Это казалось невероятным. В реальной жизни, в отличие от фантастического мира математики, такая ситуация была бы абсурдной. Ответ на вопрос Нэнси должен существовать только один!

Возможно ли, что фундамент стройного здания теории относительности на самом деле совершенно абсурден? Или дело в том, что повторить весь путь в противоположном направлении физически невозможно?

— Над этим придется подумать, — сказал Либби и исчез прежде, чем Нэнси успела его задержать.

Однако раздумья ничуть не приблизили Либби к решению. Причиной тому был отнюдь не сбой в его математическом даре: он знал, что может составить матописание *любого* набора фактов. Вся трудность заключалась именно в недостатке данных. До тех пор, пока кто-нибудь не проделает межзвездный полет с околосветовой скоростью и не вернется в точку старта, математика бессильна.

Тут Либби поймал себя на том, что вспоминает свою родину — плато Озарк. Интересно, по-прежнему ли холмы зеленеют и меж деревьев осенью стелется дым? Тут он вспомнил, что в рамках

известных ему правил эти вопросы смысла не имеют. Его охватил приступ ностальгии. Последний раз он ощущал тоску по родине, когда отправился в первый свой дальний перелет, на службе в Космическом строительном.

Сомнение, неуверенность, чувство невосполнимой потери распространились по всему кораблю. На первом этапе путешествия Семьи были преисполнены надежд, как первые поселенцы, пересекающие прерии в своих фургонах, теперь же они мчались в никуда. Весь смысл прожитого дня сводился к тому, что завтра наступит следующий. Долгая жизнь потеряла всякую значимость и превратилась в тяжкое бремя.

Айра Говард, чье состояние легло в основу фонда его собственного имени, родился в 1825-м и умер от старости в 1873 году. Он продавал провизию золотоискателям в Сан-Франциско, занимался оптовыми поставками для армии в Гражданскую и мало-помалу скопил приличную сумму.

И все это время отчаянно боялся смерти. Он нанял лучших врачей, чтобы продлить жизнь, и все же процессы старения застигли его в том возрасте, когда мужчина находится еще в расцвете лет. Медицина оказалась бессильной, но

тем не менее его завещание гласило: деньги должны пойти на дело продления человеческой жизни. Распорядители фонда не смогли придумать ничего лучше, как, во исполнение его последней воли, приступить к поискам людей, наследственно предрасположенных к долголетию, и поощрять таковых к бракам между собой. Этот метод предвосхитил приемы Бербанка.[21] Знали ли распорядители о проясняющих многое работах монаха Грегора Менделя,[22] осталось неизвестным.

Увидев вошедшего в комнату Лазаря, Мэри Сперлинг отложила книгу. Тот повертел ее в руках:

— Что это, сестренка? Экклезиаст?! Вот уж не считал тебя набожной.

Он принялся читать вслух:

— «А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не

---

[21] Примечания: 21

Американский селекционер Лютер Бербанк (1849–1926), автор многих сортов плодовых и овощных культур.

[22] Примечания: 22

Австрийский селекционер Грегор Иоганн Мендель (1822–1884). Применив статистические методы при анализе результатов своих опытов по гибридизации гороха, Мендель сформулировал законы наследственности, изложенные им в «Опытах над растительными гибридами» (1866). Эта забытая на долгое время работа впоследствии стала основой всей современной генетики.

наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?» Что и говорить, книга не из веселых. Мэри, неужели тут нет чего повеселее? Вот, к примеру… — Он пробежал глазами по строчкам. — «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда». Или… Да, трудновато здесь что-нибудь не слишком мрачное отыскать! А, вот: «И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета». Вот это уже по-нашему! Ни за что не хотел бы снова стать молодым, даже если б еще и приплатили!

— А я бы согласилась.

— Мэри, да что с тобой такое?! Сидишь, читаешь самую мрачную из всех книг Библии. Сплошные смерти да погребения. С чего бы?

— Лазарь, я старею, — она устало прикрыла глаза рукой. — О чем же еще думать?

— Это ты-то стареешь? Да ты свеженькая, как маргаритка!

Мэри подняла на него взгляд. Она знала, Лазарь лжет — ведь даже зеркало явственно отражало и седину в ее волосах, и дряблую кожу. Каждой клеточкой своей она чувствовала приближение старости. Но все же Лазарь был гораздо старше ее, а ведь — она знала это, благодаря работе в исследовательской лаборатории — он давно уже

прожил отпущенный срок. Когда он родился, программа фонда насчитывала лишь три поколения, и линии, неустойчивые генетически, еще не были полностью выбракованы. Разве что произошло какое-нибудь совершенно немыслимое сочетание генов.

Но все же Лазарь стоял перед ней во плоти и полном здравии!

— Лазарь, — спросила Мэри, — а сколько ты намерен прожить?

— Я-то? Интересный вопрос. Вспоминается мне один тип, которого я как-то спрашивал насчет моей жизни. Ты никогда не слыхала про доктора Хьюго Пинеро?[23]

— Пинеро… Ах, да! Шарлатан Пинеро…

— Мэри, не был он шарлатаном. Он действительно мог предсказать точное время смерти каждого человека, без всяких яких.

— Но ведь… Ладно, не стану тебя перебивать. Что он тебе ответил?

— Погоди. Я хочу, чтобы ты убедилась: он не жульничал. Предсказания его сбывались минута в минуту, и не умри он, все страховые компании разорились бы к едрене-бабушке. Тебя тогда еще

---

[23] Примечания: 23
Имеется в виду герой рассказа Хайнлайна «Линия жизни».

не было на свете, но я-то сам лично с этой историей знаком! Пинеро меня обследовал, и результат его, похоже, сбил с толку. Тогда он повторил исследование по новой, а потом просто вернул мне деньги обратно.

— Но что же он сказал?

— Я ни слова от него не смог добиться. Он просто стоял и глядел — то на меня, то на свою машину, а потом нахмурился и выставил меня вон. Так что не могу на твой вопрос ответить с определенностью.

— А как ты сам думаешь? Неужели ты надеешься жить вечно?

— Да нет, Мэри, — ответил Лазарь, — просто не собираюсь умирать, не думаю об этом, и все.

Они помолчали. Наконец Мэри сказала:

— Знаешь, я тоже не хочу умирать. Но какой смысл в нашем долголетии? Боюсь, что с возрастом мы не делаемся мудрее. Может, наша пора давно пришла, а мы все еще тянем резину, сидим в яслях, вместо того чтобы отправляться дальше? Может, мы после смерти возродимся опять?

— А фиг его знает, — сказал Лазарь. — И вряд ли это когда-нибудь точно выяснят. Однако — черт меня побери, если я вижу во всех этих тревогах хоть какой-то смысл! Так что не ломай голову. Я

предлагаю вот что: живи, пока живется, и старайся узнать как можно больше. Может, мудрость и понимание припасены для нас в следующем рождении, а может, у нас их вовсе никогда не будет. Так, или этак — но я люблю жизнь и вполне ею доволен. Так что ты не терзайся понапрасну, сестренка! Какой в этом толк — все равно иного нам не дано.

На корабле понемногу установился тот же монотонный распорядок, что и при первом перелете. Большинство родичей легли в анабиоз, оставшиеся бодрствовать присматривали за ними, работали на фермах, следили за порядком на борту. На этот раз в анабиоз был уложен и Форд: холодный сон считался лучшим средством лечения тяжелых функциональных психозов.

Перелет занял семнадцать месяцев и три дня бортового времени.

Экипаж пребывал в вынужденном безделье. За несколько часов до достижения конечной цели на обзорном экране вдруг появились звезды, а корабль сбросил скорость до межпланетной. Никто не заметил торможения: какие бы неведомые силы ни управляли полетом, им были полностью подвластны любые массы. «Нью-Фронтирс» приблизился к симпатичной зеленой планете,

примерно в ста миллионах миль от звезды, и вскоре Либби доложил капитану Кингу, что корабль находится на стационарной орбите.

Кинг осторожно взялся за управление, будто умершее с момента старта, на сей раз корабль подчинился. Таинственный пилот оставил их.

Либби, впрочем, решил, что никакие аллегории здесь не к месту. Полет их, несомненно, был запланирован, но вовсе не обязательно было кому-то или чему-то сопровождать корабль. Либби полагал, что боги джокайра представляют себе мироздание в виде совокупности предопределенных явлений, а значит, с их точки зрения, этот полет был фактом еще до появления землян. Однако словами, как всегда, трудно было что-нибудь объяснить. Грубо говоря, по его теории космической кривой им выделили одну из мировых линий, выводящую из обычного пространства, а затем снова вводящую в него. Добравшись до конца кривой, корабль вернулся в нормальное пространство, и приборы вновь заработали.

Он хотел было объяснить все это Лазарю и капитану, но те мало что поняли. К тому же с доказательствами у него было негусто, да и времени, чтобы облечь свои взгляды в стройную математическую систему, недостаточно, а стало

быть, теория не могла удовлетворить ни слушателей, ни самого Либби.

Ни Лазарю, ни капитану не удалось выкроить минутку на обдумывание услышанного. На экране внутренней связи появился Барстоу:

— Капитан! Не могли бы вы подойти к седьмому кормовому люку? У нас гости!

Барстоу несколько преувеличил, гость был один. Он походил на мальчишку в маскарадном костюме кролика. Фигура его, с точки зрения Лазаря, была больше схожа с человеческой, нежели фигуры джокайра, однако он, судя по всему, не принадлежал к млекопитающим. Был он ни гол, ни одет — детское тельце покрывала нежная, золотистая шерстка. Яркие глазки светились разумом и глядели весело. Но Кинг был слишком изумлен, чтоб вникать в подробности. В мозгу его зазвучал голос или, вернее, возникла мысль:

— …итак, руководитель здесь — вы. Добро пожаловать в наш мир. Мы ждали вас. Нас предупредили о вашем приходе.

Направленная телепатия.

Цивилизация, настолько развитая, доверчивая, дружелюбная, что позволяет себе такую роскошь — делиться мыслями! Да и не только мыслями. Эти существа так доброжелательны и щедры, что

предлагают пристанище на собственной планете! И посланник явился специально для этого!

Кингу все происходящее живо напомнило радушие джокайра; он напряженно думал, пытаясь угадать, в чем тут дело на этот раз.

Но посланец, похоже, читал его мысли:

— …загляни в наши души… мы не держим на вас зла… мы, подобно вам, любим жизнь, пребывающую в вас…

— Спасибо, — громким, официальным голосом ответил Кинг. — Нам следует посоветоваться.

Он повернулся было к Барстоу, но, бросив взгляд назад, увидел, что посланец исчез.

— Лазарь! Куда он делся?

— А-а? Я-то откуда знаю?

— Да ты же прямо перед люком стоишь!

— Я приборы проверял. Если им верить, снаружи никто не причаливал. Я еще удивился, думал — сломались… Как же он к нам пробрался? И на чем прилетел?

— Но куда он ушел?

— Только не мимо меня.

— Заккур! Он ведь пришел через этот люк, так?

— Не знаю…

— Но вышел-то наверняка через него?

— Не-а, — сказал Лазарь. — Этот люк не откры-

вался — все пломбы на месте.

Кинг осмотрел пломбы.

— Но не мог же он сквозь…

— Не смотри так на меня, — сказал Лазарь, — я ни капли не суеверен. Куда пропадает изображение, когда экран выключают?

И он удалился, напевая про себя какую-то песенку; Кинг никак не мог ее вспомнить. А слова, которые Лазарь не стал петь вслух, звучали так:

Прошлым вечером на крышу

Прогуляться гномик вышел…

4

В нежданном радушии хозяев подвоха, как будто, не было. Сами себя эти существа не называли никак, потому что не имели разговорного языка, и люди прозвали малышей Малым Народцем.[24] И Малый Народец, действительно, был рад гостям и помогал им, чем только мог. Туземцам без труда удалось убедить землян в своих добрых намерениях, ведь препятствий в общении, как в предыдущем случае, не было. И даже самые сокровенные мысли Малого Народца стали достоянием людей, но человеческие мысли «гномики» читали только те, что были обращены непосредственно к ним. Казалось, они либо не хотят, либо не могут воспринимать то, что предназначено не для них, а потому телепатическая связь подчинялась контролю не хуже обыкновенной речи. Между собой земляне общались по-прежнему — им телепатические способности не передались.

Эта планета еще больше, чем джокайрианская,

---

[24] Примечания: 24

Малым Народцем британская фольклорная традиция называет фейри (слово происходит от старофранцузского *fey* и с легкой руки Шекспира вошло в обиход, заменив английское *elf* — эльф): эльфов, гоблинов, брауни и прочих.

была похожа на Землю. Чуть больше по размеру, но гравитация здесь была слабее, видимо удельная плотность ядра была невысока. Это косвенно подтверждалось полным отсутствием в местной культуре металлов.

Ось планеты была перпендикулярна плоскости орбиты, а не наклонена, подобно земной. Сама орбита была почти круговой, и афелий отличался от перигелия меньше, чем на один процент, а значит, не было смены времен года.

Не имела планета и такого громадного, тяжелого спутника, как Луна, который мог бы вызывать приливы и нарушать изостатический баланс поверхности. Холмы здесь были пологи, ветры — мягки, моря — спокойны. Надежды Лазаря на дикий, необузданный нрав стихий не оправдались: погоды здесь, пожалуй, вовсе никакой не было. Имелся лишь климат — причем такой, как в Калифорнии, вернее, в существовании которого пытались убедить все прочее человечество калифорнийцы.

А вот на планете Малого Народца такой климат и вправду был.

«Гномики» указали людям место высадки: широкий песчаный пляж, полого спускающийся к морю. За кромкой невысокого берега начинались

луга, тянувшиеся, миля за милей, до самого горизонта. Однообразный пейзаж перемежался лишь купами деревьев да кустарником. Вся местность дышала нарочитой аккуратностью, наводившей на мысль о специально разбитом парке, хоть следов явного разумного вмешательства и не было.

Именно здесь, как объяснил посланник первому разведотряду, им и предстояло жить.

«Гномики» неизменно оказывались там, где требовалась помощь, и при этом не стремились, подобно джокайра, быть полезными во всем. Они скорее напоминали старых друзей, всегда готовых протянуть руку помощи. «Гномик», сопровождавший первый отряд, огорошил Лазаря и Барстоу упоминанием о встрече с ними на корабле. Мех его был темно-лиловым, и Барстоу решил, что здесь либо недоразумение, либо «гномики» могут менять окраску. Лазарь, тот не сказал вслух ничего.

Барстоу спросил проводника, что думает Малый Народец о строительстве зданий — этот вопрос его очень волновал: ведь нигде не было видно никаких построек. Казалось, туземцы живут под землей, а в данном случае Барстоу хотел избежать действий, которые могли быть негативно восприняты местным правительством. Он

говорил вслух, обращаясь к проводнику, чтобы тот наверняка воспринял адресованную ему мысль.

В ответе «гномика» чувствовалось удивление:

— …чего вам должно нарушать прекрасный вид?.. для каких целей формировать строения?

— Для многих целей, — объяснил Барстоу. — Для того, чтобы укрываться от непогоды днем, для того, чтобы спать по ночам, для того, чтобы выращивать злаки и разводить скот и затем готовить из них пищу. — Он хотел объяснить, что такое гидропонная ферма, склад, кухня и прочее, но понадеялся на телепатическое восприятие собеседника. — А также для многого другого: лабораторий, мастерских, для тех аппаратов, с помощью которых мы связываемся друг с другом, то есть, другими словами, чтобы жить в этих зданиях!

— …не сердитесь… — пришел ответ, — …я так мало знаком с вашими обычаями… но скажите… неужели вам больше нравится спать вот в таких?.. — Он указал на космические шлюпки, возвышавшиеся над низким берегом. Мысль, использованная им для определения шлюпок, была эмоциональна. Лазарь тут же представил себе какое-то мертвое, удушающе-тесное про-

странство, что-то вроде тесной, вонючей будки видеофона или тюремной камеры, куда его однажды посадили.

— Таков наш обычай.

Наклонившись, «гномик» коснулся травы:

— …разве плохо спать на этом?..

Лазарь мысленно согласился с ним. Земля была покрыта мягким, упругим ковром из нежной, ровной, густой травы. Сняв сандалии, он дал ступням окунуться в ее прохладу. Какой там газон — это настоящий ковер, решил Лазарь.

— …что же до пищи… — продолжал «гномик», — …для чего трудиться, если добрая земля дает все сама?.. идемте…

Он провел землян через луг к купе невысоких деревьев, склоненных к журчащему ручью. «Листья» на них оказались непривычной формы плодами, размером с ладонь человека и в дюйм толщиной. Сорвав один, «гномик» принялся его с удовольствием есть.

Лазарь тоже сорвал плод и внимательно его рассмотрел. Он легко крошился, совсем как песочный бисквит, а внутри была маслянисто-желтая мякоть, рассыпчатая и одновременно упругая. Плод издавал сильный, приятный запах, напоминающий манговый.

— Лазарь, не ешь! — предупредил Барстоу. — Он еще не исследован.

— …это гармонично вашему телу…

Лазарь еще раз понюхал плод.

— Зак, я его на себе испытаю.

— Что ж, — Барстоу пожал плечами. — Я предупреждал… Вольному воля.

Лазарь откусил. Вкус был удивительно нежным, а мякоть — достаточно упругой, чтобы задать работу зубам. Проглоченный кусок без проблем улегся в желудке.

Остальным Барстоу запретил пробовать плоды, пока не будет окончательной уверенности, что с Лазарем все благополучно. Самоотверженный экспериментатор немедленно воспользовался привилегированным положением и поел всласть, решив, что так хорошо он не закусывал уже много лет.

— …расскажите мне, чем вы обычно питаетесь?.. — поинтересовался их маленький друг. Барстоу принялся объяснять, но его перебила следующая мысль:

— …пусть все… об этом думают…

На какое-то время он умолк, а затем пришла еще одна мысль:

— …вполне достаточно… мои жены об этом

позаботятся…

Лазарь не был уверен, что в виду имелись именно жены, но, во всяком случае, понятие подразумевало некие родственные связи. Двуполы «гномики» или нет — до сих пор не было выяснено.

В эту ночь Лазарь спал под открытым небом. Умиротворяющий свет звезд изгонял из него остатки корабельной клаустрофобии. Отсюда найти знакомые созвездия было нелегко, однако ему показалось, что он видит холодно-голубую Вегу и оранжевый зрачок Антареса. Только Млечный путь оставался неизменным и пересекал небосвод такой же величественной аркой. Лазарь знал, что Солнца отсюда не видно — по крайней мере, невооруженным глазом, — даже если знать, в какой стороне искать; его абсолютная звездная величина мала, а расстояние до него — многие светогоды. Надо бы, сонно подумал он, настропалить Энди — пусть посчитает координаты, а потом поглядим на Солнце в телескоп — однако тут же заснул, не успев даже подумать, для чего, собственно, ему это нужно.

Раз уж на первых порах можно было обойтись без укрытий от непогоды и помещений для сна, Семьи переправились на планету в кратчайшие

сроки. До оборудования колонии люди расположились на траве, будто во время пикника. Поначалу стол их ограничивался продуктами, привезенными с корабля, однако Лазарь после своих экспериментов с местными продуктами был в полном здравии, и колонисты постепенно полностью перешли на местную пищу, изредка разнообразя меню земными деликатесами.

Вскоре после выгрузки Лазарь, прогуливаясь неподалеку от лагеря, встретил одного из «гномиков». Туземец приветствовал его. Как и прочие «гномики», он говорил с оттенком доверительности, будто старый знакомый. Приведя Лазаря к роще чуть в стороне от лагеря, он предложил отведать плоды, росшие на деревьях.

Лазарь не был голоден, однако решил не отказываться. Сорвав плод и надкусив его, он чуть не подавился. Картофельное пюре с томатным соусом!

— …мы правильно уловили?.. — услышал он мысленный вопрос.

— Да-а… — восхитился Лазарь. — Не знаю, что вы имели в виду, но вышло здорово!

В мозгу его удовлетворенно прозвучало:

— …попробуй с другого дерева…

Осторожно, однако охотно Лазарь последовал

совету. Запах плода напоминал свежий ржаной хлеб со сливочным маслом, но к нему примешивался привкус мороженого. Он не удивился, когда плод третьего дерева оказался жареным мясом с грибами.

— …мы, в основном, пользовались твоими мыслями… — пояснил провожатый, — …они были гораздо сильнее, чем мысли твоих жен…

Лазарь не стал растолковывать, что не женат. «Гномик» добавил:

— …не было времени воплощать цвет и форму, бывшие в твоих мыслях. Это важно для вас?..

Лазарь поспешил заверить, что это вовсе ни к чему.

Вернувшись в лагерь, он рассказал о своей прогулке, а после долго убеждал родичей, что не валяет дурака.

Одним из тех, кому сказочная жизнь в стране пошла на пользу, был Слэйтон Форд. Он вышел из анабиоза вполне оправившимся от пережитого потрясения, остался лишь один болезненный симптом: он никак не мог вспомнить, что же произошло с ним в храме джокайра. Ральф Шульц счел это нормальной реакцией здорового организма на перегрузку и признал пациента полностью излеченным.

Теперь Форд казался куда моложе и счастливей, чем до болезни. Он не стал претендовать на официальные должности — да и осталось их, по чести сказать, немного. Семьи пребывали в анархической умиротворенности и пользовались всем, что в изобилии предоставила им великолепная планета, однако, обращаясь к Форду, по-прежнему прибавляли к его имени уважительный титул и относились к нему, как к одному из старейшин. С ним часто советовались, к его мнению прислушивались так же, как к мнению Заккура Барстоу, Лазаря или капитана Кинга. Возрасту родичи не придавали большого значения — между близкими друзьями могла быть и столетняя разница в возрасте. В течение долгих лет они наблюдали Администратора в работе и ныне все так же признавали его за старшего, хоть большинству родичей он годился в сыновья.

Бесконечный пикник затянулся на недели, затем — на месяцы. После долгого, монотонного корабельного затворничества, где сон чередовался с работой, никто не смог устоять перед возможностью беззаботного отдыха — ничто не мешало здесь наслаждаться долгожданным покоем. Пищи было вдоволь, и доставалась она без труда, ее даже не нужно было готовить. В

ручьях была прохладная и чистая вода, а что касается одежды, ее имелось сколько угодно, однако потребность в ней оказалась скорее эстетического, чем утилитарного плана: райский климат делал одежду ради защиты от непогоды совершенно бесполезной. Ею пользовались только те, кто упорно не желал расставаться с привычкой носить костюм. Прочим же вполне хватало браслетов, ожерелий и цветов в волосах — тем более что перед купанием в море не нужно было ничего этого снимать.

Лазарь по-прежнему носил килт.

Уровень культуры и степень развития Малого Народца трудно было оценить сразу, их образ жизни вызывал у людей недоумение. Из-за отсутствия внешних признаков высокого развития технологии: высотных зданий, механических транспортных средств, крупных энергостанций — их легко можно было счесть детьми природы, без забот живущих средь райских кущ.

Однако над водой видна лишь осьмушка всего айсберга.

Их знания в области физики были гораздо обширнее, чем знания людей. «Гномики» с вежливым интересом осмотрели шлюпки, то и дело сбивая своих провожатых с толку вопросами,

почему то или это сделано так, а не этак. Предлагаемые ими решения были куда проще и оригинальнее.

Малый Народец прекрасно разбирался в машинах и механизмах, хотя сам ими не пользовался. Понятно, для связи «гномикам» не нужна была электроника, для передвижения тоже (хотя причина этого вначале была землянам не ясна). Вообще их потребность в технике практически сводилась к нулю. А если они никак не могли обойтись без какого-либо устройства, то легко изобретали его, претворяли идею в жизнь, использовали устройство по назначению и тут же уничтожали, действуя с поразительной оперативностью и согласованностью.

Но самым удивительным была их биология. «Гномики» манипулировали формами жизни совсем по-хозяйски. Им ничего не стоило вывести растения с плодами, дублирующими не только вкусовые, но и питательные свойства земной пищи, и все это в считанные дни. И решение такой задачи было для них делом самым заурядным. Это давалось им легче, чем земным цветоводам выведение цветов новой формы и расцветки. Методы работы Малого Народца коренным образом отличались от методов земных

селекционеров. Если кто-нибудь спрашивал, как они это проделывают — а такие вопросы задавались не раз, — они говорили, что просто думают, каким растение должно стать. Что бы они ни подразумевали под этим, результат был налицо: взяв молодой росток, не прикасаясь к нему, не воздействуя на него каким-либо доступным человеческому глазу способом, за несколько часов они превращали его в цветущее, взрослое дерево, причем растение получалось совсем не таким, каким было вначале. И потомство этого растения сохраняло новые свойства…

Однако самое разительное отличие состояло вовсе не в уровне научных достижений. Отличие это было принципиальным. «Гномики» не были индивидуумами.

Ни один туземец не являлся носителем отдельной индивидуальности. Их индивиды состояли из нескольких тел. У них были коллективные «души». Основное звено общества представляли телепатически единые группы со множеством членов: количество тел и интеллектов, составляющих индивидуальность, никогда не было меньше тридцати, а порой доходило до девяноста и более.

Колонисты начали понимать то, что казалось

необъяснимым, только уяснив себе реальное положение дел в жизнеустройстве Малого Народца. Имелись все основания думать, что туземцы, в свою очередь, находили землян весьма странными и непонятными. Они ведь наверняка считали, что все остальные носители разума устроены так же, как и они сами. Внезапное осознание своей несхожести с людьми повергло их в ужас — на несколько дней «гномики» оставили колонистов.

А после в лагерь пришел посланец, пожелавший встретиться с Заккуром Барстоу.

— …мы сожалеем о том, что избегали вас… мы поторопились, приняв ваше горе за ненормальность… мы хотим помочь вам… мы предлагаем научить вас быть, как мы…

Барстоу не знал, что ответить на такое щедрое предложение.

— Мы благодарны вам за желание помочь, — сказал он. — Но то, какие мы есть, не беда наша, а образ жизни. Наши пути — это наши пути, и, я думаю, других нам никогда не постичь.

Мысль, пришедшая в ответ, была печальной:

— …мы уже помогли многим обитателям земли и неба избавиться от их вечной борьбы… но если вы не хотите помощи, мы не станем навя-

зывать ее.

Посланник удалился, оставив Заккура Барстоу в глубокой задумчивости. Кто знает, размышлял он, может, не стоило так торопиться с ответом, не посоветовавшись с остальными старейшинами? Ведь, например, телепатия — не из тех вещей, которыми можно пренебрегать. Быть может, Малый Народец смог бы обучить людей читать мысли, не теряя при этом своей человеческой индивидуальности. Но то, что он знал о телепатах из числа своих родичей, оставляло мало надежд на это. Среди них не было ни одного умственно полноценного, а многие были законченными идиотами, следовательно, овладение телепатией не было безобидным для людей делом. Так что с решением торопиться не стоит.

Это стало девизом колонистов: «куда торопиться?» Трудностей больше не существовало, круг необходимых дел сузился, а неотложные дела исчезли полностью. Солнце приятно пригревало, дни сменяли друг друга спокойно и размеренно. Благодаря своему наследственному долголетию, родичи всегда имели склонность загадывать на будущее, теперь же они загадывали на вечность. Время утратило свое значение. Даже исследования продолжительности жизни, безостановочно

ведущиеся в течение всей истории Семей, постепенно заглохли. Гордон Харди забросил свои эксперименты ради значительно более плодотворного занятия: он старался вызнать у Малого Народца, что ему известно о природе жизни. Овладение этими новыми сведениями оказалось делом нелегким, Харди тратил многие часы на то, чтобы осмыслить узнанное. Он и сам уже не замечал, что все больше времени тратит на размышления, и все меньше активно работает.

То, что он узнал, дало ему новую пищу для мучительных раздумий: «гномики» в некотором роде победили смерть.

Поскольку каждое «я» существовало во множестве тел, смерть одного тела не влекла за собой смерти всего «я». Воспоминания, опыт, накопленный телом, с его смертью не исчезали. Физические потери возмещались путем приема в группу новых членов, а коллективное «я» оставалось бессмертным — если, конечно, не уничтожить разом все составляющие его тела. Стало быть, существование личности у Малого Народца было непрерывным и фактически вечным.

До «свадьбы» или вступления в сообщество старших молодежь располагала самыми первыми, инстинктивными навыками разумного

поведения и, похоже, не осознавала себя вовсе. В отношении умственной деятельности старшие ожидали от нее не больше, чем люди — от зародыша в материнской утробе. И на попечении каждого коллективного «я» всегда находилось множество таких несмышленышей, за которыми присматривали, как за беспомощными младенцами или новорожденными щенками; хотя по земным меркам они зачастую были не менее зрелыми, чем старшие.

Лазарю райская жизнь надоела раньше, чем большинству его собратьев.

— Нет, так больше нельзя, — сказал он однажды валявшемуся рядом на траве Либби.

— Тебя что-то беспокоит?

— Да, в общем-то, ничего…

Лазарь приставил свой нож к локтевому сгибу, крутанул его другой рукой и проследил, как он воткнется в мягкий дерн.

— Только вот — очень уж все это напоминает хороший зоопарк. И будущее у нас такое же, как у зоопарковых зверей. — Горестно крякнув, он добавил: — Какой-то, понимаешь, остров Гдето-

там![25]

— Так что же конкретно тебя беспокоит?

— Говорят же — ничего… Это-то и странно. Если честно, вот ты ничего подозрительного в этом пастбище не находишь?

— У нас дома, в горах, как считают? — застенчиво улыбнулся Либби. — Если дождик не каплет, так и крыша не течет, а коли дождь, то уж ничего не поделаешь. Пока что здесь вполне прилично. Но что тебя так мучает?

— Да вот… — бледно-голубые глаза Лазаря устремились вдаль, на время он прекратил забавляться с ножом. — Однажды, в молодости, занесло меня в южные моря…

— На Гавайи?

— Нет. Гораздо южнее. Понятия не имею, как это место нынче называется. Так вот, тяжеленько мне тогда пришлось, даже секстан продал и вскоре мог за туземца сойти. Я полностью уподобился местным дикарям и был вполне доволен такой жизнью. Но в один прекрасный день попалось мне на глаза зеркало… — Лазарь тяжко вздохнул. — Так я оттуда без памяти бежал и с трудом

---

[25] Примечания: 25

Волшебный остров, где обитает Питер Пэн — герой сказочной повести английского писателя Джеймса Мэтью Барри (1860–1937) «Питер Пэн и Венди» (1911).

устроился на шаланду, возившую сырые кожи. Понимаешь, *как* мне хотелось оттуда выбраться?

Либби молчал.

— Вот ты чем все это время занимаешься? — не отставал от него Лазарь.

— Да все тем же — математикой. Хочу разработать принцип межзвездных перелетов, вроде того, каким нас сюда забросили.

— И как? Продвигается? — навострил уши Лазарь.

— Пока что не очень. Ты подожди… А иногда на облака смотрю. Знаешь, почти во всем можно найти удивительные математические соотношения, если только знать, что ищешь. В кругах на воде, в форме женской груди — кстати, изящнейшие функции пятого порядка.

— Чего-о? Ты, верно, хотел сказать «четвертого порядка»?

— Нет, именно пятого. Не забывай о времени. Люблю уравнения пятого порядка, — мечтательно сказал Либби. — И, кстати, в рыбах они тоже наблюдаются…

— Уф-ф-ф! — Лазарь поднялся. — Интересно все это, только не для меня.

— Ты куда?

— Прогуляюсь малость.

Лазарь пошел к северу. Шел он до самого вечера, а с наступлением темноты улегся спать прямо на землю. На рассвете он поднялся и отправился дальше. За первым днем последовал второй, третий. Идти было легко — поход напоминал скорее прогулку по парку. Даже слишком напоминал, решил про себя Лазарь. За один вид вулкана или стоящего водопада он охотно отдал бы целый доллар! И перочинный нож в придачу…

Деревья иногда казались странными с виду, но встречались во множестве, и на вкус их плоды были очень даже ничего. Довольно часто попадались навстречу «гномики», по одному либо группами, спешившие по неведомым своим делам. Лазаря ни разу не потревожили и не расспрашивали, куда он направляется, просто приветствовали, как добрые, старые друзья. Лазарь принялся гадать, встретился ли ему вообще хоть один незнакомый «гномик». Появилось неприятное ощущение слежки.

Постепенно ночи становились холоднее, да и дни тоже. Малый Народец встречался все реже, и однажды, не встретив за день ни одного «гномика», Лазарь остановился. Он провел на этом месте весь следующий день, посвятив его исследованию своего душевного состояния.

Пришлось признать, что никакой серьезной причины для неприязни к планете и ее обитателям нет. Тем не менее он был абсолютно уверен: ему это место не по вкусу. Ни одно известное Лазарю философское учение ничего не разъясняло толком насчет смысла человеческой жизни или того, как нужно жить. Возможно, кому-нибудь нравится греться на солнышке — только не ему; это Лазарь знал точно, хоть и не мог объяснить почему.

Решение, предопределившее участь Семей, сейчас казалось ему неисправимой ошибкой, гораздо достойнее было бы остаться и отстаивать свои права, даже если бы Семьям суждено было погибнуть. Но вместо этого они пролетели полвселенной, чтобы отыскать себе тихий уголок, а он оказался занят существами, слишком уж превосходящими людей, для того чтобы с ними можно было сосуществовать. К тому же существа так были уверены в своем превосходстве, что даже не истребили незваных гостей, а просто вышвырнули на эту ухоженную поляну для гольфа.

Такие действия сами по себе являются не чем иным, как издевательством! «Нью-Фронтирс» являлся высшим достижением технической мысли человека, а его перенесли через пространство так

же легко, как пушинку!

Малый Народец, кажется, не собирался гнать людей с планеты, но по-своему деморализовал их не меньше, чем боги джокайра. Отдельно взятый туземец был равен сознанием младенцу, но коллективный их интеллект оставлял далеко позади лучшие умы человечества, в том числе и Энди. Людям даже не приходилось надеяться достигнуть когда-нибудь такого уровня. Скорее кустарная мастерская выдержит конкуренцию с автоматизированной киберфабрикой. Если люди, будь это осуществимо, и согласятся на подобную ассимиляцию — в чем Лазарь очень сомневался, — то утратят право называться людьми — в чем Лазарь был абсолютно уверен.

Естественно, сам он при любом раскладе предпочел бы остаться человеком. Но он и был человек!

Дни шли, а Лазарь все спорил с самим собой. Его терзали противоречия, не дающие людям покоя с тех пор, когда первая обезьяна осознала себя как личность. Эти противоречия не решались ни с помощью набитого желудка, ни с помощью хитроумных машин. Итог бесконечных размышлений Лазаря ничем не отличался от того, к которому сводились все духовные иска-

ния его далеких предков: зачем все это? для чего живет человек? Ответа не было. Росла только подсознательная уверенность: для праздного времяпрепровождения человек не предназначен.

Тревожные раздумья неожиданно прервал один из «гномиков»:

— …привет тебе, старый друг… твоя жена Кинг желает твоего возвращения и твоего совета…

— Что там стряслось? — спросил Лазарь.

На этот вопрос «гномик» то ли не мог, то ли не хотел отвечать. Затянув потуже пояс, Лазарь двинулся на юг.

— …идти медленно нет надобности… — раздалось в его голове.

«Гномик» привел Лазаря на поляну за небольшой купой деревьев. Там стояло яйцевидное сооружение высотой около шести футов. Оно было совершенно гладким, если не считать дверцы сбоку. Туземец вошел внутрь, а за ним с трудом протиснулся Лазарь. Дверь закрылась… и почти тут же отворилась вновь. Лазарь обнаружил, что находится на пляже, неподалеку от земной колонии. Ничего себе!

Он поспешил к шлюпке, отведенной Кингом и Барстоу под административный центр.

— Посылали за мной, капитан? Что случилось?

Лицо Кинга было суровым.

— Это касается Мэри Сперлинг.

Лазарь почувствовал холодок меж лопаток.

— Умерла?

— Н… не совсем. Она ушла к Малому Народцу. «Вышла замуж» в одну из групп.

— Что-о?! Быть не может!

Лазарь оказался неправ. Конечно, о смешении людей с «гномиками» и речи быть не могло, но при наличии симпатии и обоюдного желания человеку ничто не мешало присоединиться к одному из коллективных «я», растворив в нем свою индивидуальность.

Мэри Сперлинг, постоянно терзаемая мыслями о неизбежной смерти, нашла выход в бессмертии коллективного «я». Встав перед извечной проблемой жизни и смерти, она не отдала предпочтения ни той, ни другой. Она просто потеряла себя, отыскав группу, которая ее приняла.

— Это порождает массу новых проблем, — подытожил Кинг. — Слэйтон, Заккур и я сам решили, что тебе лучше быть рядом.

— Ну конечно… Но где Мэри? — в ужасе воскликнул Лазарь и, не дожидаясь ответа, бросился наружу. Промчавшись через лагерь и не реагируя на попытки остановить его, он наткнулся

на одного из туземцев. Остановившись, Лазарь спросил:

— Где Мэри Сперлинг?

— …я — мэри сперлинг…

— О, Господи… Ты же не можешь ею быть!

— …я — мэри сперлинг, а мэри сперлинг — я… ты не знаешь меня, Лазарь?.. я тебя знаю…

Лазарь замахал руками:

— Нет! Я хочу видеть ту Мэри Сперлинг, что выглядит по-человечески — как и я сам!

— Идем, если так… — поколебавшись, отвечал «гномик».

Лазарь увидел Мэри в отдалении от лагеря. Ясно было: она избегает остальных землян.

— Мэри!

Она ответила ему мысленно:

— …жаль видеть тебя в беспокойстве… мэри сперлинг больше нет… теперь она — лишь часть нас…

— Ох, Мэри, брось ты это дело! Не валяй дурака! Ты что, не узнаешь меня?

— …узнаю… Лазарь, это ты не знаешь меня… не терзай свою душу видом стоящего перед тобой тела… я — не одна из вас… я принадлежу этому миру…

— Мэри, — настаивал он, — ты должна отка-

заться от этого! Ты должна выйти оттуда!

Она покачала головой — совсем по-человечески, хотя в лице ее ничего человеческого больше не было: оно превратилось в маску, скрывающую под собой нечто совершенно другое.

— …невозможно… мэри сперлинг нет… говорящий с тобой часть нерасторжимого «я»…

Существо, бывшее когда-то Мэри Сперлинг, повернулось и пошло прочь.

— Мэри! — отчаянно закричал Лазарь. Так плохо ему было только однажды, двести лет назад, в ту ночь, когда умерла его мать. Закрыв лицо руками, Лазарь по-детски безутешно зарыдал.

5

Вернувшись в лагерь, Лазарь увидел, что Кинг с Барстоу ждут его. Кинг заглянул в его глаза:

— Я бы тебе и сам все рассказал, но ты не дождался.

— Ладно, забыли, — коротко ответил Лазарь. — А дальше-то что?

— Лазарь, — сказал Барстоу, — тебе следует увидеть еще кое-что, прежде чем мы приступим к решению этого вопроса.

— Ну ладно. А что именно?

— Идем.

Они привели Лазаря к одной из кают «административной» шлюпки. Вопреки установившимся в лагере обычаям, дверь была на замке. Кинг повернул ключ, и они вошли. Внутри находилась женщина. Увидев их, она тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

— Вот погляди, — кивнул Барстоу. Он указывал на небольшой инкубатор. В инкубаторе лежал ребенок — но подобных детей никто до сих пор не видел. Лазарь изумленно уставился на него, а затем спросил:

— Что за черт…

— Смотри сам. Хочешь, на руки возьми, ему не повредит.

Лазарь поднял ребенка, вначале с брезгливым страхом, который вскоре сменился любопытством. Он не мог понять, что же это такое. Ребенок не мог родиться от человека. На отпрыска «гномиков» он тоже не был похож. Неужели планета, как и предыдущая, служит домом еще одной расе, о существовании которой земляне до сих пор ничего не знают?

Без всяких сомнений, Лазарь держал на руках ребенка, но не человеческого. Ни крошечного детского носика, ни ушных раковин — на их месте находились некие органы, не выступавшие над черепом и защищенные костяными пластинками. На ручках ребенка было слишком много пальчиков, а у запястий — еще по одному пальцу, увенчанному пучком розовых червеобразных отростков. Тельце ребенка тоже было каким-то странным, но Лазарь не мог понять, почему. Сразу в глаза бросалось только то, что ноги оканчивались не ступнями, а беспалыми, роговыми копытцами, и еще поражала взгляд ярко выраженная двуполость. Существо было самым настоящим андрогином.

— Где вы его откопали? — спросил Лазарь, хотя

в мозгу его уже зрела ужасная догадка.

— Это Марион Шмидт, — ответил Заккур. — Родилась три дня назад.

— Это… Это как же?..

— А вот так. Похоже, «гномики» умеют проделывать фокусы не только с растениями.

— Так ведь они клялись, что не будут лезть в наши дела!

— Погоди, не торопись их ругать. Мы сами согласились. Поначалу речь шла только о некоторых улучшениях.

— Это называется «улучшения»?! Да на него тошно смотреть!

— Меня тоже выворачивает при одном взгляде на это, но на самом деле он — что-то вроде сверхчеловека. Строение его тела изменено, чтобы служить владельцу наилучшим образом; все, доставшееся в наследство от обезьян, убрано, а органы расположены более рационально. То есть нельзя сказать, что оно не является человеком — это просто… улучшенная модель. Взять хоть дополнительные пальцы у запястий — это же, фактически, две дополнительные руки, только маленькие. А у основания каждой из них маленький глаз. Сам понимаешь, какие тут открываются возможности, к нему нужно

только привыкнуть. — Барстоу снова посмотрел на младенца. — И все же, на мой взгляд, существо совершенно омерзительное.

— Оно на чей угодно взгляд ужасно, — Лазаря передернуло. — Модель там, может, и улучшенная, но если оно — человек, то я тогда… уж и не знаю кто!

— В любом случае это существо создает для нас проблемы.

— Еще бы! — Лазарь опять взглянул на предмет беседы. — Значит, возле этих маленьких ручонок еще и пара глаз? Это же ни в какие ворота!..

Барстоу пожал плечами.

— Я не биолог, но, насколько мне известно, каждая клетка тела содержит полный набор хромосом. Думаю, можно вырастить хоть глаз, хоть кость, хоть черт знает что — если только знать, как манипулировать генами. А Малый Народец это знает…

— Но я не желаю, чтобы мной… манипулировали!

— Я тоже.

Лазарь стоял на берегу и разглядывал толпящихся в ожидании собрания людей.

— Я… — начал он, как полагалось, но затем озадаченно смолк. — Погодите-ка! Энди, поди

сюда на минутку!

Они пошептались о чем-то. Похоже, слова Либби вызвали у Лазаря досаду, однако он выпрямился и спокойно продолжал:

— Мне по крайней мере двести сорок один год. Есть здесь кто-нибудь старше?

Все это было пустой формальностью. Он знал, что является самым старшим, и прожитые годы давили на него сейчас вдвое сильней.

— Открываю Совет, — объявил Лазарь. Его зычный голос разносился по берегу, усиленный громкоговорителями со шлюпки. — Кого в председатели?

— Продолжай сам! — крикнули из толпы.

— Хорошо. Заккур Барстоу! Вам слово.

Стоявший позади Лазаря техник навел на Барстоу направленный микрофон.

— Заккур Барстоу, — загремели динамики, — от собственного имени. Некоторые из нас полагают, что эта планета, несмотря на все ее достоинства, людям не подходит. Вы знаете, что случилось с Мэри Сперлинг. Вы видели стереоснимки Марион Шмидт. И многое другое — не стану перечислять, чтобы не тратить драгоценное время. Однако если снова отправляться в полет, возникает вопрос: куда? Лазарь Лонг предлагает вернуться на

Землю. При этом…

Шум толпы заглушил его слова. Лазарь, урезонивая крикунов, объявил:

— Никто никого никуда силком не тянет! Однако если такое решение примет достаточное количество людей, чтобы оправдать использование звездолета, попробовать можно. Я предлагаю лететь на Землю! Другие склоняются к поискам новой планеты. Надо решить: что же делать? Для начала: кто согласен с тем, что эта планета человеку не подходит?

— Я!!!

Крик был подхвачен множеством голосов. Лазарь попробовал отыскать взглядом первого, но не найдя, крикнул в толпу:

— Выходи, старина! А остальные, заткнитесь пока что!

— Я — Оливер Шмидт, я уже несколько месяцев жду, что кто-нибудь предложит лететь отсюда прочь! Я-то думал, одного меня все это беспокоит. То есть особых причин улетать у меня нет; то, что случилось с Мэри Сперлинг и Марион Шмидт, меня не пугает. Но здешние края у меня в печенках сидят! И жутко хочется снова увидеть Цинциннати… Нет, если кому-то тут нравится, так за ради бога! А я, дьявол меня дери, хочу сам зарабаты-

вать себе на жизнь, а не жевать черт знает что с деревьев! Если верить нашим генетикам, я еще добрую сотню лет протяну, и не представляю, как не подохну со скуки, ковыряя в носу да валяясь на песочке!

Когда он закончил, на помост пожелали забраться по крайней мере еще с тысячу человек.

— Эй, легче! — заорал Лазарь. — Осади назад! Если всем сразу приспичило, так пусть говорят представители Семей! А пока что дадим слово одному или двум.

Он указал на человека, стоящего поблизости.

— Я много времени не займу, — сказал новый оратор, — так как с Оливером Шмидтом полностью согласен. Только хочу изложить мои собственные причины. Как вы, вообще, можете без нашей Луны? На Земле, бывало, сиживал я теплым летним вечерком, покуривал себе, да глядел на Луну. Черт побери, я и думать не думал, что мне это так нужно! В общем, я не могу без Луны…

Следующий оратор сказал только:

— Случай с Мэри Сперлинг меня сильно встревожил. Не поверите, кошмары по ночам начались! Все время снится, будто со мной произошло то же самое…

Споры затянулись. Кто-то заметил, что если с Земли пришлось бежать, то где уверенность, что их обязательно пустят обратно?

На это ответил сам Лазарь:

— Мы много чему научились у джокайра, еще больше узнали от Малого Народца. О таких знаниях земные ученые и слыхом не слыхали! Так что не с пустыми руками возвращаемся. Вернемся и потребуем соблюдения наших прав. И сил у нас теперь хватит, чтобы их, если что, отстоять!

— Лазарь Лонг… — раздался голос откуда-то из толпы.

— Да, — отозвался Лазарь. — Ты там продолжай пока, продолжай…

— Я слишком стар, чтобы носиться от звезды к звезде. Да и для войны тоже. Что бы ни решили остальные, я остаюсь здесь.

— В таком разе, — ответил Лазарь, — тут нечего и обсуждать.

— Но ведь я имею право высказаться.

— Да, имеешь — уже высказался. Теперь дай другим.

Солнце закатилось, на небе появились звезды, а спор не прекращался. Лазарь понял, что если вовремя не употребить власть, это может длиться до бесконечности.

— Ладно, ладно, — гаркнул он, не обращая внимания на тех, кто просил слова. — Вероятно, вопрос придется передать на рассмотрение Семейного Совета, а теперь предлагаю голосовать. Кто хочет вернуться на Землю, пусть соберутся справа. Кто хочет остаться — слева. А передо мной пусть встанут те, кто хочет искать новую планету! — Отступив назад, он шепнул технику: — Заведи-ка какую-нибудь музыку, чтобы двигались поживей.

Тот понимающе кивнул, и над пляжем зазвучали до боли знакомые и родные звуки «Печального вальса», за ним последовали «Зеленые холмы Земли». Заккур Барстоу обратился к Лазарю:

— Музыку ты специально подобрал?

— Я? — невинно переспросил Лазарь. — Зак, ты же знаешь: я в музыке не разбираюсь.

Но и под музыку распределение шло слишком медленно. Последние такты бессмертной Пятой симфонии замерли задолго до конца голосования.

Слева, демонстрируя желание остаться, собралась примерно десятая часть родичей, в большинстве своем уставшие от жизни старики. Там же оказалось немного никогда не видавших Земли и буквально несколько человек среднего

возраста.

В центре группа была совсем невелика — что-то около трехсот человек — в основном мужчины и с десяток молодых женщин, ратовавших за поиски нового мира.

Но подавляющее большинство родичей собралось справа. Взглянув на них, Лазарь увидел на лицах воодушевление, что его немало порадовало. Он боялся, что окажется единственным желающим возвращения.

Он перевел взгляд на центральную группу.

— Вы, похоже, в меньшинстве. Но ничего, вам еще предоставится случай порезвиться.

Постепенно средняя группа стала рассасываться. Одни присоединились к остающимся, другие перешли к отправляющимся на Землю. Когда перераспределение завершилось, Лазарь обратился к группе слева:

— Ладно. Вы теперь можете спокойно продолжать отдых на травке, а нам надо бы еще кое-что обсудить.

Он дал слово Либби. Тот объяснил, что обратный перелет вовсе не будет столь долог и утомителен, как начатый с Земли, он займет даже меньше времени, чем последний прыжок на планету Малого Народца. Общение с туземцами,

сказал он, позволило ему устранить все неясности в теории передвижения со сверхсветовой скоростью. Если верить утверждениям «гномиков» — а Либби был склонен им поверить, — любые расстояния могут быть преодолены в процессе, условно названном параускорением. «Пара», потому что оно, с одной стороны, подобно его собственному межзвездному двигателю, действует одновременно на всю массу, не увеличивая при этом силу тяжести, а с другой — воздействует на корабль так, что тот не пересекает пространство, а минует его, двигаясь вне его пределов. Но это уже не вопрос управления кораблем, а вопрос выбора соответствующего потенциального уровня в гиперпространстве с энным количеством измерений, где эн-плюс-один является…

Лазарь твердо оборвал его:

— Родной, это уж твои проблемы, и мы все тебе полностью доверяем. А нас, понимаешь, в школе таким тонкостям не обучили…

— Но я только хотел бы добавить…

— Знаю, знаю. Но ты уже и так ничего вокруг не замечаешь.

— А когда мы доберемся до Земли? — выкрикнули из толпы.

— Не знаю, — отвечал Либби, вспомнив вопрос,

заданный ему когда-то Нэнси Уэзерэл. — Не могу сказать, какой год будет на Земле, но для нас пройдет только три недели.

Приготовления к отлету заняли довольно много времени — в основном потому, что тоннаж шлюпок не позволял перевезти на корабль всех сразу. Не было никаких торжественных проводов и прощаний: остающиеся явно избегали улетающих. Между двумя группами установились более чем прохладные отношения. Раскол в тот вечер покончил со многими дружескими и даже брачными союзами, породил много горечи и взаимных обид. Пожалуй, приятного в нем было только то, что родители Марион Шмидт тоже решили остаться.

Лазарь руководил отправкой последней шлюпки. Незадолго до старта кто-то тронул его за локоть.

— Прошу прощения, — начал юноша. — Я — Хьюберт Джонсон. Я хочу лететь с вами, но при голосовании побоялся показать это матери. Ух, она ругалась бы! Вы возьмете меня, если я прибегу к отлету?

Лазарь окинул его оценивающим взглядом:

— Вроде бы ты достаточно подрос, чтобы решать самому…

— Вы не понимаете… Я у матери единственный сын, она глаз с меня не спускает! И сейчас вот бежать надо, пока не хватилась… Вы скоро собираетесь…

— Задерживать шлюпку ради тебя я в любом случае не стану. И ради кого другого тоже. Давай, полезай.

— Но…

— Быстренько!

Юноша полез в люк, тревожно оглядываясь на берег. Да, подумал Лазарь, вот и рассуждай тут об эктогенезе.

Едва пристыковавшись к «Нью-Фронтирс», Лазарь отправился к капитану.

— Все? — спросил Кинг.

— Все. Несколько человек передумали, а несколько в последний момент решили лететь. В том числе одна женщина — Элеонора Джонсон. Можно стартовать.

Кинг обратился к Либби:

— Ну что ж, мистер, вперед!

Звезды с экрана исчезли.

Они летели вслепую, держа курс лишь благодаря уникальному таланту Либби. Если тот и сомневался в правильности направления, то счел за лучшее не говорить об этом вслух.

На двадцать третий по корабельному времени день, и на одиннадцатый день паратормождения, на экране замерцали звезды.

Небосвод вновь украшали знакомые созвездия: Большая Медведица, громадный Орион, кривобокий Крест, волшебные Плеяды… Прямо по курсу, затмевая своим сиянием Млечный путь, плыл золотой, сверкающий шар — Солнце.

Лазарь — уже во второй раз за прошедший месяц — прослезился.

Корабль не мог просто подойти к Земле, стать на орбиту и приступить к выгрузке — следовало осмотреться, выяснить обстановку, и, кроме того, хотя бы узнать, какой нынче год.

Либби наскоро определил по смещению ближайших звезд, что сейчас… что-то около 3700 года нашей эры. Уточнять дату он отказался, сославшись на отсутствие достаточно точных приборов. Однако стоило им подойти ближе к системе, солнечные часы с девятью стрелками-планетами помогли определиться. С помощью этих девяти стрелок можно было установить точную дату, ведь у каждой из них — свой период обращения. Плутон отмечает свой час в четверть тысячелетия длиной, Юпитер отбивает космические минуты, равные двадцати годам, Меркурий

отщелкивает каждую «секунду», то есть девяносто дней. А остальные стрелки скорректировали данные: период обращения Нептуна отличается от периода обращения Плутона таким образом, что они образуют одинаковые фигуры примерно лишь раз в семьсот пятьдесят восемь лет. Показания этих исполинских часов можно высчитать с любой степенью точности, хоть это и не так просто.

Либби начал расчеты, едва на экране показались планеты.

— А, чтоб его… Плутона не найти, — ругнувшись сквозь зубы, пожаловался он Лазарю. — Да и Нептуна, кажется, тоже не разглядим. А внутренние планеты дают только бесконечный ряд приближений. Вот свинство!

— Родной, да не бери ты в голову! Ты можешь сказать хоть что-нибудь определенное? Если нет, так давай я сам посчитаю.

— Зачем же, конечно могу, — капризно протянул Либби, — если это тебя устроит… Однако…

— Кончай «однакать», зануда хренова! Какой на Земле год?

— Ах, это… Так бы сразу и сказал.

Дело обстояло так. Корабельное и земное время расходились трижды. Однако теперь они снова

синхронизировались, и оказалось, что с момента отлета прошло чуть больше семидесяти четырех лет.

Лазарь облегченно вздохнул. Он очень боялся, что за время его отсутствия Земля может измениться до неузнаваемости. Может, там уже снесли ко всем чертям Нью-Йорк или сотворили еще что-нибудь в том же роде.

— Черт возьми, Энди! Нельзя же так людей пугать!

— А-а? — рассеянно ответил Либби. Эта задача больше не представляла для него интереса. Теперь имелся другой лакомый кусочек — разработка матописания двух совершенно противоречивых групп фактов: данных экспериментов Майкельсона-Морли,[26] с одной стороны, и, с другой — бортжурнала «Нью-Фронтирс». Он с восторгом принялся обдумывать возможные варианты. Интересно, чему должно быть рав-

---

[26] Примечания: 26

Альберт Абрахам Майкельсон (1852–1931) — американский физик, президент Национальной Академии наук (1923–1927), лауреат Нобелевской премии 1907 года. В 1881, 1886–1887 и 1929 годах провел серию опытов по обнаружению так называемого «эфирного ветра» (то есть движения Земли относительно неподвижного эфира). Часть экспериментов проводилась совместно с другим американским физиком, Морли. Опыты показали, что скорость света не зависит от направления движения, и легли в основу теории относительности Альберта Эйнштейна.

но минимальное количество параизмерений, необходимое для того, чтобы содержать в себе расширенное многообразие, если использовать систему постулатов, утверждающую… Он наслаждался задачей довольно долго — в субъективном, само собой, времени.

Корабль стал на временную орбиту в полумиллиарде миль от Солнца с радиус-вектором, перпендикулярным плоскости эклиптики. Пристроившись таким манером к блину, именуемому Солнечной системой, и довольно далеко от него, они долго могли оставаться незамеченными. Одну шлюпку оборудовали новым приводом Либби; на ней к Земле отправилась группа парламентеров.

Лазарь хотел лететь с ними, но капитан твердо возразил против этого. Лазарь пришел в ярость, и Кинг как мог вежливо объяснил отказ:

— Лазарь, это ведь не группа захвата, а дипломатическая миссия.

— Какого дьявола?! Когда надо, я тоже могу быть дипломатом!

— Не сомневаюсь. Но все же лучше послать человека, который не таскает с собой бластера даже в сортир.

Группу возглавил Ральф Шульц — его знание

психодинамики могло решить все. Сопровождали его юристы, военные и инженеры. Если Семьям, паче чаяния, придется отстаивать свое право на жизнь с оружием в руках, то знать, с какой технологией и вооружением придется иметь дело, вовсе не лишне.

Однако в первую очередь следовало подготовить почву для мирного решения проблемы. Шульцу поручили представить к рассмотрению план, по которому Семьям будет дано право колонизировать малонаселенную, отсталую Европу. Учитывая период полураспада активных элементов, возможно, что Европа уже освоена — в этом случае Шульц должен искать пути к компромиссу.

И снова томительное ожидание…

Лазарь грыз ногти от нетерпения. Он публично заверял родичей в бесспорном научном превосходстве Семей, позволяющем дать отпор любому врагу, но про себя, как и всякий здравомыслящий человек, понимал, что прибегает к уловкам, сильно отдающим демагогией: одними знаниями войны не выиграть. Невежественные фанатики средневековой Европы подавили более развитых по культуре мусульман. Архимед был зарублен простым солдатом. Рим пал под натиском вар-

варов. Либби — или кто-нибудь еще — может попробовать изобрести на основе имеющихся знаний оружие, которому невозможно противостоять. Но как знать, чего достигли земные ученые за семьдесят пять лет?

Искушенный в военном деле, Кинг беспокоился не только по поводу техники, но и по поводу потенциального воинского состава. В большинстве своем родичи были кем угодно, но только не солдатами, и мысль о том, как превратить людей, помешавшихся на своей индивидуальности, в некое подобие дисциплинированного подразделения, не давала ему спать по ночам.

Своими страхами и сомнениями Лазарь и Кинг не делились ни с кем — даже друг с другом: оба они опасались возникновения паники на борту. Но они не были одиноки в своих тревогах: половина родичей отлично понимала уязвимость и неопределенность своего положения. Молчали лишь потому, что очень хотели вернуться домой. И мысль о возвращении примиряла с возможными опасностями.

— Капитан, — спросил Лазарь Кинга через две недели после отбытия парламентеров, — а ты не задумывался, как земляне отреагируют на появление «Нью-Фронтирс»?

— Ты о чем?

— Ну, корабль мы ведь захватили, а это пиратство.

— И верно, — удивился Кинг. — Черт возьми! Сколько воды утекло. Знаешь, я уже представить себе не могу, что это не мой корабль, что я попал на него в результате бандитского нападения. — Он мрачно улыбнулся. — Интересно, как там теперь, в Ковентри?

— Пайки небось урезали, — сказал Лазарь. — Ладно, затянем потуже пояса и будем стойко переносить лишения. К тому же нас пока еще не поймали.

— А как ты думаешь, Форда тоже притянут к ответу? Тяжеленько ему придется после всего пережитого.

— А по-моему, беспокоиться нам не о чем, — заявил Лазарь. — Хоть мы и взяли этот корабль без спросу, но воспользовались им прямо по назначению: звезды исследовали. А теперь вернем в целости и сохранности — и к тому же гораздо раньше запланированного срока. Вряд ли они могли ожидать от него большего, когда вкладывали денежки в постройку. А значит, придется посмотреть сквозь пальцы на некоторые шалости блудных сыновей и зарезать упитанного

тельца в честь их возвращения.

— Твоими бы устами да мед пить…

Парламентеры опоздали на два дня. От них не было никаких известий до тех пор, пока шлюпка не вынырнула из парапространства у самого корабля. Для связи между пространством и парапространством так и не удалось ничего изобрести. Пока шлюпка подходила к шлюзу, Кинг увидел на экране видеофона лицо Ральфа Шульца.

— Алло, капитан! Как только ступлю на борт, тут же представлю рапорт!

— Кратко: как дела?

— Даже не знаю, с чего начать. Но все в порядке, мы можем возвращаться домой!

— Как? Повторите!

— Все в полном порядке! Мы восстановлены в правах, гарантированных Ковенантом. Дело в том, что теперь все люди являются членами Семей!

— Что вы имеете в виду? — спросил Кинг.

— Они добились!

— Чего добились?

— Средства для продления жизни!

— Не болтайте вздора! Никакого средства не было!

— Это у нас не было! Но они-то думали, что есть! И открыли его!

— Объясните, — настаивал Кинг.

— Капитан, давайте подождем возвращения на корабль, — возразил Шульц. — Я же не биолог. Мы привезли с собой представителя властей — вот он пусть все и объяснит.

6

Кинг принял представителя Земли в своей каюте. Он поручил Заккуру Барстоу и Джастину Футу представлять Семьи и пригласил доктора Харди, потому что суть поразительных открытий касалась именно биологии. Присутствовал и Либби — как старший офицер. И Слэйтон Форд оказался в числе приглашенных, хотя формально не занимал никаких должностей со времени болезни. А Лазарь пришел сам, в качестве частного лица, просто потому, что хотел присутствовать на встрече. Его никто не приглашал, но даже капитан испытывал глубокое почтение к общепризнанным правам старейшего.

Ральф Шульц представил собравшимся посла с Земли.

— Капитан Кинг, командир корабля. Капитан, позвольте представить вам Майлса Родни, уполномоченного Синедриона, чрезвычайного посла. Думаю, последнее наиболее отвечает обстановке.

— Нет, вряд ли, — ответил Родни. — Хотя я, пожалуй, до некоторой степени согласен со словом «чрезвычайный». Ситуация не имеет прецедента. Рад нашему знакомству, капитан.

— Рад видеть вас на борту, сэр.

— А это — Заккур Барстоу, представитель Поверенных в делах Семей Говарда, и Джастин Фут, секретарь Поверенных.

— Добрый день.

— Мое почтение, джентльмены.

— Эндрю Джексон Либби, старший астрогатор, доктор Гордон Харди, биолог, возглавляющий исследования в области геронтологии.

— Рад буду оказаться полезным, — несколько официально сказал Харди.

— Мое почтение, сэр. Значит, вы — главный исследователь. Когда-то у вас была возможность принести пользу всему человечеству. Подумайте об этом, сэр, как все могло бы обернуться. Но человечество, к счастью, смогло раскрыть секрет долголетия без помощи Семей Говарда!

Харди был в недоумении:

— Что вы хотите сказать, сэр? Может быть, вы до сих пор пребываете в бесполезном заблуждении относительно наличия у нас некоего мифического секрета долголетия, которым мы не хотим делиться?

Родни пожал плечами и развел руками:

— Ну, ладно… Ведь теперь вам нет нужды ничего скрывать. Мы сами смогли достигнуть тех

же результатов.

В разговор вмешался Кинг:

— Минутку. Ральф Шульц! Действительно ли Федерация до сих пор считает, что наше долголетие основано на каком-то «секрете»?! Разве вы не объяснили?..

— Да это же просто смешно! — отмахнулся Шульц. — Об этом и речи не было! Они добились успехов в продлении человеческой жизни, и мы их в этом смысле больше не интересуем. Да, до сего момента считалось, что наше долголетие — результат каких-то манипуляций, а не наследственности, но я постарался рассеять эти заблуждения.

— Судя по словам Майлса Родни, не слишком-то вы старались!

— Ну, верно… Но это просто не нужно! Семьи Говарда со своим долголетием сейчас никого на Земле не интересуют! Интерес общественности и властей в данный момент вызывает факт удачно совершенного нами межзвездного перелета.

— Это так, — согласился Майлс Родни. — Любой государственный служащий, любой гражданин, любая служба новостей, а наипаче, любой ученый системы с нетерпением ждет прибытия «Нью-Фронтирс». Это — величайшая сенсация с

момента первой высадки человека на Луну! Вы знамениты, джентльмены! Все вы!

Оттянув в сторону Заккура Барстоу, Лазарь что-то зашептал ему на ухо. Поначалу Барстоу отмахивался, но вскоре глубокомысленно кивнул.

— Капитан!

— Что, Зак?

— Я думаю, следует извиниться перед гостем и выслушать отчет Ральфа Шульца.

— Но почему?

Барстоу обратился к Родни:

— Думаю, после этого мы лучше подготовимся к обсуждению вопросов с вами.

— Вы извините нас, сэр? — обратился Кинг к Родни.

— Шкипер, не бери в голову, — вмешался Лазарь. — Зак-то дело говорит, только уж очень тут политес разводит. Мог бы и сам попросить этого Родни подождать за дверью, пока мы промеж себя все утрясем. Вот ты, Майлс, как ты можешь нам доказать, что все вы — и ты в том числе — можете жить так же долго, как мы?

— Доказать? — Родни был шокирован. — А, собственно, почему вы требуете доказательств? Кто вы такой, сэр?

Ральф Шульц поспешил опередить Лазаря:

— Прошу прощения, я не успел представить всех присутствующих. Майлс Родни, позвольте вам представить: Лазарь Лонг, старейший.

— Очень рад. Что значит «старейший»?

— Это значит старейший, и все тут, — отрезал Лазарь. — Я самый старший из всех нас, а в остальном — лицо частное.

— Старейший из Семей Говарда! Но в таком случае вы старше всех на свете?! Вот это да! Удивительно!

— Не вижу ничего удивительного, — буркнул Лазарь. — Меня это перестало удивлять лет двести назад. Так как с моим вопросом?

— Но я просто поражен! Я… я ребенком себя чувствую, хоть далеко уже не мальчик. В июне мне исполнится сто пять лет.

— Вот если ты сможешь это доказать, я от тебя отвяжусь. На вид тебе лет около сорока. Что скажешь?

— Господи Боже, я вовсе не ожидал, что мне придется подтверждать свой возраст. Может быть, хотите посмотреть мои документы?

— Смеешься, что ли? У меня этих документов сменилось штук пятьдесят, и во всех годы рождения разные. Что еще скажешь?

— Погоди, Лазарь, — вмешался Кинг, — а тебе

для чего?

— Мы бежали с Земли, спасая свою шкуру потому, что какие-то идиоты решили, что у нас имеется средство для продления жизни, и хотели вытянуть его из нас любой ценой. Вот теперь они более, чем радушны, — или там притворяются, не знаю… Но странно, что сей голубок, посланник мира, по-прежнему убежден в существовании этого секрета.

— Да, странно…

— А теперь представьте, что они на самом деле так и не добились никакого продления жизни и до сих пор уверены, что нам такой секрет известен. И не хотят ли они тем самым усыпить нашу бдительность, а потом, заманив в ловушку, как следует допросить?

— Что за бред, — фыркнул Родни. — Капитан, я не думаю, что меня пригласили сюда выслушивать подобную чушь!

Лазарь холодно взглянул на него.

— Это и нам в прошлый раз казалось бредом, а вот поди ж ты! Кто на молоке обжегся…

— Помолчите минутку, оба, — приказал Кинг. — Ральф, что скажешь? Тебя не могли обмануть?

Шульц погрузился в раздумья.

— Н-не думаю, — протянул он наконец. — Хотя

сказать трудно. Ведь любого из наших в толпе не отличить.

— Но ты же психолог! Ты же должен был почувствовать!

— Да, я всего-навсего психолог, а не ясновидец и не телепат! Я специально не выискивал никаких подвохов. — Он застенчиво улыбнулся. — К тому же тут есть еще одно «но». Я был слишком возбужден возвращением домой, чтобы ждать обмана.

— То есть ты не уверен?

— Ну, эмоционально я совершенно уверен, что Майлс Родни говорит правду…

— Я и говорю правду!

— …и считаю, что несколько вопросов вполне могут внести в дело ясность. Он утверждает, что ему сто пять лет. Это можно проверить.

— Понятно, — сказал Кинг. — Э-э-э… Приступай, Ральф.

— Хорошо. Вы позволите, мистер Родни?

— Начинайте, — неприязненно буркнул Родни.

— С тех пор как мы покинули Землю, прошло около семидесяти пяти лет. Вам, следовательно, должно было быть около тридцати. Вы помните наш отлет?

— И очень хорошо. Я был клерком в Башне Новака, в офисе Администратора.

На протяжении беседы Слэйтон Форд держался в тени и старался не привлекать внимания. При последних словах Родни он выпрямился в кресле:

— Минутку! Капитан…

— Слушаю вас?

— Наверное, тут я смогу помочь. Вы позволите, мистер Шульц?

Он обратился к земному уполномоченному:

— Скажите, вы меня не узнаете?

Родни озадаченно вгляделся в его лицо, затем удивление сменилось безграничным потрясением:

— Да вы же… вы — Администратор Форд?!

7

— По одному! По одному! — кричал Кинг. — Говорите по очереди! Продолжаем. Слэйтон, тебе слово. Ты знаешь этого человека?

Форд внимательно посмотрел на Родни.

— Этого я сказать не могу…

— Тогда вы, — обратился капитан к Родни, — просто узнали Форда по архивным фотографиям, так?

Похоже, Родни готов был взорваться:

— Нет! Я узнал его лицо! Он очень изменился, но я узнал его. Господин Администратор, вы вспомните! Неужели вы меня не узнаете? Я ведь работал с вами!

— Судя по всему, только в воображении, — сухо отметил Кинг.

Форд покачал головой.

— Нет, капитан. Это еще ни о чем не говорит. Со мной работали около двух с половиной тысяч служащих. Родни вполне мог быть одним из них. Лицо его мне как будто знакомо, но не более, чем большинство лиц в толпе.

— Капитан, — заговорил доктор Харди, — если мне будет позволено задать Майлсу Родни

несколько вопросов, я мог бы попробовать определить, правда ли, что причины старения выяснены.

— Я же не биолог, — покачал головой Родни. — Вы всегда сможете поймать меня на неточностях. Капитан Кинг! Прошу предоставить мне возможность как можно скорее возвратиться на Землю. У меня нет ни малейшего желания подвергаться допросу и далее. Позвольте также добавить, что меня ни в коей мере не тревожит судьба вашего экипажа и вас лично. Я прилетел, чтобы помочь, но теперь очень разочарован.

Он поднялся. К нему подошел Слэйтон Форд.

— Мистер Родни! Успокойтесь, прошу вас. Поставьте себя на наше место и будьте терпеливы. Переживи вы столько, сколько мы, и вы стали бы не менее осторожным и подозрительным.

— Господин Администратор, — Родни колебался, — а что вы здесь делаете?

— Долгая история. При случае я могу вам ее рассказать.

— Вы, наверное, тоже член Семей Говарда. Да, так и есть! Это все объясняет.

— Нет, — покачал головой Форд, — вовсе нет. Впрочем, потом я вам объясню. Итак, вы работали со мной. Когда же?

— С 2109 года до вашего исчезновения.

— И чем занимались?

— Во время кризиса 2113-го я был помощником младшего координатора, отдел экономической статистики, контрольная группа.

— Кто был начальником группы?

— Лесли Уолдрон.

— Старикашка Уолдрон, так? Какого цвета были его волосы?

— Э-э… Но ведь Старикашка был лыс, как колено!

— Да, похоже, я промахнулся, — шепнул Лазарь Заккуру Барстоу.

— Погоди, — ответил Барстоу шепотом, — не исключено, что его тщательно готовили. Вдруг они знали, что Форд с нами?

— А что такое «Священная корова»? — продолжал Форд.

— «Свяще…» Шеф, неужели вы знали об этом?

— Ну, моя разведка кое-чего стоила, — сухо отозвался Форд. — «Священную корову» я получал еженедельно.

— А что это? — полюбопытствовал Лазарь.

— Видите ли, — ответил Родни, — в нашем отделе выпускали неофициальный сатирический журнал…

— …в котором высмеивали своих руководителей, — добавил Форд. — В том числе и меня. — Он приобнял Родни за плечи. — Друзья, теперь нет никаких сомнений. Я действительно работал вместе с этим человеком.

— И все-таки я бы хотел поподробнее узнать о вашей методике продления жизни, — настаивал доктор Харди.

— Да, пожалуй, это всем нам интересно, — подтвердил Кинг. Он взял бокал гостя и снова наполнил его вином. — Будьте добры, сэр, расскажите о ней поподробнее.

— Попробую, — ответил Родни, — хотя доктору придется мне помогать. Процесс состоит из основного и нескольких десятков подсобных, в некоторых из них — особенно касающихся женщин — решаются чисто косметические задачи. В прямом смысле слова все эти процедуры не являются омоложением: наступление старости можно затормозить, но превратить старика в юношу невозможно.

— Это верно, — согласился Харди, — но в чем же заключается суть основного процесса?

— В замене всей массы крови. Я так понимаю: старость — это прежде всего следствие накопления в организме продуктов метаболизма, которые

кровь должна выводить. Но в течение жизни она настолько насыщается ими, что не в состоянии выводить их полностью. Верно, доктор?

— Манера изложения странноватая, но все же…

— Я ведь предупреждал, что совсем не разбираюсь в биологии…

— Суть явления такова. Все дело в недостатке осмотического давления — НОД, при котором клетка постепенно перестает очищаться от продуктов распада. Но, должен вам сказать, мистер Родни, я слегка разочарован. В принципе мысль об отсрочке старения за счет вывода из организма продуктов распада совсем не нова — с помощью техники, обеспечивающей такой процесс, ткань куриного сердца живет у нас уже два с половиной века. А что касается молодой крови, конечно, это подействует. Таким путем я добивался того, что подопытные животные проживали по две жизни…

Разом осекшись, он переменился в лице.

— Слушаю вас, доктор.

Харди прикусил губу.

— Я оставил поиски в этом направлении. Для поддержания жизни и молодости одной особи всегда необходимы несколько молодых доноров.

Такие переливания на донорах сказывались крайне неблагоприятно. И с практической точки зрения метод нерационален — на всех доноров все равно не хватит. Значит, у вас долгая жизнь доступна лишь избранным?

— Да нет же, доктор! Я, вероятно, не слишком хорошо объяснял. У нас доноров нет.

— Что?!

— Молодая кровь, которой хватает на всех, производится искусственным путем, этим занимается Служба Общественного Здоровья и Долголетия. Все группы крови в любом количестве!

— Подумать только, — тихо сказал Харди. — Вот в чем дело. Мы были так близки… — Он ненадолго замолчал. — Мы пробовали получить искусственно ткани костного мозга. Следовало довести дело до конца.

— Не переживайте так. Прежде чем добиться каких-либо результатов, мы потратили миллиарды и засадили за работу тысячи специалистов. Я читал, что силы, брошенные на эти исследования, превосходили все силы, затраченные на научный поиск за всю историю человечества, даже по сравнению с атомной энергетикой. — Родни улыбнулся. — Видите ли, им просто необходимы

были положительные результаты, дело приобрело политическую окраску. — Родни повернулся к Форду. — А знаете, шеф, когда публика узнала о бегстве Семей Говарда, вашего преемника едва удалось спасти от разъяренной толпы.

Харди еще некоторое время продолжал расспрашивать о подробностях вторичных процессов: о выращивании новых зубов, задержках роста, гормонотерапии и о многом другом — пока на выручку гостю не пришел Кинг, напомнив, что основная цель визита — обсуждение условий возврата Семей на Землю.

— Мне кажется, — кивнул Родни, — пора переходить к делу. Я полагаю, капитан, большая часть пассажиров находится в состоянии анабиоза?

— Почему бы не сказать просто: в морозилке? — шепнул Лазарь Либби.

— Именно так.

— Следовательно, в этом состоянии они могут пробыть еще некоторое время?

— А почему вы об этом спрашиваете, сэр?

Родни развел руками:

— Власти сейчас в довольно сложной ситуации. Попросту говоря, жилья у нас не хватает, разместить за один день сто тысяч человек физически невозможно.

Капитану снова пришлось призывать присутствующих к порядку. Затем он кивнул Барстоу, который обратился к Родни:

— Я не вижу в этом серьезных трудностей. Какова на сегодняшний день численность населения Северной Америки?

— Около семисот миллионов.

— И вам трудно подыскать место для одной семидесятой процента?! Звучит не слишком убедительно.

— Но вы не понимаете, сэр, — возразил Родни, — рост населения стал одной из основных наших проблем! И в то же время нам приходится осуществлять право на уединение в собственном жилище, будь то квартира или усадьба. Из всех прав оно теперь наиболее ревностно охраняется. Поэтому прежде чем расселять вас, нужно подобрать подходящее место или придумать еще что-нибудь.

— Все ясно, — сказал Лазарь. — Политики не хотят никого беспокоить, чтобы не поднимать шум!

— Нет, я бы так не сказал.

— А может, у вас там всеобщие выборы на носу?

— В общем, да, но связи здесь никакой!

Лазарь фыркнул. Заговорил Джастин Фут:

— На мой взгляд, Администрация подходит к этому вопросу слишком поверхностно. Мы не какие-нибудь бездомные иммигранты! Большинство из нас — домовладельцы. Как вам, может быть, известно, мы обзаводились каждый в меру своих сил и возможностей недвижимостью. Я уверен, значительная часть построек цела и по сей день.

— Несомненно, — подтвердил Родни, — однако они же заняты.

— Какое нам до этого дело? — пожал плечами Джастин Фут. — Разбираться с теми, кто незаконно захватил наше имущество, это — обязанность правительства. Кстати, это с его позволения наши дома были незаконно захвачены. Лично я постараюсь высадиться одним из первых, добиться ордера на выселение незаконного захватчика в ближайшем суде и вступить во владение своим собственным домом.

— Это не так просто. Можно легко сделать омлет из яиц, но вот яйца из омлета… С точки зрения закона вы уже много лет мертвы, а теперешние владельцы — живые, здравствующие и всеми уважаемые люди.

Джастин Фут поднялся и, широко раскрыв

глаза, уставился на правительственного посла. Попалась мышь в мышеловку, подумал Лазарь, глядя на Джастина.

— Значит, «мертвы с точки зрения закона»?! Это какого же закона, сэр?! Это я-то?! Да я всю жизнь был уважаемым всеми адвокатом, никому не причинял зла и честно занимался своим делом! В один прекрасный день меня ни за что ни про что арестовывают, вынуждают бежать с планеты. А теперь спокойно заявляют — и глаз не прячут при этом! — что мое имущество конфисковано, как выморочное, а сам я объявлен мертвым и лишен всех прав! И это вы называете законом? Кстати, Ковенант еще в силе?

— Вы меня не так поняли…

— Я понял вас правильно! Если о правах человека вспоминают только тогда, когда это выгодно, Ковенант не стоит бумаги, на которой написан! Я устрою вам испытание, сэр. И для Семей оно будет значить очень много! Если мне немедленно не возвратят целиком и полностью мою собственность, я подам в суд на всех, кто этому препятствует. Я организую шумный показательный процесс! Я много лет терпел преследования, оскорбление личности и угрозы! Я буду кричать об этом на каждом углу!

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Джастин прав, Майлс, — спокойно заметил Слэйтон Форд. — Правительству лучше изыскать возможности и уладить это дело миром.

Лазарь поймал взгляд Либби и легонько кивнул на дверь. Они незаметно вышли.

— Джастина хватит самое меньшее еще на час, — сказал Лазарь. — Идем, заглянем в «клуб» и малость перекусим.

— Но ты уверен, что там абсолютно нечего делать?

— Расслабься. Если понадобимся капитану, он крикнет.

8

Лазарь умял три сэндвича, двойную порцию мороженого и несколько булочек, Либби удовлетворился гораздо меньшим. Лазарь поел бы еще, однако посетители «клуба» стали наперебой спрашивать его о ходе переговоров.

— Да, отдел снабжения, похоже, так и не пришел в себя, — пожаловался Лазарь, допивая третью чашку кофе, — избаловал их Малый Народец. Энди, ты любишь чили с мясом?

— Конечно!

Лазарь утер рот салфеткой.

— Когда-то в Тихуане был один ресторанчик — там чили делали лучше, чем где бы то ни было! Интересно, он сохранился?

— Тихуана — это где? — спросила Маргарет Уэзерэл.

— Да, Пегги, ты и Земли-то совсем не помнишь, верно? Тихуана — это, милочка, в Южной Калифорнии. Что такое Калифорния, знаешь?

— Думаешь, я географии не учила? Калифорния — это в Лос-Анджелесе.

— Ну да! Там, слева от входа. Впрочем, черт его знает, что они на Земле без нас напридумывали.

Динамики внутренней связи ожили:

— Старшего астрогатора капитан вызывает в рубку!

— О, меня, — сказал Либби и поспешил к выходу.

Вызов повторился, за ним последовало предупреждение:

— Внимание! Всем постам — приготовиться! Всем постам приготовиться к старту!

— Ну вот, началось, — Лазарь встал и, отряхнув килт от крошек, направился вслед за Либби, насвистывая на ходу:

Калифорния, вот и я!

Возвращаюсь в родные края…

Корабль уже стартовал, звезды исчезли. Капитан Кинг вместе с гостем вышел из рубки. Майлс Родни был ошеломлен и явно нуждался в глотке чего-нибудь, да покрепче.

Лазарь и Либби остались в рубке. Делать им пока что было нечего — часа четыре корабль должен был идти в парапространстве, чтобы затем выйти из него неподалеку от Земли. Лазарь закурил.

— Энди, а ты что будешь делать, когда вернемся?

— Не думал пока.

— Тогда давай думай. На Земле-то кое-что изменилось.

— Ну, для начала немножко побуду дома. Плато Озарк вряд ли изменилось слишком сильно.

— Да, холмы там наверняка все те же… Вот люди — те небось изменились.

— Как же?

— Помнишь, я как-то рассказывал, что однажды Семьи мне надоели до чертиков и я лет сто не контачил с ними? А все потому, что они стали слишком скучными, равнодушными и самодовольными. Я их больше не мог выносить. Боюсь, теперь почти все стали такими же. Еще бы, вечно жить собираются. Разные там долгосрочные инвестиции… да не забыть бы калоши — дождь на улице. Ну, всякое такое.

— А вот ты совсем другой.

— Потому, что на жизнь по-другому смотрю! Меня никогда ничто всерьез не побуждало жить вечно. К тому же, как сказал Гордон Харди, я представляю только третье поколение Семей Говарда. Я ведь просто жил себе, поживал, пока живется, и забот никаких не знал, не то, что остальные. Вот хоть этот Майлс Родни — он до смерти перепуган тем, что требуется принимать ответственные

решения.

— А я был рад, когда Джастин на него взъелся, — усмехнулся Либби. — Не думал, что Джастина на это хватит.

— А ты никогда не видел, как маленькая собачонка выгоняет здоровенного барбоса со своего двора?

— Думаешь, Джастин чего-нибудь добьется?

— Еще как — особенно если ты поможешь!

— Я?!

— Ведь кроме тебя никто ничего не знает о парадвижении? То есть мне ты кое-что рассказывал…

— Я надиктовал основные принципы на пленку.

— Но пленки Майлсу Родни не отдал. Земле твое изобретение до зарезу нужно, Энди! Ты же сам слышал, этот тип на перенаселенность жаловался. А Ральф говорил, теперь, чтобы иметь ребенка, нужно специальное разрешение от правительства!

— А почему не прямо от Господа Бога?!

— Да не шучу я! Если появится возможность эмигрировать на подходящие планеты, от желающих отбоя не будет! И тут появляешься ты со своим двигателем. Освоение звезд становится реальным — да они просто вынуждены будут нас

ублажать!

— Ну, вообще-то изобретение не мое. Двигатель разработали «гномики».

— Ладно, не скромничай. Сейчас оно в твоих руках. И тебе наверняка охота поддержать Джастина, так?

— Естественно!

— Тогда используем парадвигатель, как козырь в игре. Может, я сам с ними поторгуюсь. Однако это уже к делу не относится. Главное, кому-то надо будет провести разведку, перед тем как начнется волна эмиграции. Так давай с тобой за компанию откроем торговлю недвижимостью! Пошарим в нашем уголке Галактики, посмотрим, что там интересного.

Либби почесал нос, обдумывая предложение Лазаря.

— Заманчиво… Наверное, так и сделаем — только вначале домой съездить бы.

— И замечательно! А я тем временем подыщу приличную небольшую яхточку, тонн этак на десять, на нее поставим твой двигатель…

— А деньги где возьмем?

— Деньги будут. Я организую компанию так, чтобы она во время нашего отсутствия функционировала самостоятельно, и еще учредим

несколько дочерних, с привлечением других пайщиков. Потом…

— Лазарь, это же просто работа… Я думал, забавно будет.

— Ерунда, практическую сторону я беру на себя. А потом подыщу кого-нибудь, чтобы занимался финансами, вел документацию и все такое. Тут нужен кто-то типа Джастина. Может, его самого и возьмем.

— Раз так, ладно.

— А мы с тобой тем часом будем болтаться по космосу и глазеть на все, на что стоит поглазеть, так что будет вполне… забавно, обещаю!

Довольно долго они сидели молча. Слова были не нужны. Первым заговорил Лазарь:

— Энди…

— Что?

— А ты не хочешь попробовать этот новый фокус с переливанием крови?

— Наверное, попробую когда-нибудь.

— Все никак из головы не идет. Между нами говоря, реакция у меня уже не та, что сотню лет назад. Может, поизносился малость? Знаешь, я ведь и не думал строить планы насчет нашей компании, пока не услыхал об этом продлении жизни. Новые перспективы появились! Я сам не

заметил, как начал думать о далеком будущем, а ведь раньше никогда не загадывал дальше, чем на следующую среду.

— Взрослеешь, значит, — усмехнулся Либби.

— Да, пожалуй, пора. Нет, серьезно: я, похоже, взрослею. Последние два с половиной века были, так сказать, моей юностью, я хоть и прожил столько времени, но знаю о самых главных вещах не больше, чем Пегги Уэзерэл. Людям — таким, как ты и я, — всегда было некогда искать ответы на извечные вопросы. Возможности у нас были большие, но всегда нам что-то мешало. Если разобраться, мы и сейчас не ближе обезьян к ответам на них!

— И как же ты предлагаешь взяться за эти вопросы?

— Да откуда мне знать? Спроси меня этак лет через пятьсот.

— Думаешь, тогда что-нибудь изменится?

— По крайней мере, я попробую измениться. Времени мне теперь хватит: помотаюсь по вселенной, пораскопаю кое-какие любопытные штуки. Хотя бы этих богов джокайра…

— Лазарь, да никакие они не боги. Не стоит их так и называть.

— Да, верно. Я думаю, они — просто такие суще-

ства, у которых было достаточно времени, чтобы посидеть и поразмышлять о жизни как следует. И однажды, хотя бы через тысячу лет, я зайду прямо в храм этого Криила, погляжу ему в глаза и скажу: привет, пузырь! Чего ты такое знаешь, чего не знаю я?

— Возможно, это не пройдет тебе даром.

— Ну и что? Все равно, когда-нибудь придется помериться силами. Я не желаю мириться с исходом предыдущей схватки! В целой вселенной не должно быть таких, кому человек не мог бы натянуть нос! Такие уж мы есть.

— А если для драки нет никаких причин?

— Может, и так. Может, все это было просто шуткой, только они нас об этом не предупредили.

Поднявшись с кресла, Лазарь потянулся и почесал под мышкой.

— Но знаешь, Энди, что бы там ни было, я тебе так скажу: по крайней мере одна из сидящих в этой рубке обезьян намерена продолжать скакать по деревьям, глазеть вокруг и удивляться тому, что видит, — до тех пор, пока стоят еще на свете деревья!